

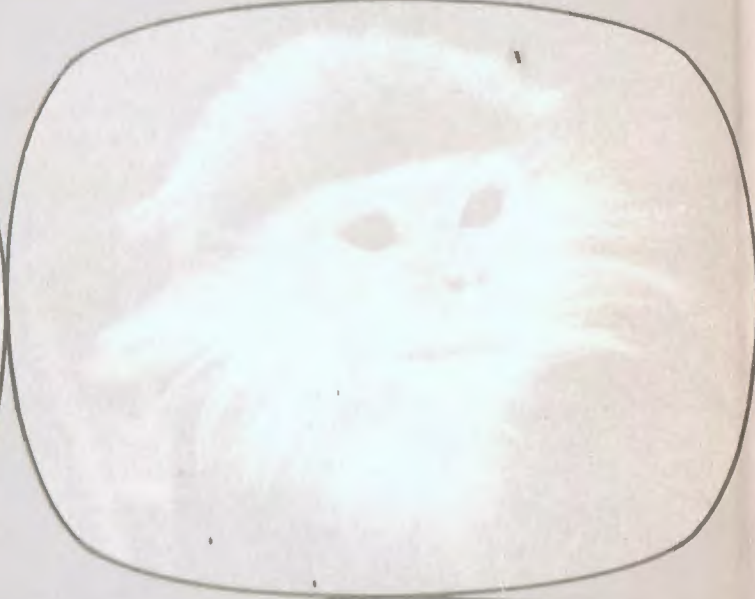
Удивительный мир диких животных

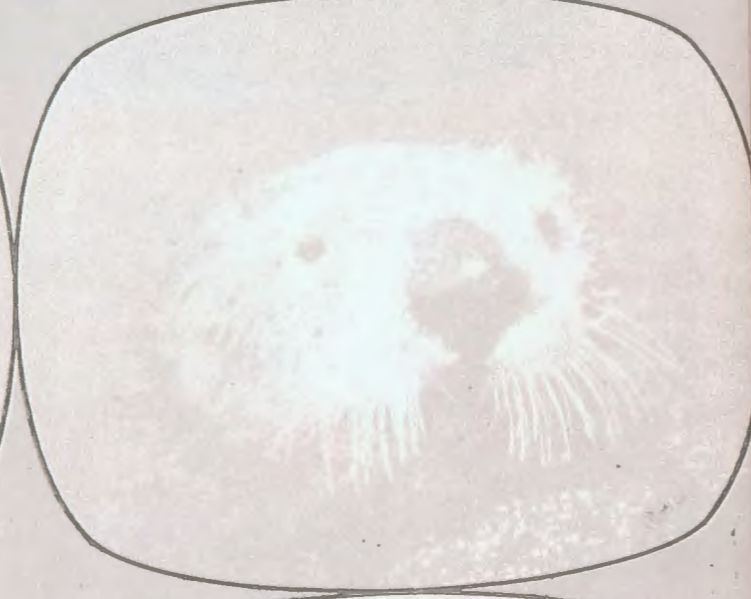
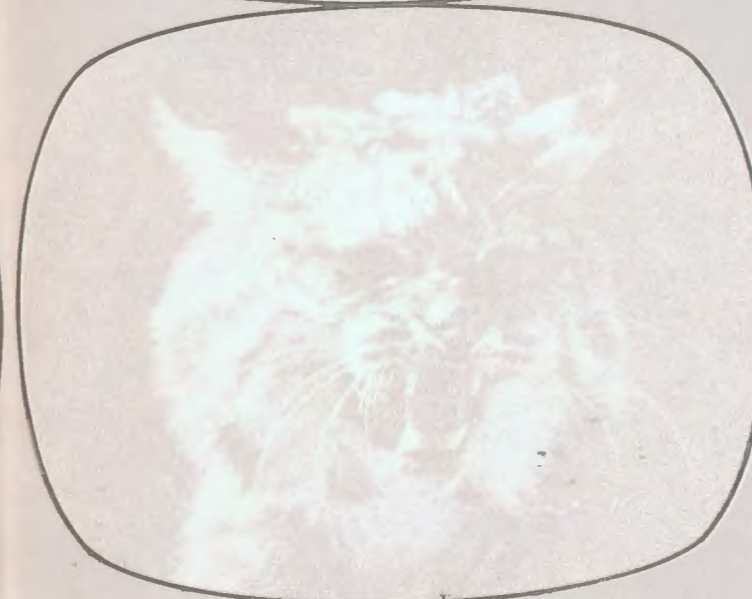
СЛОНЫ

и другие гиганты суши

Африканские и индийские слоны · Бегемоты
Жирафы · Носороги · Большие птицы
Гигантские пресмыкающиеся

Источники иллюстраций

Cover — G. D. Plage from Bruce Coleman, Inc. 1 — M. P. Kahl from Bruce Coleman, Inc. 5 — Russ Kinne from Photo Researchers, Inc. 8 — (top) Marvin Newman from Woodfin Camp & Associates, (bottom) G. Schaller from Bruce Coleman, Inc. 8—9 — Gerry Cranham from Bruce Coleman Inc. 19 — Lee Lyon from *Among the Elephants*. 20 — Simon Trevor from Peter Schub Syndication. 20—21 — Sven-Olaf Lindblad from Photo Researchers, Inc. 22 — Norman Myers from Bruce Coleman, Inc. 23 — (top) I. & O. Douglas-Hamilton, (bottom) I. & O. Douglas-Hamilton from *Among the Elephants*. 24 — (left) I. & O. Douglas-Hamilton from *Among the Elephants*, (right) Peter Beard. 25 — I. & O. Douglas-Hamilton. 26 — (left) I. & O. Douglas-Hamilton from *Among the Elephants*, (right) Peter Beard. 27 — Franz Hartmann F.R.P.S. from *Among the Elephants*. 28—29 — Peter Beard from Peter Schub Syndication. 29 — L. Dean, Time Inc. 34 — Norman Myers from Bruce Coleman, Inc. 34—35 — Sven-Olaf Lindblad from Photo Researchers, Inc. 35 — T. Nebbia. 36 — Simon Trevor from Peter Schub Syndication. 36—37 — Sven-Olaf Lindblad from Photo Researchers, Inc. 38 — G. D. Plage from Bruce Coleman, Inc. 39 — (top) T. Nebbia, (bottom) L. Dean, Time Inc. 40 — Bod Campbell from Bruce Coleman, Inc. 41 — (top) I. & O. Douglas-Hamilton, (center) M. & R. Borland from Bruce Coleman, Inc., (bottom) I. & O. Douglas-Hamilton from *Among the Elephants*. 42 — (top and bottom) I. & O. Douglas-Hamilton. 43 — Lee Lyon. 44—45 — Horst Munzig from Woodfin Camp & Associates. 46—47 — Horst Munzig. 47 — Horst Munzig from Woodfin Camp & Associates. 48—49 — Horst Munzig from Woodfin Camp & Associates. 51 — I. & O. Douglas-Hamilton. 53, 54 — L. McCombe, Time Inc. 55 — Hanumantha Rao from Photo Researchers, Inc. 56—57 — M. N. Boulton from Bruce Coleman, Inc. 67 — Simon Trevor from Bruce Coleman, Inc. 68—69 — Leonard Lee Rue III from the National Audubon Society Collection/Photo Researchers, Inc. 69 — Simon Trevor from Bruce Coleman, Inc. 70—71 — Alan Root. 71 — K. W. Fink from Bruce Coleman, Inc. 72 — (top, left) Simon Trevor from Bruce Coleman, Inc. 72—73 — Simon Trevor from Bruce Coleman, Inc. 74 — L. Dean, Time Inc. 79 — Mohamed Amin from Bruce Coleman, Inc. 80 — Leonard Lee Rue III from Bruce Coleman, Inc. 81 — (top) E. R. — Degginger from Bruce Coleman, Inc., (bottom) Gerry Cranham from Rapho/Photo Researchers, Inc. 82 — Tom McHugh from Photo Researchers, Inc. 83 — Norman Myers from Bruce Coleman, Inc. 84, 85 — S. Nagendra from Photo Researchers, Inc. 86, 87 — Norman Myers from Bruce Coleman, Inc. 91 — Norman Myers from Bruce

Coleman, Inc. 92—93 — D. Kessel, Time Inc. 93 — (top) Nina Leen, (bottom) D. & R. Sullivan from Bruce Coleman, Inc. 95 — Norman Myers from Bruce Coleman, Inc. 96 — Clem Haagner from Bruce Coleman, Inc. 97 — Wildlife Photographers from Bruce Coleman, Inc. 98—99 — Norman Myers from Bruce Coleman, Inc. 100 — Mohamed Amin from Bruce Coleman, Inc. 101 — Candice and Wolfgang Bayer. 102 — (left) George Holton from Photo Researchers, Inc. 102—103 — Reinhard Kunkel. 105 — A. W. Ambler, National Audubon Society Collection/Photo Researchers Inc. 106 — Charles R. Belinky from Photo Researchers, Inc. 107 — A. Twomey from Photo Researchers, Inc. 108 — R. D. Estes from Photo Researchers, Inc. 109 — Masud Quraishy from Bruce Coleman, Inc. 110—111 — Hamilton Wright from Photo Researchers, Inc. 112 — (left) A. W. Ambler from the National Audubon Society Collection/Photo Researchers Inc., (right) Bucky Reeves from the National Audubon Society Collection/Photo Researchers Inc. 113 — Peter Slater from Photo Researchers Inc. 115 — Larry Burrows, Time Inc. 116 — Lee Battaglia from Photo Researchers, Inc. 117 — New York Zoological Society. 118 — J. Hancock from Photo Researchers, Inc. 118—119 — Wolfgang Bayer. 120—121 — R. R. Pawlowski from Bruce Coleman, Inc. 122—123 — George Holton from Photo Researchers, Inc. 124 — F. Erize from Bruce Coleman, Inc. 125 — (top) Nina Leen, (bottom) N. Devore III from Bruce Coleman, Inc. 130 — M. P. Kahl from Bruce Coleman, Inc.

Photographs on endpapers are used courtesy of Time-Life Picture Agency and Russ Kinne and Stephen Dalton of Photo Researchers, Inc.

Film sequences on pages 10, 13, 17 and 109 are from "Ostrich" and "African Waterhole", programs in the Time-Life Television series *Wild, Wild World of Animals*.

Maps on pages 18, 52, 66, 78, 94 and 104 are by Enid Kotschnig; those on pages 114 and 122 are by Breck Trautwein.

Illustration on page 11 by Z. Burian, from *Prehistoric Animals* by Augusta and Burian, Paul Hamlyn Ltd., courtesy of Artia; those on pages 12, 16 and 85 are by Enid Kotsching. The illustration on pages 14—15 is by Peter Zallinger. The illustrations on pages 76—77 are by John Groth. Those on pages 30, 31 and 33 are from *Just So Stories* by Rudyard Kipling, reprinted courtesy of Doubleday & Co., Inc., Mrs. George Bambridge and the Macmillan Company of London & Basingstoke. The illustrations on pages 89 and 126 are from The Bettmann Archive, Inc.

A TIME-LIFE TELEVISION BOOK

Produced in Association with Vineyard Books, Inc.

Editor: Eleanor Graves

Senior Consultant: Lucille Ogle

Text Editor: Milton Orshefsky

Associate Text Editor: Bonnie Johnson

Authors: Prue and John Napier, Tony Chiu, Thomas A. Dozier, Ivan Kaye

Assistant Editors: Harold C. Field, Regina Grant Hersey

Literary Research: Ellen Schachter

Text Research: M. Caputineanu-Minden, Thomas Fitzharris

Copy Editors: Peter Ainslie, Robert J. Myer

Picture Editor: Richard O. Pollard

Picture Research: Judith Greene

Permissions: Celia Waters

Book Designer and Art Director: Jos. Trautwein

Assistant Art Director: David Russel

Production Coordinator: Jane L. Quinson

Удивительный мир диких животных

СЛОНЫ

и другие
гиганты суши

Wild, Wild World of Animals

Elephants & Other Land Giants

Based on the television series
Wild, Wild World of Animals

Published by
TIME-LIFE FILMS

Удивительный мир диких животных

СЛОНЫ

и другие
гиганты суши

Перевод с английского П. С. Гурова
под редакцией д-ра биол. наук проф. А. Г. Банникова

Москва • Мир • 1983

ББК 28.693.3

Н 46

УДК 596

Нейпье П. и др.

Н 46 Слоны и другие гиганты суши: Пер. с англ./
Нейпье П., Нейпье Дж., Чию Т., Дозье Т.,
Кей А. — М.: Мир, 1983. — 128 с. с ил.

Пятая книга американских авторов из зарубежной серии «Удивительный мир диких животных» (предыдущие книги выходили в издательстве «Мир» в 1980, 1981 и 1983 гг.) посвящена гигантским наземным млекопитающим, птицам и пресмыкающимся.

Текст прекрасно иллюстрирован цветными фотографиями и схемами и органично дополнен отрывками из литературных произведений и классических научных работ.

Для самого широкого круга любителей живой природы.

2005000000—246
Н ————— 173—83, ч.1
041(01)—83

ББК 28.693.3
596

*Редакция научно-популярной
и научно-фантастической литературы*

© 1976, 1977 Time-Life Films, Inc.

© Перевод на русский язык, «Мир», 1983

КОНСУЛЬТАНТЫ

УИЛЬЯМ КОНВЕЙ, генеральный директор Нью-Йоркского зоологического общества, — известный зоолог, проявляющий особый интерес к вопросам охраны дикой природы. Член совета многих научных обществ и организаций по охране окружающей среды, в том числе американского отделения Всемирного фонда охраны дикой природы и Орнитологической лаборатории при Корнеллском университете. Бывший президент Американской ассоциации зоопарков и аквариумов.

Д-р ДЖЕЙМС УОДДИК, куратор Нью-Йоркского зоологического общества по распространению научных знаний, — герпетолог, специализирующийся по земноводным. Печатался во многих научных журналах, был участником экспедиций в Мексику, Центральную Америку и Эквадор. Член Американского общества ихтиологов и герпетологов, действительный член Американской ассоциации зоопарков и аквариумов, член комитета этой ассоциации по распространению научных знаний.

ДЖЕЙМС ДОЭРТИ, куратор отдела млекопитающих Нью-Йоркского зоологического общества, — в его ведении находится коллекция млекопитающих, которая содержится в принадлежащем обществу зоопарке в Бронксе (Нью-Йорк) и насчитывает около тысячи видов. Автор многих статей по естественной истории, размножению млекопитающих в неволе и уходу за ними. Член Американской ассоциации териологов, действительный член Американской ассоциации зоопарков и аквариумов.

Д-р ДОНАЛД БРУНИНГ, куратор отдела орнитологии Нью-Йоркского зоологического общества, — профессор зоологии Фордхэмского университета, автор многочисленных статей о птицах. Был делегатом на Международном орнитологическом конгрессе и участвовал в работе конференции Международного совета по охране птиц, происходивших в Канберре (Австралия) в 1974 году. Занимался исследованием нанду в Аргентине.

МАРК МАКНАМАРА — помощник куратора отдела млекопитающих Нью-Йоркского зоологического общества.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА ПЕРЕВОДА	6
ВСТУПЛЕНИЕ	9
АФРИКАНСКИЕ СЛОНЫ	18
<i>Отрывок из сказки Редьярда Киплинга</i>	
«Слоненок»	30
<i>Отрывок из книги Иэна и Орис Дуглас-Гамильтон</i>	
«Жизнь среди слонов»	44
ИНДИЙСКИЕ СЛОНЫ	52
<i>Рассказ Редьярда Киплинга</i>	
«Слоновый Тумай»	59
БЕГЕМОТЫ	66
<i>Отрывок из книги Джеральда Даррелла «Встречи с животными»</i>	
	75
НОСОРОГИ	78
<i>Отрывок из книги Жана-Пьера Алле</i>	
«Зверь Китабу»	88
ЖИРАФЫ	94
БОЛЬШИЕ ПТИЦЫ	104
ГИГАНТСКИЕ ПРЕСМЫКАЮЩИЕСЯ	114
<i>Отрывок из книги Чарлза Дарвина «Путешествие натуралиста вокруг света на корабле „Бигль“»</i>	
	126
ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	128

Предисловие редактора перевода

Гигантизм как одно из направлений эволюционного развития — нередкое явление в различных группах наземных позвоночных животных. Для пресмыкающихся, у которых при низком уровне обмена веществ невозможна химическая терморегуляция, гигантизм оказался губительным. И с появлением теплокровных животных — птиц и млекопитающих — они, не выдержав конкуренции, вымерли. Немногие относительно гигантские формы сохранились либо в тропиках, заняв при этом специфические экологические ниши в водоемах, где конкуренция не столь напряжена (крокодилы, анаконда), либо на островах с их обедненной фауной (гигантские черепахи).

Для летающих птиц гигантизм в принципе ограничен возможностями подъемной силы крыла, как это хорошо показано авторами вступительной статьи Пру и Джоном Нейпье. Правда, совсем недавние находки палеонтологов показали, что крупнейшим из известных летающих птиц на Земле был аргентавис из группы хищных тераторнисов, населявших Южную Америку 5—8 миллионов лет назад. Его рост достигал 1,8 м, размах крыльев — 7,5 м и весил он более 75 кг.

Среди млекопитающих гигантизм встречается в различных группах тропических растительноядных животных, корма которых достаточно обильны круглый год. Преимущества крупных размеров и их недостатки хорошо объяснены в книге, да они и очевидны. Крупные животные всегда привлекали человека как источник обильной продукции, поэтому именно они испытали наибольшее воздействие со стороны человека. С момента написания этой книги прошло почти 10 лет, состояние же гигантов суши изменилось с тех пор не в лучшую сторону.

Почти половина книги посвящена слонам, и это не случайно. Каждого, кому повезло увидеть дикого слона в природе, неизбежно поражает его легкость и подвижность. Стадо слонов может бесшумно исчезнуть как серое туманное облако, казалось бы, в непроходимой чаще леса, с легкостью преодолеть топкое болото, быстро подняться по крутому склону или легким шагом преодолеть огромные расстояния в высокотравных саваннах. Эти самые крупные гиганты суши — не «живые ископаемые», не угасающая ветвь животного мира, а биологически очень пластичные, вполне жизнеспособные животные. В самом деле, совсем недавно они были широко распространены и населяли все ландшафты тропического пояса Африки и Восточной Азии.

Однако с давних времен человек преследует слонов из-за их бивней, этой драгоценной слоновой кости. В конце XIX — начале XX вв., с проникновением европейцев в Африку и Юго-Восточную Азию, на-

чалось массовое уничтожение великолепных гигантов. Создание национальных парков, резерватов, заключение конвенций и издание законов по охране природы в молодых, освободившихся от колониального господства странах приостановили катастрофическое истребление слонов. Более того, к 60-м годам, особенно в Восточной Африке, численность слонов в национальных парках необычайно возросла. Создалась угрожающая ситуация: даже при плотности популяций 1—3 животных на 1 км² слоны полностью уничтожают деревья и кустарники. Не имея возможности совершать широкие кочевки из-за освоения человеком окружающих территорий, они стали разрушать экосистемы парков, что создало крайне тяжелые условия и для самих слонов. Поэтому в ряде национальных парков Африки было принято решение об отстреле нескольких тысяч слонов.

Во второй половине 70-х годов положение вновь изменилось: резко возросли спрос и цены на слоновую кость, что повлекло за собой развитие массового браконьерства. Несмотря на существующие законодательства, справиться с браконьерами, располагающими современным оружием и транспортом, в большинстве стран оказалось невозможным. Например, из стран Восточной Африки в 1976 г. незаконно было вывезено не менее 976 т слоновой кости, для чего было убито около 112 тысяч слонов. Менее чем за пять лет поголовье слонов в Африке сократилось почти в два раза, а в некоторых странах даже на 70—80%. Слоны вновь оказались под угрозой полного истребления. В 1979 г. и африканский, и индийский слоны были внесены в Красную книгу Международного союза охраны природы и природных ресурсов (МСОП). Созданные в МСОП рабочие группы по слонам, разрабатывающие программы охраны и изучения слонов, пришли к выводу, что в Африке сохранилось не более 1300 тысяч слонов и поголовье их быстро падает.

Общая численность индийских слонов по различным источникам составляет от 28 до 42 тысяч, то есть за последнее десятилетие сократилась в 2—3 раза. Слон — священное животное у буддистов и с давних времен охраняется. Он был и сейчас остается незаменимым животным, используемым как средство транспорта и на лесоразработках в труднодоступных районах Азии. Однако вырубка лесов, использование обширных территорий под каучуковые плантации, поля риса и других сельскохозяйственных культур резко сократили пригодные для слона места обитания. При содействии экспертов МСОП и финансовой поддержке Всемирного фонда охраны дикой природы в Шри-Ланке, Индии и некоторых других странах разработаны и осуществляются программы мероприятий по охране слонов: создаются специальные резерваты, при лесоразработках оставляют «лесные коридоры», по которым слоны могут совершать сезонные миграции, и т. п. Международной конвенцией по ограничению торговли редкими видами

фауны и флоры официальная торговля слоновыми бивнями запрещена. Однако для охраны слонов сейчас важнее всего прекратить подпольную торговлю слоновой костью.

Еще более катастрофично положение с другой группой сухопутных гигантов — носорогами. Все они попали в Красную книгу МСОП, при этом 4 из 5 видов занесены на красные листы, то есть имеют статус исчезающих животных. Причина их бедственного положения та же, что и слонов, — браконьерство. Носорогов, особенно азиатских, с древних времен преследуют из-за легенд о сказочно целебных свойствах их рогов. Благодаря принятым мерам положение с азиатскими носорогами за последнее десятилетие немного улучшилось. Так, в природном парке Уджунг-Кулон на востоке Явы, где только и сохранился яванский носорог, с 1967 по 1977 г. поголовье его удвоилось и достигло 54—60 голов. Суматранских носорогов сейчас насчитывается около сотни, но они разбросаны мелкими популяциями в Бирме, Таиланде, Малайзии и на Суматре, что затрудняет их учет и охрану. Численность индийского носорога в результате создания новых национальных парков в Индии и Непале удалось поднять примерно до 1100 голов.

Напротив, положение с африканскими носорогами резко ухудшилось. Численность южноафриканского подвида белого носорога, которого удалось спасти только в национальном парке Умфозали, упала за последние годы в два раза. Северный подвид, распространенный в Судане, Уганде и Заире, понес еще большие потери, и от 2—3 тысяч носорогов, обитавших здесь в середине 60-х годов, сохранилось не более 500.

Длительное время положение с черным носорогом не вызывало беспокойства. Десятки тысяч этих носорогов обитали в Восточной, Центральной и Южной Африке. Учеты, проведенные в последние годы, показали, что число черных носорогов не превышает немногие тысячи, из которых более 85% обитают на заповедных территориях. Причина такого быстрого падения численности опять же в браконьерстве, которое стимулируется резким скачком цен на рога, контрабандой переправляемые в Азию. Так, с 1969 по 1978 г. цена рогов возросла более чем в пять раз.

Все тапиры, кроме равнинного, населяющего леса Южной Америки, находятся на грани исчезновения. Самый крупный, центральноамериканский, тапир, возможно, уже исчез, поскольку о нем нет никаких сведений более пяти лет. Самый мелкий, горный, тапир, видимо, на грани исчезновения: немногие сотни этих животных сохранились в труднодоступных высокогорьях Анд. Положение с чепрачным тапиром Юго-Восточной Азии не лучше. Освоение человеком мест обитания тапиров привело к тому, что к середине 70-х годов на заповедных территориях оставалось не более нескольких десятков животных этого вида.

Положение с другими гигантскими млекопитающими — жирафами и бегемотами — осталось прежним. Правда, карликовый бегемот уже исчез в Нигерии, и численность его заметно падает в других странах Западной Африки, так что с 1978 г. он внесен в Красную книгу МСОП.

Что касается гигантских птиц, то сегодня большинству из них не грозит исчезновение, кроме одного подвида дарвинова нанду, немногие сотни которого обитают в Восточных Андах. Страусов, как и обыкновенных нанду Южной Америки, не только успешно оберегают в национальных парках, но и разводят на фермах. Эму в Австралии оказались весьма жизнеспособными и, несмотря на неоднократные попытки фермеров истребить их в сельскохозяйственных районах, до сих пор почти повсеместно распространены. Казуаров пока что успешно скрывают труднодоступные леса Новой Гвинеи и Северной Австралии.

Среди пресмыкающихся наибольшее воздействие человека испытали крокодилы и гигантские черепахи. Постоянно возрастающий спрос на кожу крокодилов к 60-м годам привел к тому, что большинство видов этих пресмыкающихся оказалось на грани исчезновения. Однако выяснилось, что они хорошо живут и размножаются в неволе, и это породило новую область животноводства — крокодиловодство. Во многих тропических странах были созданы фермы для разведения крокодилов, и теперь они ежегодно дают десятки тысяч шкур для кожаной промышленности. Разведение крокодилов оказалось гораздо рентабельнее браконьерской охоты и заметно способствовало сохранению крокодилов в природе. Однако численность большинства видов еще не восстановилась: 14 из 22 видов этих рептилий занесены на красные листы Красной книги МСОП. Только один вид — мексиканский аллигатор — восстановил свою численность, и сведения о нем с 1979 г. печатаются на зеленых листах Красной книги.

Другая группа гигантских пресмыкающихся — черепахи Галапагосских островов, — вероятно, самые первые среди рептилий испытали чрезвычайно сильное воздействие человека. Около 15 подвидов слоновой черепахи, каждый из которых обитал на своем, отдельном острове в архипелаге Галапагос, в большинстве своих местобитаний были выловлены и вывезены на кораблях в качестве «живого мяса». В конце XIX в., когда черепахи были взяты под охрану, на многих островах их уже не оказалось. Сегодня 11 сохранившихся подвидов галапагосских черепах включены в Красную книгу МСОП. Другой вид огромных черепах — гигантская черепаха — некогда населял остров Мадагаскар, Маскаренские, Сейшельские и прилежащие острова Индийского океана (причем на каждом острове обитали черепахи особого подвида). Их также повсюду истребили, они сохранились лишь на атолле Альдабра.

Дальнейшая судьба гигантов во многом зависит от человека, и не надо терять надежды, что ему удастся их спасти.

Вступление

Гиганты в мире животных бывают разные. Во-первых, это отдельные очень крупные особи, представляющие собой индивидуальные отклонения от нормы. Классическим примером служит Чудо-Свинья — лондонская сенсация 1867 года: имея в длину без малого три метра, она весила 1270 килограммов. Во-вторых, это целые виды, которые получили название «гигантских» только потому, что, по мнению первого описавшего их натуралиста, они были крупнее, чем им полагалось. Например, путешественники первой половины XIX века, попадая в тропики, дивились «гигантским» паукам величиной с суповую тарелку, «гигантским» улиткам, «гигантским» белкам. Тем, кто прежде не видел змей крупнее гадюки или ужа, питон, естественно, казался «гигантом».

И наконец, существуют подлинные гиганты — слоны, носороги, жирафы и другие животные, которые действительно поражают своей величиной, но уже абсолютной, а не относительной. Человек рядом с ними чувствует себя крохотным и испытывает к ним благоговейное почтение, усугубляемое их своеобразием. Вот таким гигантам и посвящена эта книга.

Увеличение абсолютной величины представляет собой одно из самых обычных направлений эволюционного процесса. Оно проявляется во всех классах животного мира. Есть гигантские беспозвоночные (вроде гигантских кальмаров), гигантские млекопитающие (киты), а прежде были и гигантские пресмыкающиеся (динозавры). С эволюционной точки зрения несомненно выгодно быть несколько крупнее своих соплеменников, а потому естественный отбор — механизм, с помощью которого осуществляется эволюция, — должен благоприятствовать более крупным членам популяции и отсеивать более мелких. Таким образом, в каждом новом поколении отпрыски более крупных особей получают и передают дальше соответствующий генетический материал, и постепенно более крупные размеры становятся характерными для всех животных данного вида. Результаты подобного естественного отбора можно проследить хронологически по связанным прямым родством ископаемым формам, например, лошади. Современная лошадь покажется «гигантом», если вспомнить, что ее предок *Hyracotherium* — первобытная лошадь, жившая на земле 60 миллионов лет назад, — был ростом не больше терьера. Рядом с современным человеком его предки выглядели бы карликами.

В человеке глубоко укоренилось уважение к величине. Мы восхищаемся огромными горами, большими зданиями, гигантскими животными и высокими атлетами просто потому, что они превосходят величиной себе подобных. Если новорожденный оказывается длиной чуть больше среднего, его родители испытывают безотчетное удовлетворение, словно невеста как отличилась, произведя на свет такое чудо. «Высокий для своего возраста» ребенок служит источником гордости для родителей до тех пор, пока сын не вымахает в двухметрового верзилу, для которого приходится заказывать специальную кровать, а дочка не начнет рыдать, потому что она на голову выше всех знакомых мальчиков. Так что крупные размеры имеют и свою оборотную сторону.

Преимущества крупных размеров для животных очевидны. На крупных животных хищники нападают, как правило, реже. Такие животные часто способны двигаться быстрее мелких и покрывать значительно большие расстояния. Мозг у них крупнее, память лучше, и в целом они сообразительнее. Кроме того, они живут дольше. Продолжительность жизни слона составляет 60 лет, то есть вполне сопоставима с человеческой.

Главная трудность, с которой сталкиваются крупные животные, заключается в том, что им требуются колоссальные количества пищи. Крупные животные, как правило, питаются растительным кормом, в изобилии окружающим их, например травой и листьями, а не мясом или насекомыми. Слоны, бегемоты, жирафы и даже гориллы — все это травоядные животные, и существуют они за счет пышной раститель-

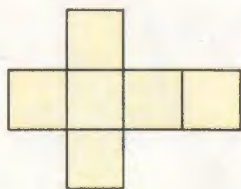
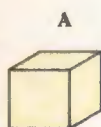
Брахизавр был самым крупным животным из всех, когда-либо обитавших на суше.

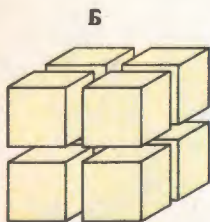
По мере того как животное растет, площадь его кожи, отдающей тепло, относительно уменьшается. Рисунок внизу наглядно показывает отношение площади поверхности к объему. На диаграмме А один кубик имеет поверхность, равную 6 квадратам. На диаграмме Б восемь кубиков имеют поверхность в восемь раз больше, т. е. равную 48 квадратам. Однако площадь поверхности восьми сложенных вместе кубиков на диаграмме В уменьшается вдвое и равна только 24 квадратам. У одного большого бегемота общая поверхность кожи также вдвое меньше общей поверхности кожи восьми бегемотиков, общий объем которых равен его объему.

ОБЪЕМ

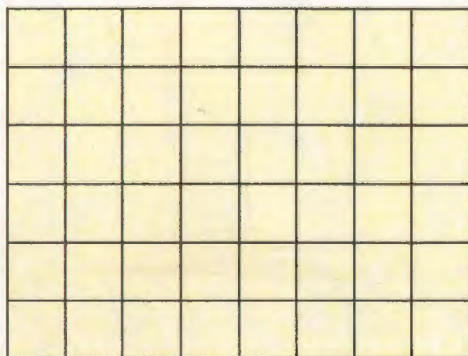
ПЛОЩАДЬ

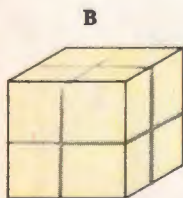
1 кубик = 6 квадратов

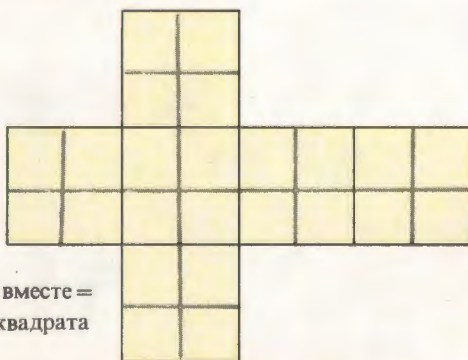
=

8 кубиков = 48 квадратов

=

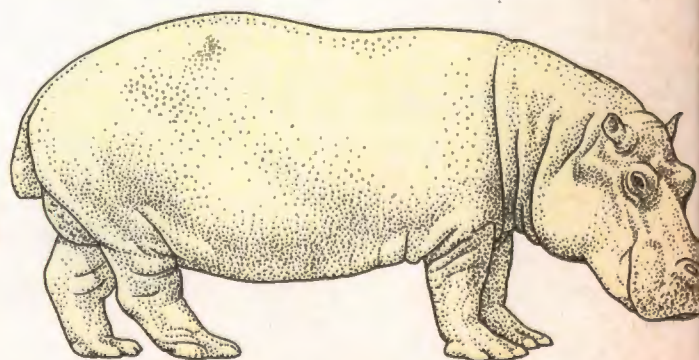
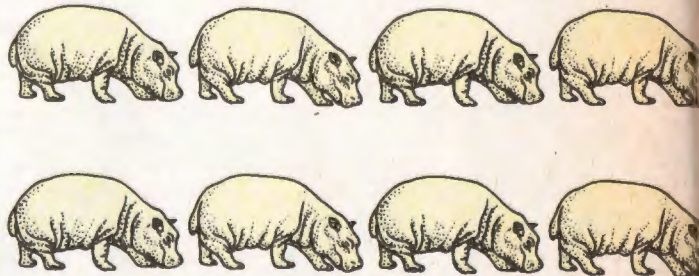
8 кубиков, сложенных вместе =
24 квадрата

ности африканских лесов и саванн. Вот, в частности, почему самые крупные сухопутные млекопитающие обитают в тропиках, где корма хватает круглый год.

Еще одна трудность связана с регулированием температуры тела. В отличие от «холоднокровных» пресмыкающихся и рыб температура тела у млекопитающих поддерживается на постоянном уровне с незначительными суточными колебаниями. Как ни удивительно, температура тела самых больших и самых маленьких млекопитающих практически совпадает. Нормальная температура тела человека равна 37° , слона — $36,2^{\circ}$, а мыши — $36,5^{\circ}$. Но поддержание постоянной температуры требует чрезвычайно точного регулирования в получении и отдаче тепла, и вот тут-то величина животного играет решающую роль.

Млекопитающие вырабатывают тепло, «сжигая» пищу, словно топливо, чтобы обеспечить энергией деятельность организма, а потому количество полученного тепла пропорционально объему тела. Теряют же они тепло, излучая его через кожу, так что количество теряемого тепла зависит от площади поверхности тела. Однако все не так просто, как может показаться, — «принцип картофелины» наглядно свидетельствует, что с изменением величины предмета меняется отношение между его объемом и площадью поверхности. Те, кому приходилось чистить картофель, несомненно, замечали, что килограмм мелких картофелин дает гораздо больше очисток, чем килограмм крупных. Причина станет очевидной, если разрезать большую картофелину на четвертушки: четыре полученные таким образом мелкие картофелины покрыты кожей только с одной стороны.

Продолжая ту же аналогию, возьмем в качестве примера животное, туловище которого по форме наиболее напоминает картофелину. Че-

тырехтонный бегемот вырабатывает тепло пропорционально своему огромному объему, а теряет его через кожу, поверхность которой относительно невелика. И весь образ жизни бегемота определяется потребностью в постоянном охлаждении. Бегемоты, живущие под палящим африканским солнцем, день проводят в воде, а на берег выходят только с наступлением ночной прохлады. С другой стороны, самое мелкое из млекопитающих, крошечная бурозубка, весящая всего около трех граммов, вырабатывает ничтожное количество тепла, которое быстро излучается через относительно большую поверхность ее тела. И для нее проблема регулирования температуры приобретает совершенно иной характер: чтобы не замерзнуть, она вынуждена почти непрерывно есть.

Слонам тоже нелегко избегать перегрева, однако их огромные хлопающие уши обеспечивают дополнительную поверхность кожи для излучения излишков тепла. Температура крови, поступающей в слоновье ухо, может быть на 9° выше, чем у крови, оттекающей от него, что свидетельствует о весьма мощном механизме охлаждения.

Жираф не испытывает особых трудностей с охлаждением, но его длинная шея порождает уникальную проблему кровообращения — кровь должна поступать в мозг, расположенный на три метра выше сердца. Для компенсации силы тяжести кровяное давление у жирафа неизбежно должно быть выше, чем у любого другого животного, — в среднем оно составляет 220/160 мм рт. ст. (Для сравнения — нормальное кровяное давление у человека равно 120/80 мм рт. ст.) Поэтому стенки кровеносных сосудов должны быть у него чрезвычайно толстыми и эластичными. Существует мнение, что спинномозговая жидкость у жирафов, окружая спинной и головной мозг, обеспечивает то внешнее давление на сосуды, которое не дает им лопнуть.

Двигается жираф очень грациозно и красиво. Однако практически все крупные млекопитающие не способны мгновенно ускорить бег, круто изменить направление или сразу остановиться. Чем тяжелее животное, тем больше усилий требуется ему для разгона и тем более мощной должна быть его система торможения. Носорог, например, разгоняется медленно, но когда уж он наберет скорость, остановиться ему очень нелегко. Тем не менее он много подвижнее, чем кажется на первый взгляд.

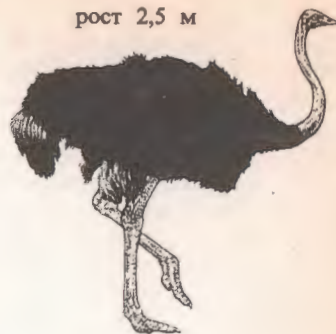
Гигантизм чреват трудностями не только для млекопитающих, но и для птиц. В воздухе величина, форма, а главное вес даже еще важнее, чем на земле. Площадь крыльев, обеспечивающая «подъемную силу», позволяющую живым существам летать и парить, очень точно соотносится с их весом — и у колибри, который весит меньше двух граммов, и у лебедя-шипуна, который, достигая тринадцати килограммов веса, является одной из самых тяжелых птиц, когда-либо поднимавшихся в воздух. Более тяжелые птицы вроде страусов, эму, нанду и казуаров, о которых пойдет речь в этой книге, настолько велики, что уже более не способны оторваться от земли.

Таковыми они стали в результате долгого эволюционного развития. Самая древняя известная птица — археоптерикс (*Archaeopteryx*) — поднялась в воздух около 150 миллионов лет назад, в юрском периоде. В конце мелового периода, 70 миллионов лет назад, все динозавры вымерли, и опустевший с исчезновением этих гигантских пресмыкающихся мир начали заселять птицы и небольшие, величиной с крысу, млекопитающие. В эту эпоху некоторые птицы, которым уже не было нужды спасаться от хищников в воздухе, перешли к наземному образу жизни. Постепенно они стали крупнее, у них развились мощные ноги с большой опорной поверхностью, лучше поддерживающей их тяжелое тело. Крылья их стали бесполезными или изменили свою функцию. У мадагаскарского эпиорниса крылья были маленькими, а у новозеландского моа вообще исчез весь аппарат крыла. Эти две птицы соперни-

На фоне пятидесятипятитонного брахиозавра (*Brachiosaurus*), крупнейшего из когда-либо существовавших обитателей суши, современные сухопутные гиганты выглядят миниатюрными. Каждый изображен в паре с более мелким членом того же семейства, который, возможно, является его предком или, во всяком случае, похож на него. *Protosuchus*, примитивный крокодил, жил около 170 миллионов лет назад и, если не считать более длинных ног, строением и привычками очень походила на современного крокодила. Меритерий (*Moeritherium*), член семейства слонов, обитал 35 миллионов лет назад в болотах современного Египта и был величиной со свинью. Археоптерикс (*Archaeopteryx*), первая из известных летающих птиц, жил 180 миллионов лет назад и вряд ли особенно хорошо летал. *Paleotragus*, древний жираф, очень походила на современного окapi. Происхождение бегемота неясно, но древний член этого семейства, ботриодон (*Bothriodon*), тоже был ростом со свинью и напоминал ее некоторыми особенностями, которые имеются у нынешних бегемотов. *Nutacus*, носорог эпохи эоцена, был величиной с крупную собаку. *Rapacatherium*, вымерший азиатский родич нынешних носорогов, безобидное травоядное, был крупнейшим сухопутным млекопитающим, когда-либо существовавшим на Земле. Генеалогическое древо черепах также таит немало загадок, однако первая истинная черепаха, *Proganochelys*, немногим уступала в размерах нынешним галапагосским гигантам.

СТРАУС
рост 2,5 м

АРХЕОПТЕРИКС
размах крыльев 0,6 м

НИЛЬСКИЙ КРОКОДИЛ
длина 5 м

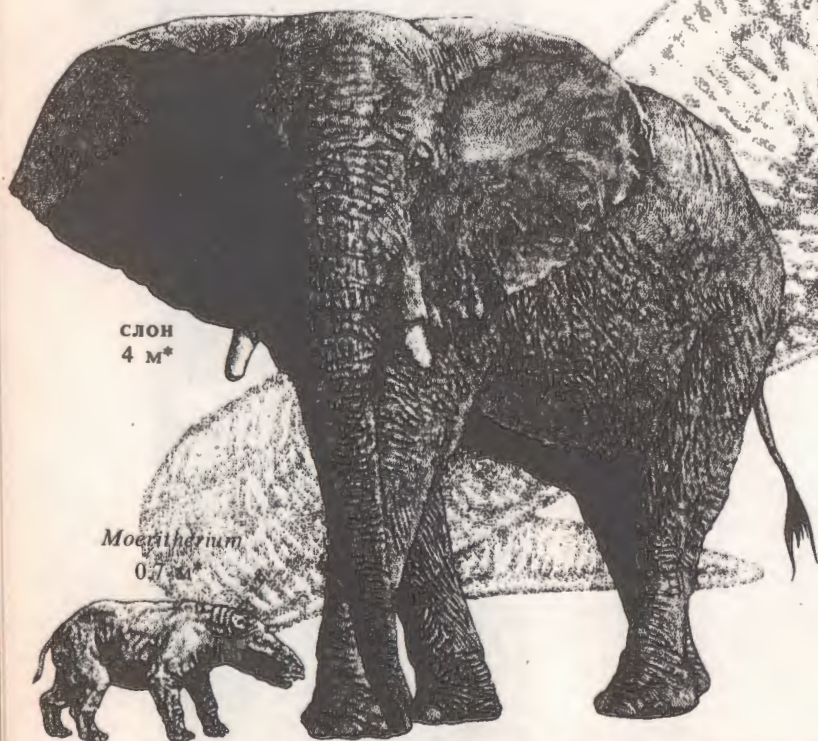
Protosuchus
длина 1 м

ЖИРАФ
рост 5,5 м*

Paleotragus
1,8 м*

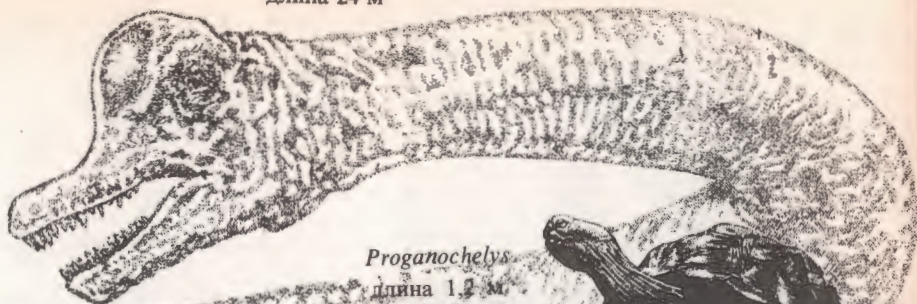
СЛОН
4 м*

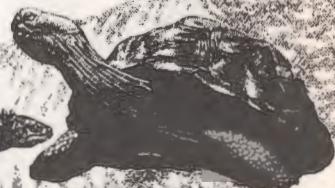
Moeritherium
0,7 м*

Звездочкой обозначена высота животного

БРАХИОЗАВР
длина 24 м

Proganochelys
длина 1,2 м

СЛОНОВАЯ ЧЕРЕПАХА
длина 1,5 м

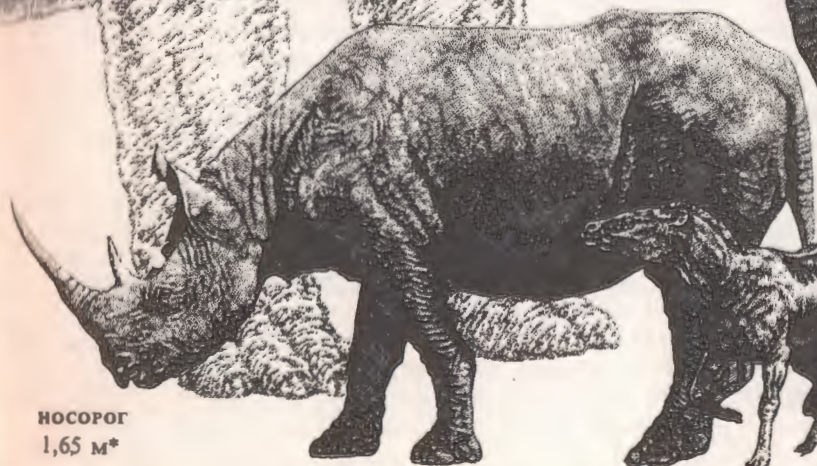
БЕГЕМОТ
1,5 м*

Bothriodon
0,75 м*

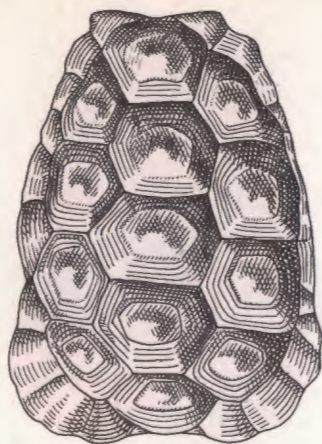
НОСОРОГ
1,65 м*

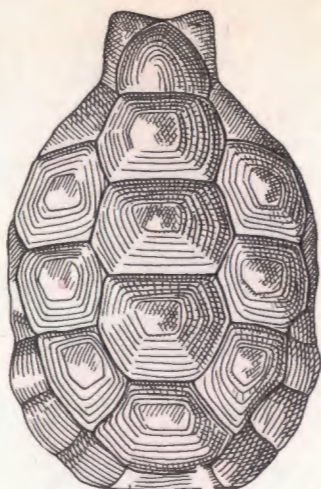
Hyracnus
1 м*

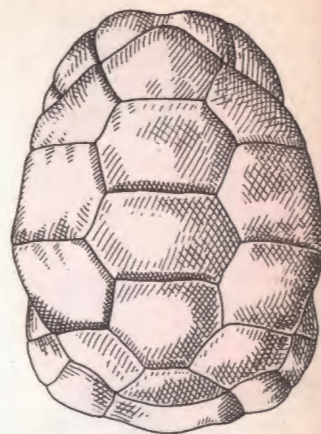
Paraceratherium 5,5 м*

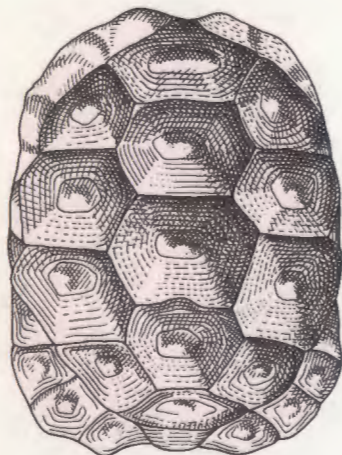
ПИНСОН
СЕДЛОВИДНЫЙ

ПИНТА
СЕДЛОВИДНЫЙ

ИСАБЕЛА
КУПОЛООБРАЗНЫЙ

САНТА-КРУС
КУПОЛООБРАЗНЫЙ

На рисунке изображены панцири четырех из 11 еще сохранившихся подвидов слоновых черепах, обитающих на Галапагосских островах. Каждый из них обладает характерной для данного подвида формой, а также особым узором щитков. Панцири бывают куполообразными или седловидными. У черепах, обитающих в местностях с сочной растительностью, как, например, у черепах на островах Санта-Крус и Исабела, панцири куполообразные. А у тех черепах, которым приходится вытягивать шею в поисках корма — например, у подвидов на островах Пинсон и Пинта, — в ходе эволюции передний край панциря приподнялся, словно лука седла, что обеспечивает больше свободы для движений шеи. Такая форма панциря получила название седловидной.

чают за титул самой крупной птицы всех времен. Эпиорнис достигал в высоту трех метров и весил до 450 килограммов, моа же при высоте от трех с половиной до четырех метров весил, по-видимому, вдвое меньше.

И моа и эпиорнис вымерли уже в историческую эпоху. Они жили на островах, где не было крупных хищников, которые могли бы стать их врагами, и безмятежно благоденствовали до появления человека — порой самого беспощадного хищника. Классическим примером вида, исчезнувшего из-за соприкосновения с человеком, стал дронг, обитавший на острове Маврикий. Плотного сложения, неуклюжий и не слишком сообразительный дронг был совершенно беззащитен не только перед человеком, но и перед его четвероногими спутниками — собаками, кошками и крысами.

Острова нередко оказываются подлинными заповедниками для их обитателей, а потому являются факторами, которые определяют эволюционные изменения. Чарлз Дарвин в 1835 году побывал на Галапагосских островах и на десяти из них обнаружил огромных черепах, причем форма их панциря варьировала от острова к острову. Изоляция и отсутствие как опасных врагов, так и конкуренции привели к тому, что у каждой отдельной островной популяции появился свой собственный тип панциря. Эти черепахи, весящие 220—270 килограммов, гораздо крупнее своих сородичей из Южной Америки, откуда их прародительница (скорее всего, это была готовая к яйцекладке самка) приплыла на каком-нибудь древесном стволе. С тех пор, как их увидел Дарвин, значительная часть существовавших тогда пятнадцати подвидов успела вымереть, главным образом из-за неблагоприятного воздействия человека и сопутствующих ему млекопитающих — собак, свиней и коз, которые не только уничтожали яйца и маленьких черепашек, но и губили уникальную местную растительность, основной корм черепах.

Комодский варан — гигантская ящерица, получившая свое название от индонезийского острова Комодо, — также не имеет ни природных врагов, ни конкурентов, но его пришлось поставить под защиту закона, чтобы спасти от местных земледельцев, которые всячески старались избавиться от нежелательного соседства.

Гигантизм нередко представляет собой заключительный этап той или иной линии развития — колоссы, как правило, не дают мелкого потомства. Чаще всего великаны вымирают, потому что им труднее приспособиться к изменениям среды обитания. В плейстоцене (геологи-

ческой эпохе, которая началась два миллиона лет назад и закончилась около десяти тысяч лет назад) существовали гигантские формы хорошо знакомых нам животных, например павианов, овец, быков и свиней, которых в наши дни к гигантам не причисляют. Их окаменевшие остатки были найдены в Олдувайском ущелье в Танзании. Конечно, павианы, овцы и все прочие существуют и по сей день, но, строго говоря, их нельзя назвать прапраправнуками гигантских плейстоценовых животных, которые исчезли с лица земли, не оставив прямого потомства. Современные и плейстоценовые овцы произошли от общего предка, но родство между ними — скорее родство двоюродных братьев и сестер, а не родителей и детей.

Гигантские животные нередко носят в себе семя своей будущей гибели. Пока условия идеальны и корм обилён, они живут и благоденствуют, но когда конкуренция с другими животными обостряется (что предположительно происходило в эпоху плейстоценовых оледенений и последующих дождливых периодов), они уже не находят достаточно корма и вымирают. Кроме того, несомненно существует верхний предел для размеров туловища, когда ноги еще способны поддерживать его и передвигать. Этого предела для сухопутных животных, по-видимому, достигли гиганты века пресмыкающихся — динозавры.

Динозавры, или «ужасные ящеры», далеко не все были гигантами. Длина их колебалась от одного до двадцати пяти метров, и существовали они на протяжении примерно 130 миллионов лет, достигнув наивысшего расцвета в меловой период, начавшийся 135 миллионов лет назад и завершившийся около 70 миллионов лет назад. Растительноядные и плотоядные динозавры существовали бок о бок, и соотношение их было примерно таким же, как у травоядных и плотоядных млекопитающих в наши дни. Первые питались тропической растительностью, которая в те дни покрывала значительную часть суши. Крупнейшие из них — достигавшие 25 метров пятидесятипятитонные брахиозавры (*Brachiosaurus*) и диплодоки (*Diplodocus*) — жили в болотах и озерах, держа над поверхностью воды только длинные шеи и таким образом уменьшая воздействие силы тяжести. Их главным врагом был тиранозавр (*Tyrannosaurus rex*) — подлинное чудовище двенадцатиметровой длины и шестиметровой высоты, чьи мощные челюсти были усажены десятками зубов-кинжалов. Об их образе жизни мы знаем до обидного мало и еще меньше — о причинах, из-за которых все они, не только гиганты, но и мелкие виды, внезапно вымерли в конце мелового периода.

Если же в исконных местах своего обитания вымрут еще сохранившиеся сухопутные гиганты, которым посвящена эта книга, значительная доля вины безусловно ляжет на человека. Человеку присуща роковая потребность обязательно во все вмешиваться. В своих невежественных рысканиях по земному шару, диктовались ли они любознательностью или откровенной алчностью, он оставлял за собой след непоправимых опустошений. Особенно сильно пострадала островная фауна, однако и бизон, былой житель необъятных американских прерий, чуть было не исчез безвозвратно. В наши дни дикая природа повсюду отступает перед натиском технической цивилизации. И как ни парадоксально, наиболее уязвимы именно крупные животные.

Без гигантов и чудовищ мир станет беднее. Ведь это не просто совпадение, что по мере того, как численность крупных животных сокращается, а сами они благодаря изучению утрачивают прежний ореол таинственности и перестают внушать страх, человечество придумывает им на смену новых чудовищ и гигантов. Пусть гималайский снежный человек, североамериканский «сасквач» и чудовище Лох-Несса — всего лишь плод человеческой фантазии, но они знаменуют собой попытку восполнить вполне реальную утрату, которую понесла наша культура.

Африканские слоны

У кого не замрет сердце при виде взрослого африканского слона, когда чем-то встревоженный или рассерженный он примет угрожающую позу. Поднятые хлопающие уши, напоминающие контурную карту Африки, достигают в высоту почти двух метров. Растопыренные от страха или ярости, они вместе образуют полотнище размером шесть метров на три, то есть длинной превышающее рост животного. Напряженный хобот вытянут на два с лишним метра, передние ноги, взметывающие пыль, выглядят как две колонны. Все это создает впечатление необоримой мощи.

Из всех млекопитающих, доживших до наших дней со времен последнего ледникового периода, только киты превосходят слонов величиной. Крупнейший из слонов, убитых в наше время, был ростом выше четырех метров и весил почти двенадцать тонн. Хотя в прошлом существовало много разных видов слонов, теперь их осталось всего лишь два — африканский и индийский.

Кроме величины в слоне поражает его хобот. Могучая шея животного, поддерживающая массивную голову, слишком коротка, чтобы слон мог дотянуться губами до земли. В ходе эволюции нос и верхняя губа слона развились в поистине чудесный придаток, который, имея у основания метр в обхвате, выполняет одновременно функции носа, подъемника воды и корма, различных инструментов, а также дополнительной конечности. С помощью хобота слон способен улавливать запахи на расстоянии более трех километров. Им он исследует путь в незнакомых местах. Хобот состоит примерно из сорока тысяч мышц и представляет собой грозное оружие. Но наиболее ярко его универсальность проявляется, когда слон ест или пьет. Кончик хобота настолько чувствителен и гибок, что способен подобрать ягоду или листок, а утоляя жажду, слон набирает в хобот за один раз литров пять-шесть воды.

Почуввав опасность, слон инстинктивно спешит оберечь хобот, которому он в буквальном смысле слова обязан своим существованием, и сворачивает его улиткой. Серьезное повреждение хобота может обречь животное на голодную смерть. Но и с покалеченным хоботом слоны проявляют поразительное умение приспособливаться к добычанию пищи. Одни пасутся среди тростников в воде, другие, объедая кусты, становятся на колени или наклоняются вперед, подогнув ногу. Известно, что такой слон даже умудрялся выдирать ногой траву, подцеплять ее на бивень, а затем верхней неповрежденной частью хобота заталкивать в рот.

Нормальная продолжительность жизни африканского слона, если оставить его в покое, близка к человеческой и достигает 60 и более лет. Природа обеспечила его надежными средствами защиты. Он не только велик и силен, но способен на коротких расстояниях развивать скорость до 30—40 километров в час. Если слоновьей семье угрожает опасность, животные становятся в оборонительный круг. Когда Иэн Дуглас-Гамильтон выстрелил в слоненка шприцем с транквилизатором, чтобы обездвижить его и надеть на него радиопередатчик, остальные 67 слонов тут же окружили упавшего малыша и не дали Дугласу-Гамильтону продолжить эксперимент.

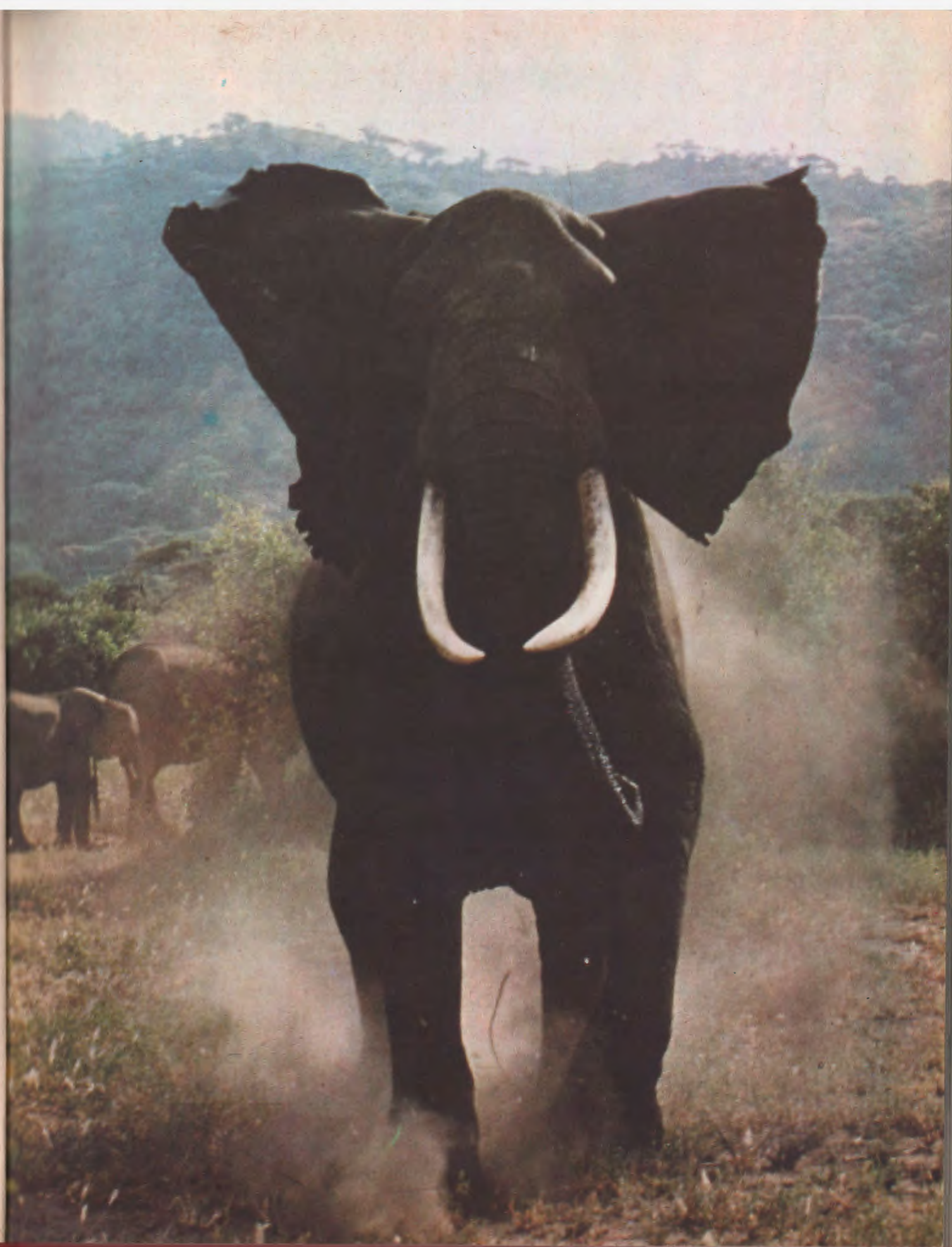
Но в покое слонов не оставляют. И все их средства защиты бессильны перед человеком, который со времен египетских фараонов высоко ценит слоновьи бивни. К началу нашего века во многих районах Африки слоны были истреблены и им все больше грозило полное исчезновение. Усиленный спрос на слоновую кость для изготовления бильярдных шаров и фортепианных клавиш совпал с появлением мощных ружей, и бойня началась. По некоторым оценкам, в первое десятилетие нашего века ежегодно убивалось до 100 тысяч слонов. В сороковых годах благодаря развитию пластмасс спрос на слоновую кость несколько упал, но в последнее время он снова вырос, особенно в Юго-Восточной Азии. Там слоновая кость, подобно золоту и драгоценным камням, считается надежным помещением денег. А развивающиеся африканские страны осваивают все больше и больше новых земель, и слоны отступают в национальные парки, где их скученность порой настолько велика, что приходится проводить планомерный отстрел части животных, чтобы могли выжить остальные.

Африканские слоны пока еще официально не внесены в список животных, которым грозит вымирание, — отчасти из-за этой скученности на заповедных территориях, а от-

части потому, что никто, в сущности, толком не знает, сколько их еще сохранилось. Большинство африканских государств в настоящее время ввело законы против браконьерства, но не всегда и не везде они соблюдаются с достаточной строгостью. В Кении, например, браконьеры ежегодно убивают от 10 до 20 тысяч слонов. «Трудно установить точную цифру, — пишет Дуглас-Гамильтон, — но, по-видимому, слонов истребляют быстрее, чем они успевают восстанавливать свою численность».

Слоны обитают по всей Африке, от южной границы Сахары до лесов на южной оконечности континента.

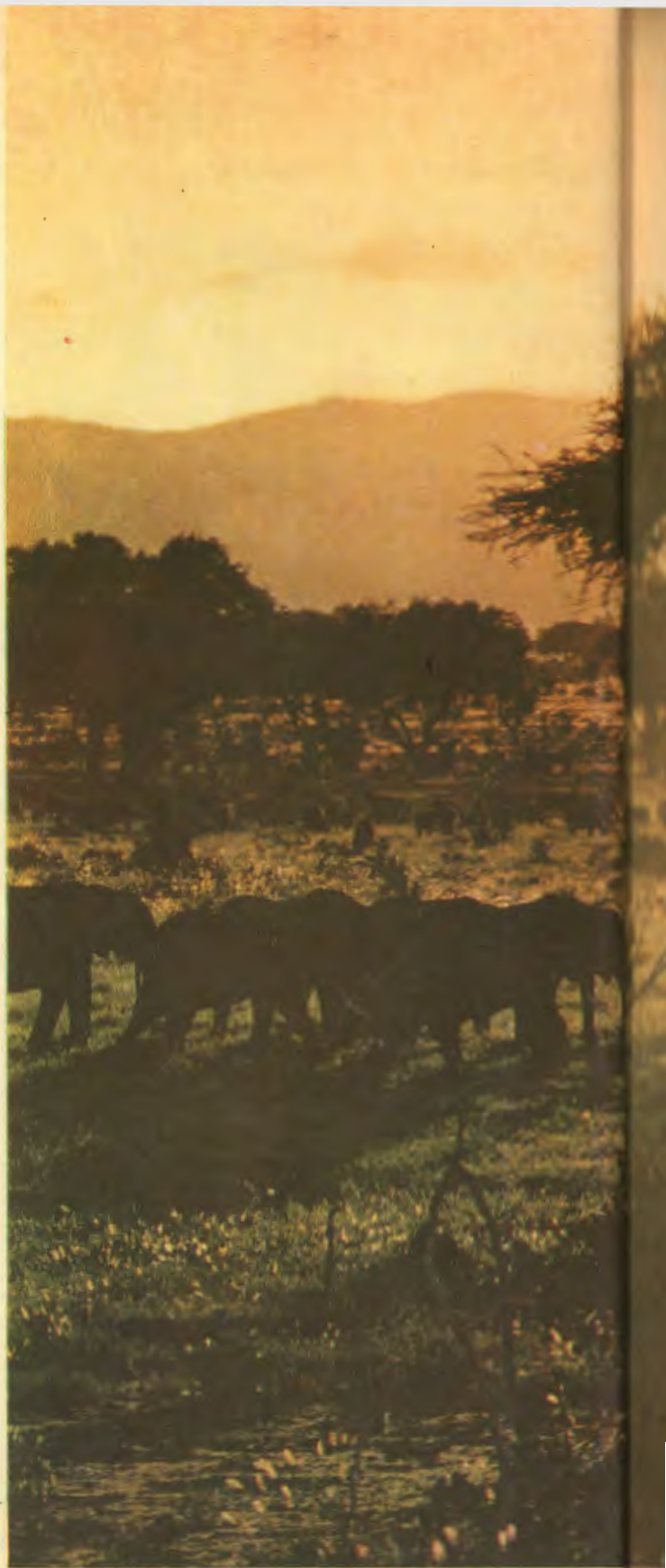

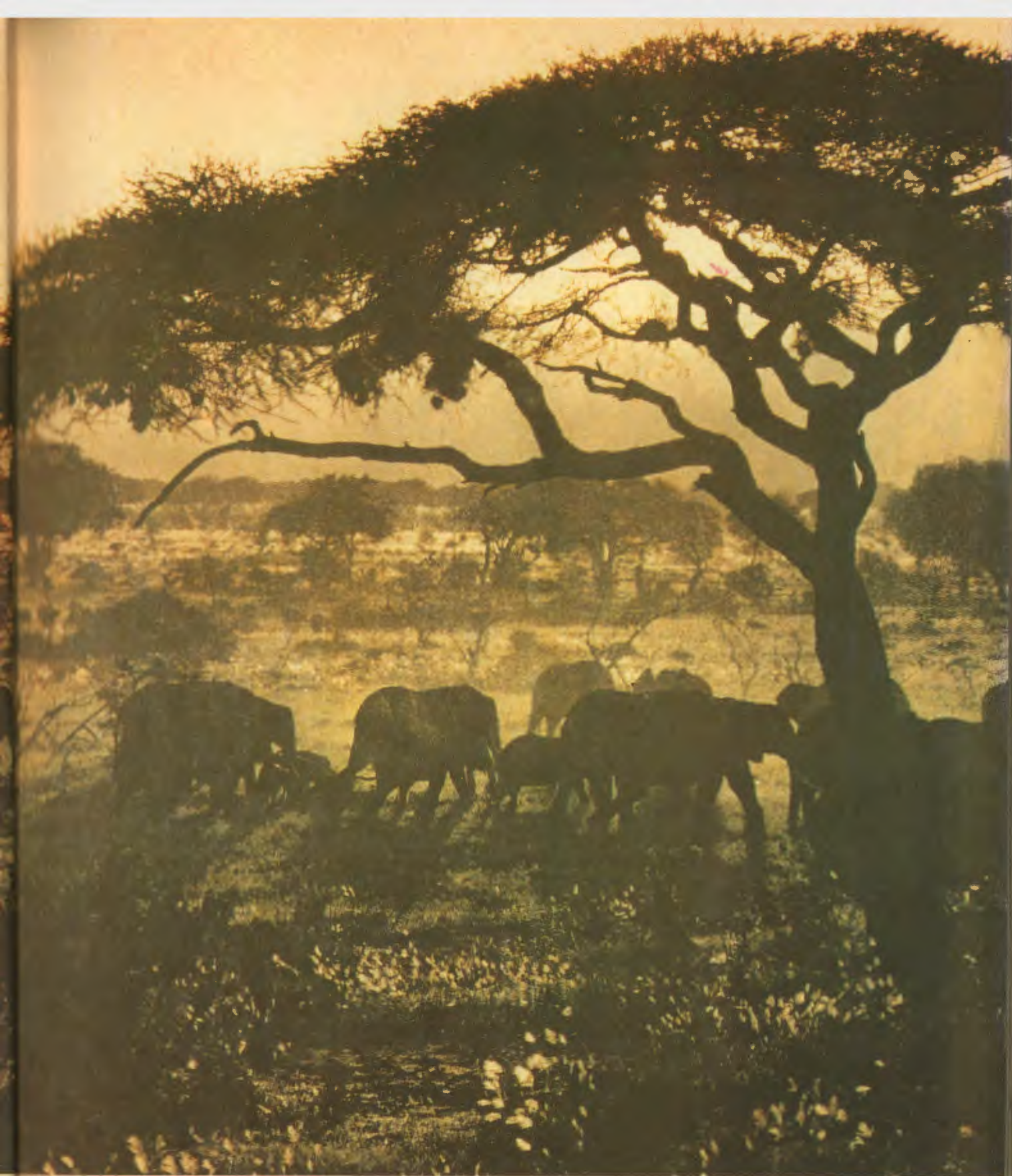

Семейные узы

Слоны ведут групповой образ жизни. Основную ячейку составляет сплоченная дружная семья, включающая нескольких слоних и их отпрысков. Возрастной состав такой семьи крайне разнообразен — тут и новорожденные слонята, и их стареющие бабушки. Слонята проводят время в веселых играх (внизу) под бдительным надзором слоних. Отдельные семьи поддерживают не слишком тесные, но регулярные контакты с другими семейными группами в данной местности. Собравшиеся вместе семьи образуют стадо (справа), размеры которого зависят главным образом от наличия корма и воды. Если пища обильна, стадо может быть большим, если же она скудна, то не только стадо уменьшается, но и отдельные семьи могут разделиться на группы поменьше.

В слоновьем сообществе царит полнейший матриархат. Система остается действенной благодаря прочным узам между старейшей слонихой и ее дочерьми и внучками. Когда самцы лет в двенадцать достигают половой зрелости, взрослые слонихи изгоняют их из семьи, и они с этих пор пасутся в одиночестве или вместе с другими самцами. У самцов нет постоянной связи ни со своей бывшей семьей, ни с другими семьями. Они не участвуют в заботах о потомстве и, вероятнее всего, просто не знают своих отпрысков. Их единственное назначение — продолжение рода.

На фоне величественной горы Килиманджаро в Танзании два самца затеяли борьбу, прижав хобот к хоботу. Таким играм слоны предаются на протяжении всей жизни: во-первых, это тренировка боевых приемов и маневров, которые могут понадобиться, если все-таки придется когда-нибудь вступить в серьезный бой, а во-вторых, таким способом молодые животные проверяют свою силу и развивают ее. Серьезные же драки крайне редки.

Прикосновения — основа общения

При дружеском общении слоны пользуются хоботом, как люди руками: для приветствий, ласки или ободрения. Слониха нежно прикасается хоботом ко лбу заболевшего слоненка. Молодой слон приветствует взрослого незнакомого слона, кладя свой хобот ему в рот. Члены семьи то и дело ласково касаются друг друга (справа). А в притворной драке взрослые самцы (вверху), снятые на берегу озера Маньяра в Танзании, наносят и отражают удары хоботами, а не бивнями, которые могут причинить серьезные повреждения.

Недурное начало

У слонов нет сложного ухода, как у некоторых других животных, но спариванию предшествует ритуал, когда животные ласкают друг друга хоботами, подчас переплетая их (на верхней фотографии — самец справа). Если все идет нормально, через 22 месяца после спаривания рождается слоненок, весящий около 120 килограммов при росте около метра. Порой он не сразу находит источник пищи и удовлетворяется тем, что сосет собственный короткий еще хобот (слева). Но отыскав материнский сосок, он через непродолжительные интервалы высасывает в день около 9 литров молока. Слонихи кормят слонят молоком до пяти-шести лет, пока растущие бивни малышей не начинают причинять матерям боль.

Даже слоненок при появлении какого-нибудь непрошеного гостя то ли инстинктивно, то ли в подражание взрослым принимает угрожающую позу (слева). Однако куда веселее развлекаться с другими слонятами, принимая участие в сексуальной игре (внизу) или в шуточной драке. Беззаботное детство длится лет двенадцать, после чего с наступлением половой зрелости самцы изгоняются из семьи, а самки уже готовы взять на себя заботы о собственных малышах.

Долгая счастливая жизнь

Потенциальная продолжительность жизни слона составляет около шестидесяти лет. За первые пять лет его рост и вес удваиваются. Своего полного роста — трех или трех с половиной метров — слоны достигают в среднем к тридцати годам. Бивни африканского слона растут непрерывно. Согласно расчетам, если бы они никак не повреждались, то достигали бы четырех с половиной-пяти метров у самок и шести метров у самцов. Однако задолго до смерти слона его бивни успевают обломиться либо обкалываются и стираются.

Этот старый слон по кличке Ахмед пережил всех своих сверстников. На склоне лет его оберегали от браконьеров лесничие национального парка Марсабит, где он стал любимцем фотографов и туристов. Таких больших бивней не было ни у одного другого слона в Кении; когда в 1974 году он умер (на 55 году жизни) и их взвесили, выяснилось, что эти массивные, но обломанные и потрескавшиеся резцы весили всего 134 килограмма — на удивление мало, если вспомнить, что самая тяжелая из всех известных пара бивней весила 200 килограммов.

Сборища слонов

Стада слонов бродят по высокотравной саванне. Человек все больше осваивает земли Африки, и прежние пути миграций слонов перерезаны, но некоторые слоны с приближением сезона, во время которого они когда-то переходили на новые пастбища, все еще собираются в стада. На нижней фотографии типичная небольшая семья, состоящая из старой слонихи и ее подопечных, завершив утреннее омовение, уходит от реки.

Слоненок

Даже самые юные читатели сказок Редьярда Киплинга знают, что животные вовсе не ведут себя так, как в них описывается, однако многие поколения детей любили и любят эти чудесные фантазии. В приводимом ниже отрывке из «Слоненка» рассказывается, как у африканского слона появился хобот. Иллюстрировал эту сказку сам Киплинг.*

Это только теперь, милый мой мальчик, у слона есть хобот. А прежде, давно-давно, никакого хобота у него не было. Был только нос, вроде как лепешка, черненький и величиною с башмак. Этот нос болтался во все стороны, но все же никуда не годился: разве можно таким носом поднять что-нибудь с земли?

Но вот в то самое время, давно-давно, жил один такой Слон — или, лучше сказать, Слоненок, — который был страшно любопытен и кого, бывало, ни увидит, ко всем пристаёт с расспросами. Жил он в Африке и ко всей Африке приставал с расспросами.

Он приставал к Страусихе, своей долговязой тетке, и спрашивал ее, отчего у нее на хвосте растут перья так, а не иначе, и долговязая тетка Страусиха давала ему за это тумака своей твердой-претвердой ногой.

Он приставал к своему длинноногому дядьке Жирафу и спрашивал его, почему у него на шкуре пятна, и длинноногий дядька Жираф давал ему за это тумака своим твердым-претвердым копытом.

Но и это не отбивало у него любопытства.

И он спрашивал свою толстую тетку Бегемотиху, отчего у нее такие красные глаза, и толстая тетка Бегемотиха давала ему за это тумака своим толстым-претолстым копытом.

Но и это не отбивало у него любопытства.

Он спрашивал своего волосатого дядьку Павиана, почему все дыни такие сладкие, и волосатый дядька Павиан давал ему за это тумака своей мохнатой волосатой лапой.

Но и это не отбивало у него любопытства.

Что бы он ни увидел, что бы он ни услышал, что бы ни понюхал, до чего бы ни дотронулся — он тотчас спрашивал обо всем и тотчас же получал за это тумака от всех своих дядек и теток.

Но и это не отбивало у него любопытства.

И случилось так, что в одно прекрасное утро, незадолго до равноденствия, этот самый Слоненок — надоеда и приставала — спросил об одной такой вещи, о которой еще никогда не спрашивал. Он спросил:

— Что кушает за обедом Крокодил?

Все закричали на него:

— Тс-с-с!

И тотчас же, без дальних слов, принялись награвждать его тумакami.

Били его долго, без передышки, но когда кончили бить, он подбежал к терновнику и сказал птичке Колоколо:

— Мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, и все мои тетки колотили меня, и все мои дядьки колотили меня за несносное мое любопытство, — и все же мне страшно хотелось бы знать, что кушает за обедом Крокодил.

И сказала птичка Колоколо, печально и горько всхлипывая:

— Ступай к великой реке Лимпопо. Она грязная, мутно-зеленая, и над нею растут деревья, они нагоняют лихорадку. Там ты узнаешь все.

На следующий день, когда от равноденствия уже ничего не осталось, Слоненок набрал бананов — целых сто фунтов! — и сахарного тростнику — тоже сто фунтов! — и семнадцать зеленых, хрустящих дынь, взвалил все это на плечи и, пожелав

* Редьярд Киплинг. Слоненок. Пер. с англ. К. Чуковского. — М.: Советский художник, 1973.

многим милым родственникам счастливо оставаться, отправился в путь.

— Прощайте! — сказал он им. — Я иду к грязной, мутно-зеленой реке Лимпопо; там растут деревья, они нагоняют лихорадку, и там я узнаю, что кушает за обедом Крокодил.

И родственники еще раз хорошенько вздули его на прощанье, хотя он чрезвычайно учтиво просил их не беспокоиться.

И он ушел от них слегка потрепанный, но не очень удивленный. Ел по дороге дыни, а корки ронял на землю и подбирать эти корки ему было нечем.

Из города Грэма он пошел в Кимберлей, из Кимберлея в Хамову землю, из Хамовой земли на восток и на север и всю дорогу угощался дынями, покуда наконец не пришел к грязной, мутно-зеленой великой реке Лимпопо, окруженной именно такими деревьями, как говорила птичка Колоколо.

А надо тебе знать, мой милый мальчик, что до той самой недели, до того самого дня, до того са-

мого часа, до той самой минуты наш любопытный Слоненок никогда не видал Крокодила и даже не знал, что это, собственно, такое. Представь же себе его любопытство!

Первое, что бросилось ему в глаза, — был Двухцветный Питон, Скалистый Змей, обвившийся вокруг скалы.

— Простите, пожалуйста! — сказал Слоненок чрезвычайно учтиво. — Не встречался ли вам где-нибудь поблизости Крокодил? Здесь так легко заблудиться.

— Не встречался ли мне Крокодил! — презрительно переспросил Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — Нашел о чем спрашивать!

— Простите, пожалуйста, — продолжал Слоненок. — Не можете ли вы сообщить мне, что кушает Крокодил за обедом?

Тут Двухцветный Питон, Скалистый Змей, не мог уже больше удержаться, быстро развернулся и огромным хвостом дал Слоненку тумака. А хвост у него был как молотильный цеп и весь покрыт чешуей.

— Вот чудеса! — сказал Слоненок. — Мало того, что мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, и мой дядька колотил меня, и моя тетка колотила меня, и другой мой дядька, Павлиан, колотил меня, и другая моя тетка, Бегемотиха, колотила меня, и все как есть колотили меня за мое ужасное любопытство, — здесь, как я вижу, начинается та же история.

И он очень учтиво попрощался с Двухцветным Питоном, Скалистым Змеем, помог ему снова обвиться вокруг скалы и пошел себе дальше; хотя его порядком потрепали, он не очень дивился этому, а снова взялся за дыни и снова ронял корки на землю, — ведь, повторяю, чем бы он стал их поднимать? — и скоро набрел на какое-то бревно, валившееся у самого берега грязной, мутно-зеленой великой реки Лимпопо, окруженной деревьями, нагоняющими лихорадку.

Но на самом деле, милый мой мальчик, это было совсем не бревно, это был Крокодил! И подмигнул Крокодил одним глазом — вот так!

— Простите, пожалуйста! — обратился к нему Слоненок чрезвычайно учтиво. — Не случилось ли вам встретить Крокодила где-нибудь поблизости в этих местах?

Крокодил подмигнул другим глазом и высунул наполовину свой хвост из воды. Слоненок (опять-таки очень учтиво!) отступил назад, потому что новые туманы его совсем не привлекали.

— Подойди-ка сюда, моя крошка! — сказал Крокодил. — Тебе, собственно, зачем это надобно?

— Простите, пожалуйста! — сказал Слоненок чрезвычайно учтиво. — Мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, моя долговязая тетка Страусиха колотила меня, и мой длинноногий дядька Жираф колотил меня, моя другая тетка, толстая Бегемотиха, колотила меня, и другой мой дядька, мохнатый Павлиан, колотил меня, и Двухцветный Питон, Скалистый Змей, вот только что, совсем недавно колотил меня ужасно больно, и теперь — не во гнев вам будь сказано — я не хотел бы, чтобы меня колотили опять.

— Подойди сюда, моя крошка, — сказал Крокодил, — потому что я и есть Крокодил.

И в подтверждение своих слов он выкатил из правого глаза большую крокодилову слезу.

Слоненок ужасно обрадовался. У него захватило дух, он упал на колени и крикнул:

— Вас-то мне и нужно! Я столько дней разыскиваю вас! Скажите мне, пожалуйста, поскорее, что вы кушаете за обедом?

— Подойди-ка поближе, малютка, я шепну тебе это на ушко.

Слоненок тотчас преклонил свое ухо к зубастой, клыкастой крокодиловой пасти, и Крокодил схватил его за маленький носик, который до этой самой недели, до этого самого дня, до этого самого часа, до этой самой минуты был нисколько не больше башмака.

— Мне кажется, — сказал Крокодил сквозь зубы — вот так, — мне кажется, что сегодня за обедом я скушаю слоненка.

Слоненку это страшно не понравилось, и он проговорил через нос:

— Пусдиде бедя, бде очедь больдо! (Пустите меня, мне очень больно!)

Тут Двухцветный Питон, Скалистый Змей, кинулся со скалы и сказал:

— Если ты, о мой юный друг, тотчас же не отпрянешь назад, сколько хватит у тебя твоих сил, то мое мнение таково, что не успеешь ты сказать «Раз, два, три», как вследствие твоего разговора с этим огромным кожаным мешком (так он величал Крокодила) ты попадешь туда, в ту прозрачную струю.

Двухцветные Питоны, Скалистые Змеи, всегда выражаются так.

Слоненок сел на задние ноги и стал тянуть... Он тянул, и тянул, и тянул, и нос у него начал вытягиваться. А Крокодил отступил подальше в воду, вспенил ее ударами своего тяжелого хвоста и тоже тянул, и тянул, и тянул.

И нос у Слоненка вытягивался, и Слоненок растопырил все четыре ноги, такие крошечные слоновьи ножки, и тянул, и тянул, и тянул, и нос у него все вытягивался. А Крокодил бил хвостом, как веслом, и тоже тянул, и тянул, и чем больше он тянул, тем длиннее вытягивался у Слоненка нос, и больно было этому носу — у-ж-ж-жасно!

И вдруг Слоненок почувствовал, что ножки его заскользили по земле, и он крикнул через нос, который был теперь у него чуть ли не в пять футов длиною:

— Осадавде! Довольдо! Осадавде!

Услыхал это Двухцветный Питон, Скалистый Змей, бросился вниз со скалы, обмотался двойным узлом вокруг задних ног Слоненка и сказал:

— О неопытный и легкомысленный путник! Мы должны понатужиться сколько возможно, ибо мнение мое таково, что этот живой броненосец с бронированной палубой — так величал он Крокодила — хочет испортить твою будущую карьеру.

Двухцветные Питоны, Скалистые Змеи, всегда выражаются так.

И вот тянет Змей, тянет Слоненок, но тянет и Крокодил.

Тянет, тянет, но так как Слоненок и Двухцветный Питон, Скалистый Змей, тянут сильнее, то Крокодил в конце концов выпускает нос Слоненка и отлетает назад с таким плеском, что слышно по всей Лимпопо.

А Слоненок как стоял, так и сел с размаху и очень больно ударился, но все же успел сказать Двухцветному Питону, Скалистому Змею, спасибо, хотя, право, ему было не до того: надо было поскорее заняться вытянутым носом — обернуть его мокрыми листьями бананов и опустить в мутно-зеленую воду реки Лимпопо, чтобы он хоть немного остыл.

— Зачем ты это делаешь? — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей.

— Простите, пожалуйста, — сказал Слоненок. — Нос у меня потерял прежний вид, и я жду, чтобы он опять стал коротеньким.

— Долго же тебе придется ждать, — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — То есть удивительно, до чего иные не понимают своей собственной выгоды!

Слоненок просидел над водою три дня и три ночи и все поджидал, не уменьшится ли у него нос. Но нос не уменьшался, и — мало того — из-за этого носа глаза у Слоненка стали немного косыми.

Потому что, мой милый мальчик, ты, надеюсь, уже догадался, что Крокодил вытянул Слоненку нос в самый заправдашний хобот — точь-в-точь такой, какие имеются у нынешних Слонов.

К концу третьего дня прилетела какая-то муха и ужалила Слоненка в плечо, и он, сам не замечая, что делает, приподнял хобот и прихлопнул муху.

— Вот тебе и первая выгода! — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — Ну, рассуди сам: мог бы ты сделать что-нибудь такое своим прежним булавочным носом? Кстати, не хочешь ли ты закусить?

И Слоненок, сам не зная, как у него это вышло, потянулся хоботом к земле, сорвал добрый пучок травы, отряхнул от него глину с передние ноги и тотчас же сунул себе в рот.

— Вот тебе и вторая выгода! — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — Попробовал бы ты проделать это своим прежним булавочным носом! Кстати, заметил ли ты, что солнце стало слишком припекать?

— Пожалуй, что и так! — сказал Слоненок. И сам не зная, как у него это вышло, зачерпнул хоботом из грязной, мутно-зеленой реки Лимпопо немного илу и шлепнул его себе на голову; мокрый ил расквасился в лепешку, и за уши Слоненку потекли целые потоки воды.

— Вот тебе третья выгода! — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — Попробовал бы ты проделать это своим прежним булавочным носом! И, кстати, что ты теперь думаешь насчет тумачков?

— Извините, пожалуйста, — сказал Слоненок, — но я, право, не люблю тумачков.

— А вздуть кого-нибудь другого? — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей.

— Это я с радостью! — сказал Слоненок.

— Ты еще не знаешь своего носа! — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — Это просто клад, а не нос.

— Благодарю вас, — сказал Слоненок, — я приму это к сведению. А теперь мне пора домой. Я пойду к моим милым родственникам и проверю мой нос

Слон обрывает веточки высокой акации (слева), умело используя свой огромный рост и поразительно гибкий хобот. Поскольку семена акации прорастают гораздо лучше, если предварительно пройдут через пищеварительный тракт какого-нибудь животного, слон в подобных случаях не только утоляет голод, но и играет полезную роль. С другой стороны, слонов обвиняли в том, что их колоссальный аппетит приводил к уничтожению целых лесов.

Разорительный аппетит

Главное занятие слона — это еда. Поскольку взрослый слон усваивает только 40% пищи, ему приходится по 16 часов в день отыскивать и пережевывать те 230 килограммов корма, которые необходимы, чтобы обеспечить энергией его огромное тело. Слоны едят главным образом траву, но, как ни важно для них количество корма, они разбираются и в его качестве, предпочитая дикий сельдерей, сливы, финики и щетинистую малину. В окрестностях озера Маньяра (Танзания), где корма много, слоны за день иногда съедают по меньшей мере 134 вида растений из произрастающих там 630 видов.

Уникальные физические особенности слона крайне полезны ему для добывания корма. В голодные сезоны он подрезает бивнями кору с баобабов и сдирает ее хоботом (слева). Затем с помощью бивней, хобота, лба и всей своей мощи он опрокидывает ободранный баобаб (вверху), чтобы добраться до рыхлой влажной сердцевины дерева.

Опустошения, производимые слонами в поисках корма, когда они скучены в одной местности, настолько велики, как свидетельствуют погибший баобаб вверху и гектары уничтоженных акаций справа, что вызвали большие споры среди экологов. По мнению одних ученых, необходимо значительно уменьшить численность слоновьих стад, не то и сами слоны, и другие животные погибнут из-за недостатка корма. Другие же считают, что пока еще нет исчерпывающих данных о конечных результатах, к которым приводит такое уничтожение деревьев слонами, и лучше не вмешиваться в естественные природные циклы: слоны выкорчевывают деревья, и равнина зарастает травами; численность слонов сокращается; стада травоядных пасутся на равнине; истоптанная земля мало-помалу покрывается кустами и деревьями; слоны возвращаются в леса, которые отвечают их потребностям. Такой цикл может занять около 100 лет, и, судя по некоторым данным, именно этот процесс происходит сейчас в Кении и Танзании.

Тихое озеро в Юго-Западной Африке обеспечивает величавых слонов на правой фотографии достаточным количеством питьевой воды, тогда как слоненок на нижнем снимке вынужден удовлетворяться теми каплями, которые остались на его долю в колодце, выкопанном взрослыми членами стада. Молодой слон на левой фотографии нежится в прохладной воде, такой глубокой, что можно не только попить, но и выкупаться.

Драгоценная вода

Дневная деятельность слона в значительной мере определяется его потребностью в воде. Взрослому животному требуется примерно 100 литров в сутки. Когда воды много, никаких проблем не возникает. Но во время засухи слоны используют весьма любопытный прием — они копают колодцы. Передними ногами они разгребают песок в сухом речном русле, пока не доберутся до воды. Потом, терпеливо выждав, чтобы осела муть, они пьют в порядке старшинства — последними пьют слонята (слева). Чтобы избежать перегрева, слоны обливают водой уши. Им это совершенно необходимо: известны даже случаи, когда во время тяжелой засухи слон запускал хобот в собственную глотку и насыщал воду для охлаждения.

Сложный процесс ухода за кожей начинается с того, что слон долго нежится в грязевой ванне (слева). Грязь не только охлаждает, но и обеспечивает липкую основу для песка и пыли, которыми слон затем обдает себя со всех сторон (предыдущая страница). Грязь и пыль ложатся на кожу плотной коркой, защищая ее от солнца, а кроме того, позволяя животному немного отдохнуть от изводящих его насекомых.

Тщательный туалет

Толстая кожа слона чрезвычайно чувствительна к жаре, ушибам и укусам насекомых, а потому требует тщательного ухода. Один из его этапов — песчаный душ — на время придает слону цвет той местности, где он обитает. Слоны на верхней фотографии покрыты белой пылью национального парка Этоша на юго-западе Африки. В других районах они могут стать коричневыми, рыжими и даже красными. Для завершения туалета слоны отыскивают что-нибудь, обо что можно как следует почесаться — например, дерево или термитник (слева). При этом уничтожаются допекающие слона паразиты.

Молодой самец (слева) отлучен от семьи. Но он не хочет ее покидать и оказывает сопротивление слонихе, которая его прогоняет. Заняв удобную позицию над ней, он находится вне досягаемости для ее бивней.

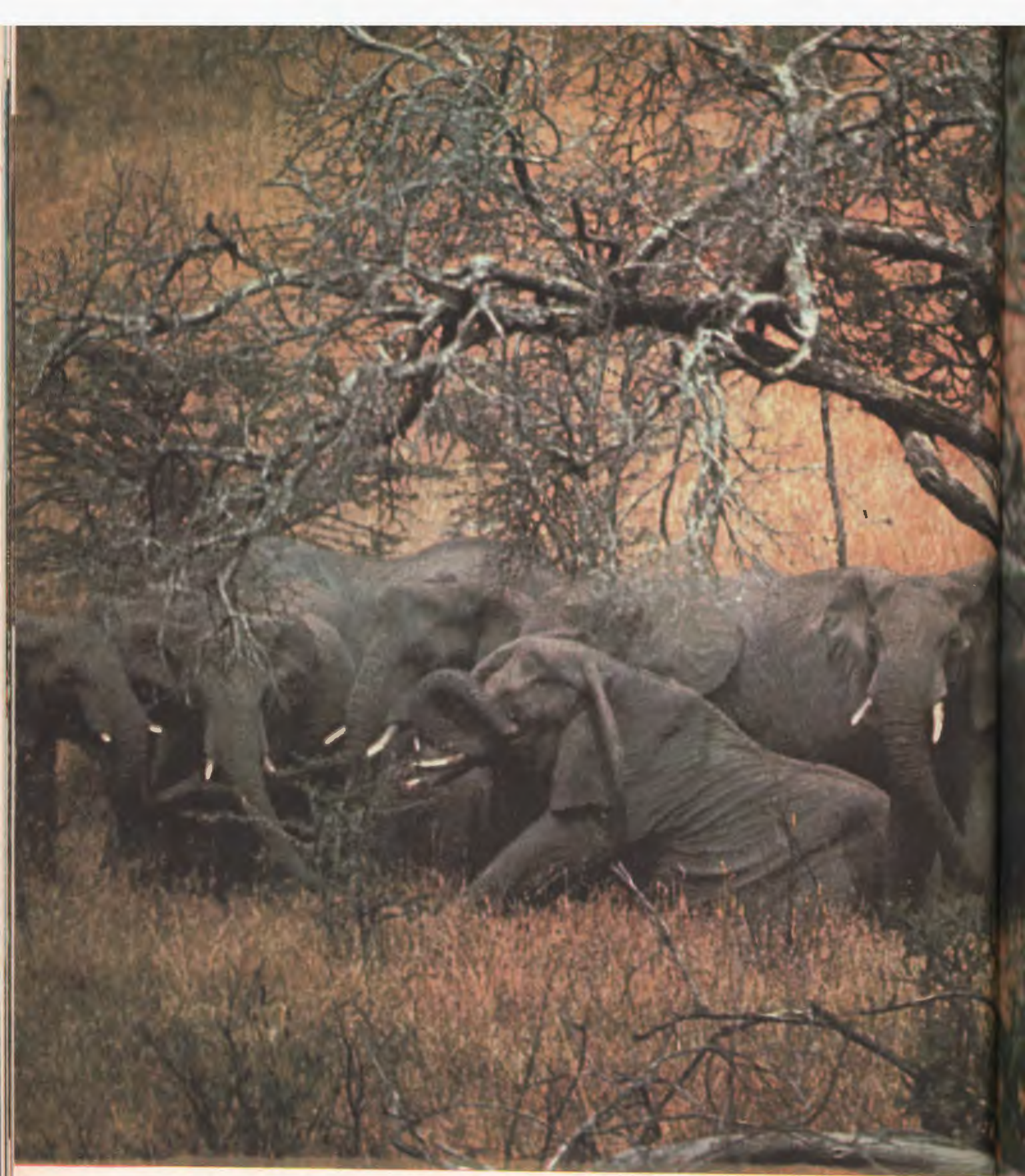

С дороги!

Драки между самцами у слонов (вверху), вероятно, очень редки, поскольку иерархия устанавливается еще до наступления половой зрелости и каждый знает, когда надо уступить, а когда и поставить на своем. Меры устрашения в тех случаях, когда к ним все-таки прибегают, крайне мягки: достаточно легкого изменения в положении головы, ног или хобота. Слоны-самцы добродушны и в национальных парках ведут очень приятный образ жизни — ни врагов

тебе, ни ответственности. Даже в неохраняемых районах им в отличие от многих других животных не приходится отстаивать свою территорию — ее у них попросту нет. Самцы иногда объединяются в группы, которые вместе кочуют и пасутся по нескольку часов и даже дней, но такие объединения непрочны. Тем не менее редко можно увидеть одинокого самца более чем в полутора километрах от другого самца или от семейной группы.

Жизнь среди слонов

В середине шестидесятых годов молодой шотландский зоолог Иэн Дуглас-Гамильтон и его жена Ория, фотограф, жили в Танзании, изучая экологию слонов. Ежедневные наблюдения научили их распознавать индивидуальных животных, следить за слоновьими семьями и находить стада, что в свою очередь позволило им создать убедительную и во многом еще новую картину жизни этих животных.

В нижеследующем отрывке из книги «Жизнь среди слонов» Иэн описывает смерть слонихи, очевидцем которой он был

Для меня смерть слона — одно из самых грустных зрелищ в мире. В тот день, когда я неожиданно увидел Сестру Тороун № 4 в лесу Ндала, она была воплощением могучей жизни, мощным закаленным представителем своего вида. Рост, продолжавшийся не один десяток лет, создал из ее костей и мышц чудесный организм, управляемый мозгом, который впитал в себя опыт десятилетий. В эту секунду, защищая свою семью, она, словно дредноут, дающий полный ход вперед, стремительно надвигалась на Мходжу и меня. В следующую секунду, отделенную от предыдущей ничтожной долей времени и смертоносным вторжением свинца в живые ткани, она была уже безжизненной грудой мяса, колоссальным трупом с крохотной дырочкой в черепе, из которой тоненькой струйкой сочилась кровь.

Для статистика смерть имеет значение только своим воздействием на динамику популяции, и причины смерти анализируются по их относительной частоте. У людей и слонов смерть сохраняет значимость, воздействуя на поведение живых. И те и другие связаны крепкими семейными узами, а потому для спасения больного или умирающего родственника прилагаются отчаянные усилия.

Многие великие зоологи, в том числе Чарльз Дарвин, считали, что животные обладают сильными эмоциями. и я убежден, что слоны, когда

Умирающая слониха оседает на задние ноги, а члены стада становятся полукругом, словно защищая ее.

умирает кто-то из них и рвутся узы целой жизни, испытывают чувство, близкое к тому, которое мы называем горем. К сожалению, у науки еще нет средств для измерения или описания эмоций даже у людей, не говоря уже о животных.

Вероятно, в том, что попытки слонов помочь умирающему брату не кончаются еще долго после того, как он испустит дух, нет ничего удивительного. Однажды мы с Мходжей, разыскивая новые слоновьи тропы в Марангском лесу, услышали вопли попавшего в беду слоненка. Они доносились откуда-то слева, метров на тридцать выше по склону Эндабашской гряды. Мы осторожно пробрались вверх по крутому обрыву и оказались очень близко от источника шума. Осторожно поглядев сквозь листву, я различил неестественно повернутую голову слонихи. Глаз у нее был открыт,

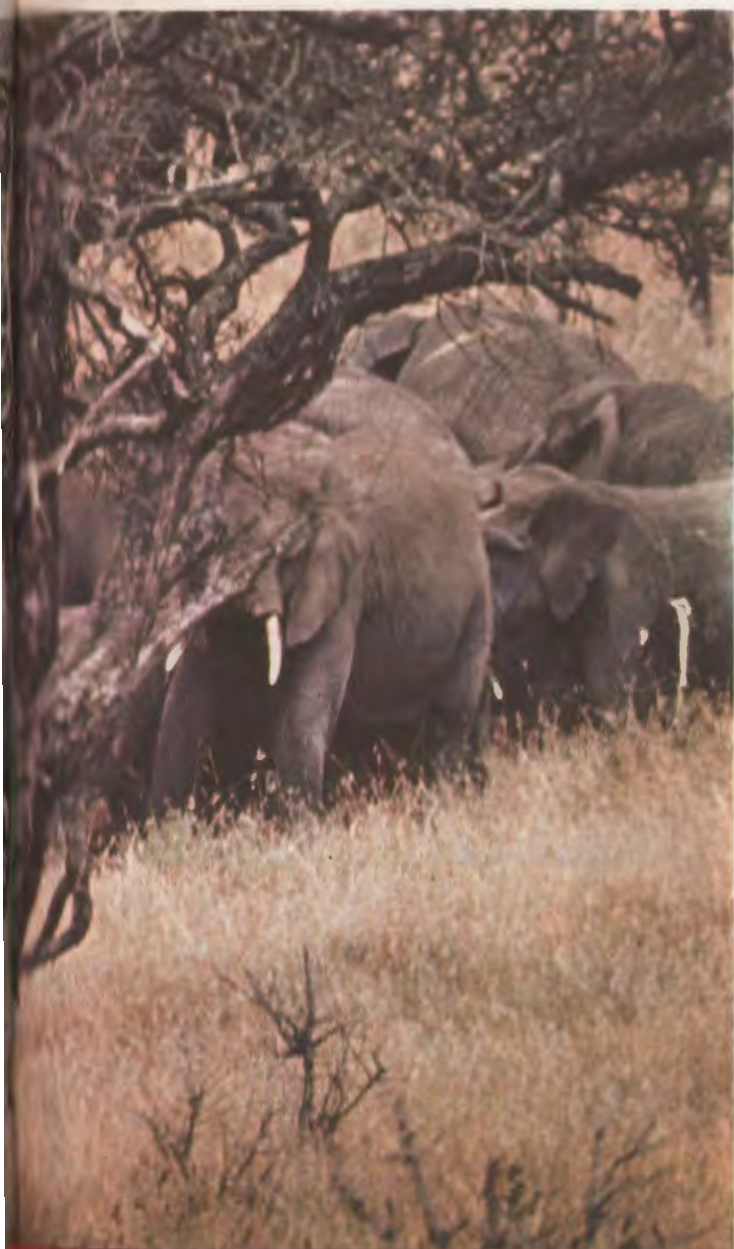
но она не шевелилась. Передо мной выросло дерево, и я взобрался на него.

Теперь я мог свободно наблюдать сцену из трагедии, автором которой была сама природа. Взрослая самка лежала на боку на крутом склоне. Ее задняя нога застряла между скалой и стволом толстого дерева. Она буквально висела на этой ноге. Ее голова была запрокинута под острым углом, и она была мертва. Рядом с ней стояли три слоненка разного возраста. Старший тихонько поставивал и время от времени выпускал отчаянный вопль. Второй застыл в полной неподвижности, прижав голову к телу матери. Самый младший, которому не было и года, тщетно пытался ее сосать. Потом старший опустился на колени и, упираясь лбом и тоненькими бивнями в труп, попытался приподнять его. Я наблюдал за ними минут

В судорогах слониха перекадилась на бок. Рядом с ней остался молодой самец, который снова и снова пытается поднять ее на ноги. Один за другим члены семьи отделяются от стада и возвращаются к лежащей слонихе, словно оплакивая ее.

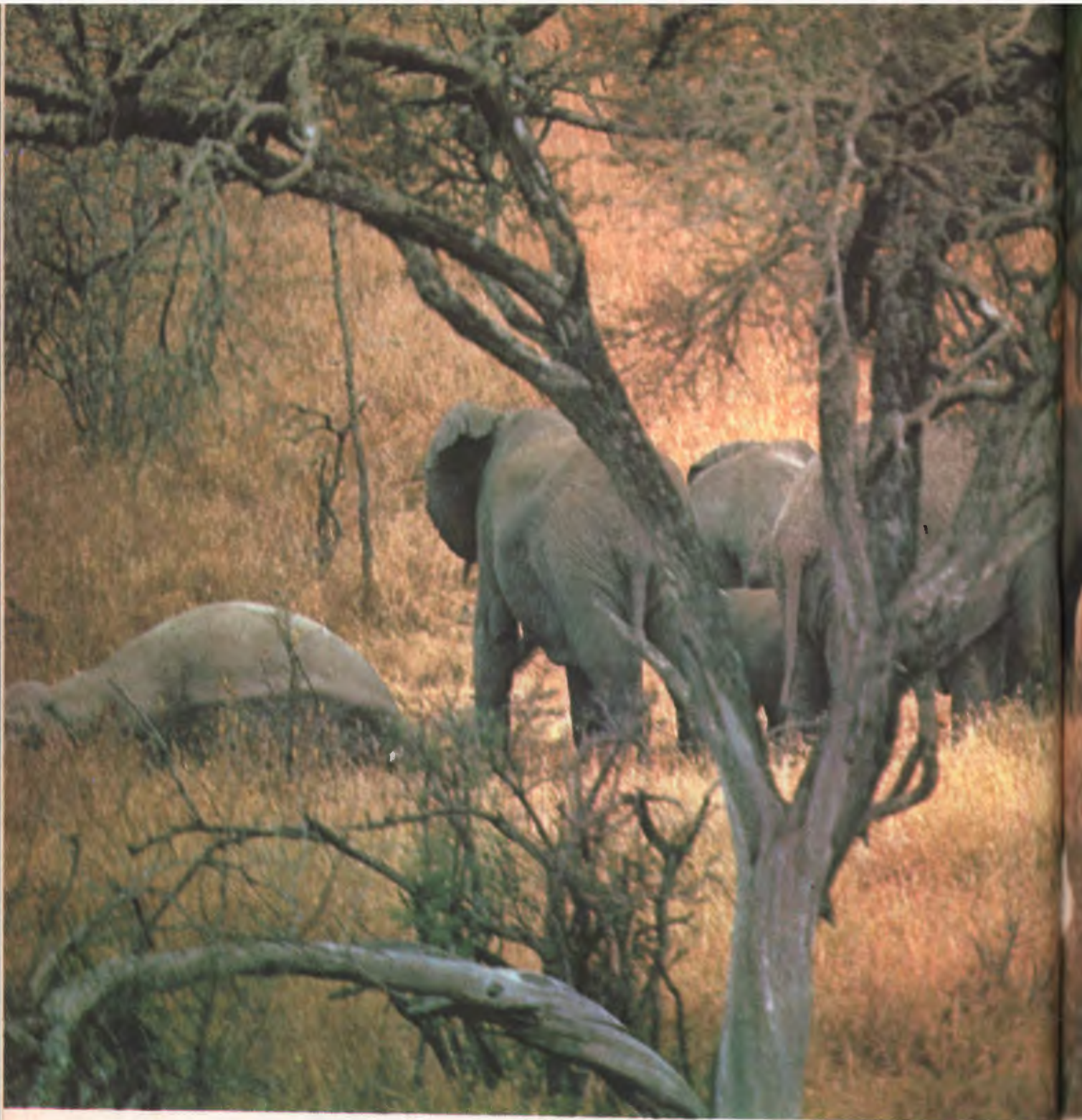

Молодые слоны скопом двинулись к умирающей слонихе, и один из них пытается расшевелить ее, положив ногу ей на спину. В конце концов молодой самец попытался даже влезть на нее. «Создавалось впечатление, что он испробовал все типы поведения, какие только мог вспомнить, — угрожал, поднимал, кормил, — замечает Кроуз, — и, отчаяваясь, прибег к брачному ритуалу».

пятнадцать, но тут они меня учуяли и медленно ушли.

Приблизившись к слонихе, я обнаружил, что она еще не остыла и на ней нет ни одной мухи, из чего следовало, что погибла она совсем недавно. Путь ее падения был отмечен сломанными деревьями и вывороченными камнями. Я прошел вверх около 120 метров и там увидел последние отпечатки ее ног. Оказалось, что она наступила в яму, вырытую дикой свиньей и невидимую в траве, потеряла равновесие и покатилась вниз по крутому склону. На нем было несколько каменных выступов, и создавалось впечатление, что ее швыряло с одного на другой, потому что растительность между ними не была даже примята. Слонятам, наверное, было нелегко ее отыскать — спуститься напрямик они

Когда угасла последняя искра жизни, члены стада громко затрубили и начали пастись поблизости, хотя держались очень нервно. С приближением темноты горюющие слоны по очереди подходили к трупу, а после того, как сгустились сумерки, стадо медленно и неохотно побрело прочь.

не могли, и им пришлось отправиться далеко в обход. По-видимому, они не понимали, что она мертва, хотя, несомненно, чувствовали что-то неладное. Возможно, они были просто не в состоянии осознать бесповоротность ее смерти.

Сходное поведение было документально засвидетельствовано и в других случаях. Вскоре после этого происшествия в 1970 году эколог Харви Кроуз и его друг фотограф Хорст Мюнциг стали свидетелями смерти старой слонихи-вожака в национальном парке Серенгети (серия фотографий на стр. 44—49). Агония продолжалась полдня в очаровательной холмистой местности, почти там же, где мы обездвигили молодого самца. Харви первый заметил, что слониха-вожак отстает от группы. Когда она упала, все слоны столпились вокруг, засовывали хоботы ей в рот, толкая ее и пытаясь поднять. Наиболее активным был посторонний самец, который незадолго до этого присоединился к группе: время от времени он отгонял всех, пытаясь в одиночку оказать помощь умирающей. Но она все-таки скончалась, и ее близкие оставались с ней еще несколько часов. Потерпев неудачу в своих попытках поднять ее, самый активный самец пытался компенсировать это абсолютно смелым поведением: взгромоздился на нее, словно для спаривания, и только потом ушел вместе с остальными. Одна слониха, вероятно связанная с умершей особенно тесными узами, оставалась дольше остальных и нехотя ушла, когда наступила темнота.

Свидетелем еще более горячей привязанности к мертвому животному был Билл Вудли, лесничий Абердарского национального парка в Кении. Он рассказал мне, что семья слонов трое суток охраняла труп молодой слонихи после того, как ее застрелили. И о совсем уж причудливом случае сообщает Ренни Бер в книге «Африканский слон»: слониха, не пожелав расстаться с разлагающимся трупом своего новорожденного слоненка, несколько дней таскала его на бивнях. Насколько мне известно, подобное поведение засвидетельствовано лишь у павианов — самки их иногда носят мертвого детеныша по неделе и больше.

Смысл такой реакции на неподвижное тело совершенно очевиден — она способствует спасению временно обессилевшего члена группы. Помогаящие же получают определенную пользу от того,

что больное животное, поправившись, вновь возвращается к той роли, которую оно играло в семейной группе, — участвует в воспитании и охране слонят, а если речь идет о слонихе-вожаке, то продолжает в опасные моменты оберегать семью, черпая необходимые решения из своего богатого жизненного опыта. Зоолог, воспитанный на традициях естественного отбора, всегда должен искать объяснение такому словно бы альтруистическому поведению в пользу, которую оно приносит помогающему. В тех же случаях, когда одно животное жертвует собой, чтобы спасти другое, следует рассматривать, насколько такое поведение статистически способствует сохранению ответственных за это поведение генов, увеличивая шансы выживания животного, состоящего со спасающим в тесном родстве и, следовательно, несущего те же гены. Куда труднее объяснить с помощью таких рациональных рассуждений необычайный интерес, который иногда вызывают у слонов уже разлагающиеся трупы.

Через десять дней от Сестры Тороун № 4 осталась только смердящий черный провал, охваченный мешком кожи, из которого торчали кости. Ее ноги обглодали гиены, и многих костей пясти не хватало. Я каждый день навещал ее, наблюдая, с какой скоростью происходит разложение. Дожди ускоряют этот процесс, и я ждал, что через несколько недель из темной волокнистой массы, бывшей ее желудком, пробьются первые ростки.

На десятое утро в лес Ндалы с юга пришло много слонов. Мне хотелось узнать, как они поведут себя, если обнаружат труп, и, поставив лендровер позади туши, я стал ожидать событий. Довольно скоро появилась во главе своей семьи крупная слониха-вожак Клитемнестра. Район кочевок этой всплывчивой обитательницы южной территории во многих местах пересекался с районом сестер Тороун, так что она должна была встречаться с Тороун № 4, когда та была жива. Едва Клитемнестра увидела мою машину, она растопырила уши и стала бросать на меня косые взгляды. Завершив эту угрожающую демонстрацию, она спокойно пошла дальше. За четыре года нашего знакомства горячности у нее заметно поубавилось, и теперь она почти привыкла к неподвижным машинам. Нашествие в национальный парк туристов и все увеличивающийся поток машин, проникающих даже в самые от-

даленные его уголки, постепенно приучили к присутствию человека всех слонов, кроме непримиримых сестер Тороун и еще нескольких семей. Клитемнестра прошла шагов десять, но тут ветер донес до нее запах трупа, и она резко обернулась. Вытянув хобот, как копье, подняв уши, как два огромных щита, она двинулась на запах, точно средневековая осадная машина внушительных размеров. Прямо за ней, подозрительно задрав головы, следовали три другие крупные самки. Они окружили труп и обнюхали его. Сначала их хоботы двигались осторожно, потом уверенно заскользили по дряблой коже, тщательно ощупывая каждую торчащую кость. Особый интерес вызвали бивни. Их обломки поднимались с земли, ощупывались и отбрасывались. И все это время животные знали, что шагах в десяти от них нахожусь я. Никогда еще они не подходили ко мне так близко. Одна молодая слониха шагнула в мою сторону и сердито вскинула голову. Ее раздражение действовало на остальных, и завораживающий интерес к трупу рассеялся. Они небрежно сделали несколько угрожающих движений и пошли дальше. Если бы не мое присутствие, это обследование, несомненно, продолжалось бы гораздо дольше, и я обругал себя за неосторожность: зачем мне понадобилось остановиться совсем рядом?

Еще раньше мне приходилось слышать о кладбищах слонов — месте, куда слоны якобы приходят умирать. В неверности этого крайне живучего мифа я убедился, обнаруживая остатки слонов по всему парку. Разумеется, я слышал и о странном интересе, который слоны проявляют к трупам себе подобных, но считал это очередной сказкой. Однако теперь, собственными глазами убедившись, что такой интерес у слонов действительно есть, я начал собирать все достоверные свидетельства, какие мог отыскать. Наиболее ранним оказалось сообщение Дэвида Шелдрика, который в 1957 году писал из национального парка Цаво в Кении:

Теперь уже можно считать установленным, что у слонов действительно существует странная привычка уносить бивни умерших сородичей. За последние восемь лет лесничий Восточного Цаво собрал большое число бивней слонов, убитых стрелами или погибших от естественных причин, и во многих случаях оказывалось, что бивни были унесены от трупа на рас-

Иэн и Ория Дуглас-Гамильтон сфотографировали группу слонов, которые внимательно исследуют кости своего прежнего спутника.

стояние до километра. Иногда они были разбиты на куски о деревья или камни. Совершенно ясно, что никакая гиена не могла бы оттащить в сторону бивень, весящий около 45 килограммов,— да и зачем бы ей это понадобилось? Отсутствие меток от зубов и тот факт, что некоторые бивни раздроблены, доказывают, что проделать это могли только сами слоны.

Индийские слоны

В Азии к слонам всегда относились с чрезвычайным почтением. Ганеша, индуистский бог мудрости и благоразумия, изображался в виде человеческой фигуры с головой слона. По всей Индии на праздниках водили слонов в пышно расшитых драгоценными камнями пополах, в серебряных украшениях, а их головы расписывались разноцветными узорами. Таиландскому монарху Бхумиполу в качестве символа власти был преподнесен редчайший «белый» слон.

Азиатский слон происходит не от тех предков, что африканский, и в их строении есть серьезные различия. В среднем индийский слон на треть меньше и легче; и если у африканского слона спина чуть прогнута, индийский слон, наоборот, слегка горбат. Лоб у него высокий и выпуклый, тогда как у африканского слона лоб плоский и срезанный назад. Уши у него треугольной формы и втрое меньше, чем у африканского, хобот глаже и имеет на конце только один гибкий отросток, а не два, как у африканского.

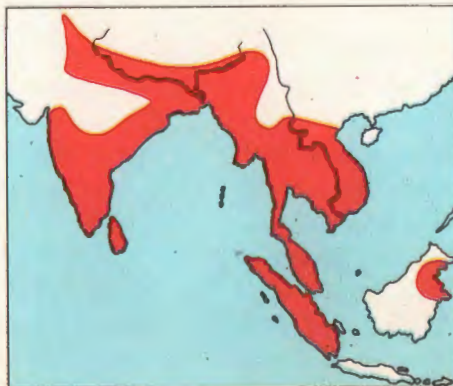
В Азии слонов издавна использовали на войне — главным образом из-за их устрашающего вида. И в четвертом веке до нашей эры Александр Македонский, завоевывая северозападную Индию, нанес поражение войскам местного царя, несмотря на его боевых слонов. Еще совсем недавно, в 1862 году, Монкут, король Сиама (теперь Таиланд), предложил американскому президенту Аврааму Линкольну своих лучших боевых слонов, чтобы помочь армии северян. Линкольн вежливо отклонил это любезное предложение — и с полным основанием: даже до появления огнестрельного оружия слоны в сражениях вели себя крайне ненадежно. Они нервничали, легко пугались незнакомых звуков и были склонны нарушать строй.

В Азии слонов все еще ловят и дрессируют для выполнения тяжелых работ, как это делалось пять с половиной тысяч лет назад. И теперь еще тысячи слонов во многих районах Азии носят тяжелые грузы; без них трудно обойтись на лесоразработках в Таиланде, Лаосе и Бирме, где деревья с ценнейшей древесиной вроде тика растут среди непроходимых джунглей. Могучие слоны сами прокладывают себе дорогу сквозь густой подлесок, а затем без особого труда доставляют по ней тяжелые бревна, неся их хоботом и толкая лбом и бивнями. В горных районах слоны на удивление легко ходят по крутым склонам, ступая медленно и осторожно, причем чувство равновесия у них развито лучше, чем у лошадей. Рабочих слонов будят на заре, но прежде чем они приступят к дневным трудам, им дают неторопливо позавтракать и купают их. Когда тропиче-

ское солнце поднимается к зениту, они получают четырехчасовой отдых. Хотя слоны прекрасно плавают, мелкие реки они предпочитают переходить по дну. Оказавшись на глубокое место, слон поднимает хобот над водой и дышит, точно пловец в маске через дыхательную трубку.

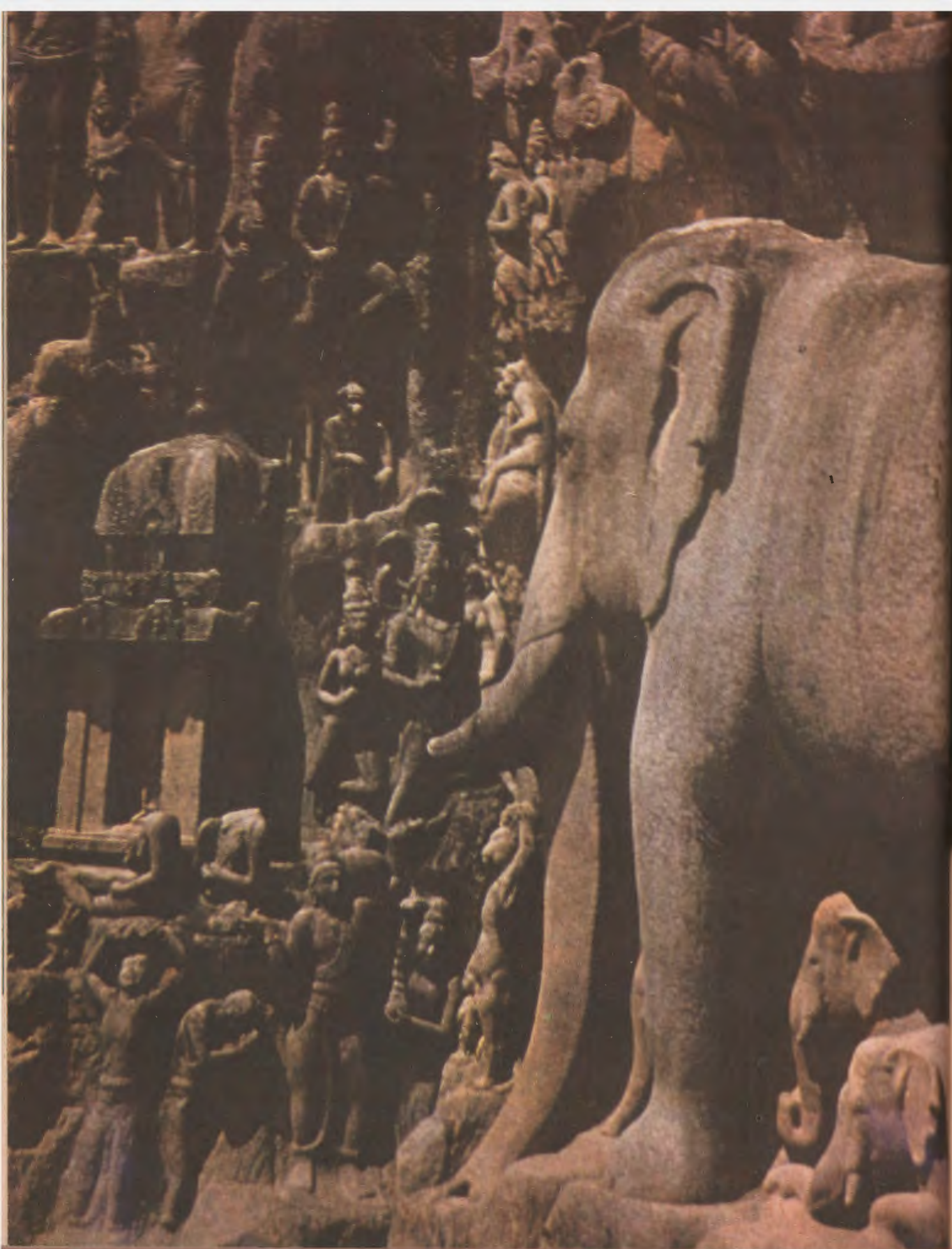
До сих пор рабочих слонов отлавливают молодыми в джунглях — разводить их в неволе слишком дорого. Беременность продолжается 21—22 месяца, и в конце ее слониха, естественно, не может работать, однако ее по-прежнему необходимо обеспечивать 230 килограммами корма в день. После родов она три года вскармливает слоненка, что отнимает значительную часть ее времени, а его обучение может начаться только через десять лет. Вот почему издавна считалось более выгодным ловить для приручения уже взрослых слонов. На них устраивают облавы, загоняя их в так называемые кэдды, построенные из толстых бревен. В кедде погонщики отбирают наиболее крепких молодых животных, предпочтительно слоних. Животных старше тридцати лет выпускают, так как они плохо поддаются обучению. Прежде чем приступить к приручению дикого слона, необходимо сломить его дух, что достигается довольно жестоким способом: связанное крепкими веревками животное морят голодом, пока оно не ослабеет настолько, что перестает сопротивляться, и тогда махают, его будущий погонщик, начинает обучать слона командам. Полностью обученный слон знает около тридцати команд и проявляет трогательное усердие, стараясь заслужить одобрение своего погонщика, от которого теперь получает корм.

Подобно своему африканскому родичу, индийский слон под натиском человека мало-помалу лишается привычной среды обитания. По всей Азии леса отступают, освобождая место для сельскохозяйственных культур. На острове Шри-Ланка 400 лет назад насчитывалось около сорока тысяч слонов. В XIX веке английские и голландские плантаторы начали сводить джунгли и истреблять слонов, чтобы выращивать всемирно известный цейлонский чай. В наши дни, хотя слоны в Шри-Ланке находятся под охраной закона, их осталось менее трех тысяч, причем более половины обитает на свободе в предгорьях, к которым уже подступают поля. Пройдет еще немного времени, и, возможно, сохранятся только слоны, живущие в неволе, — как анахронизм, напоминающий о кротком животном, которое оказалось слишком большим для современного мира.

Индийские слоны обитают в лесах Индии и Юго-Восточной Азии, включая небольшой район на острове Калимантан.

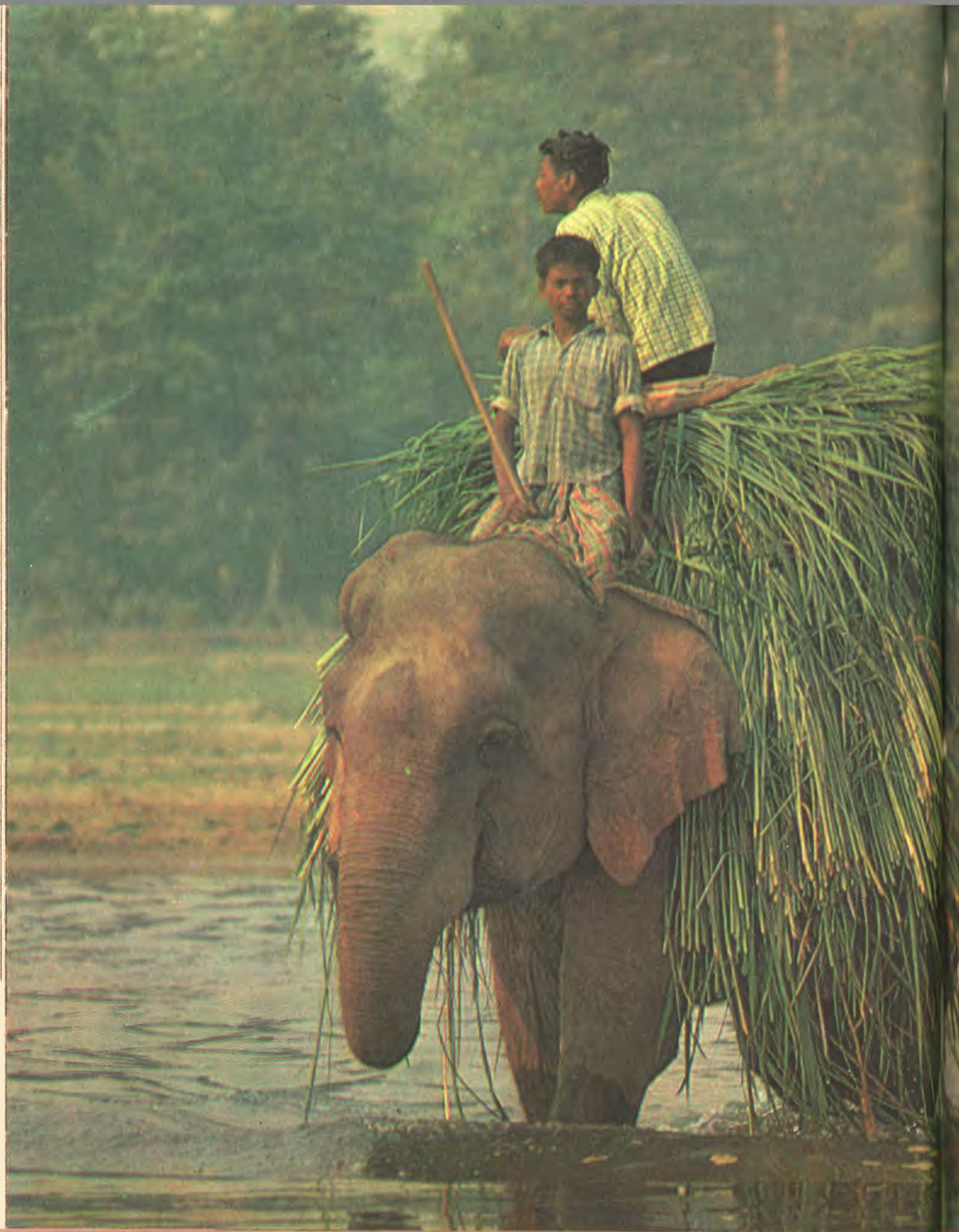

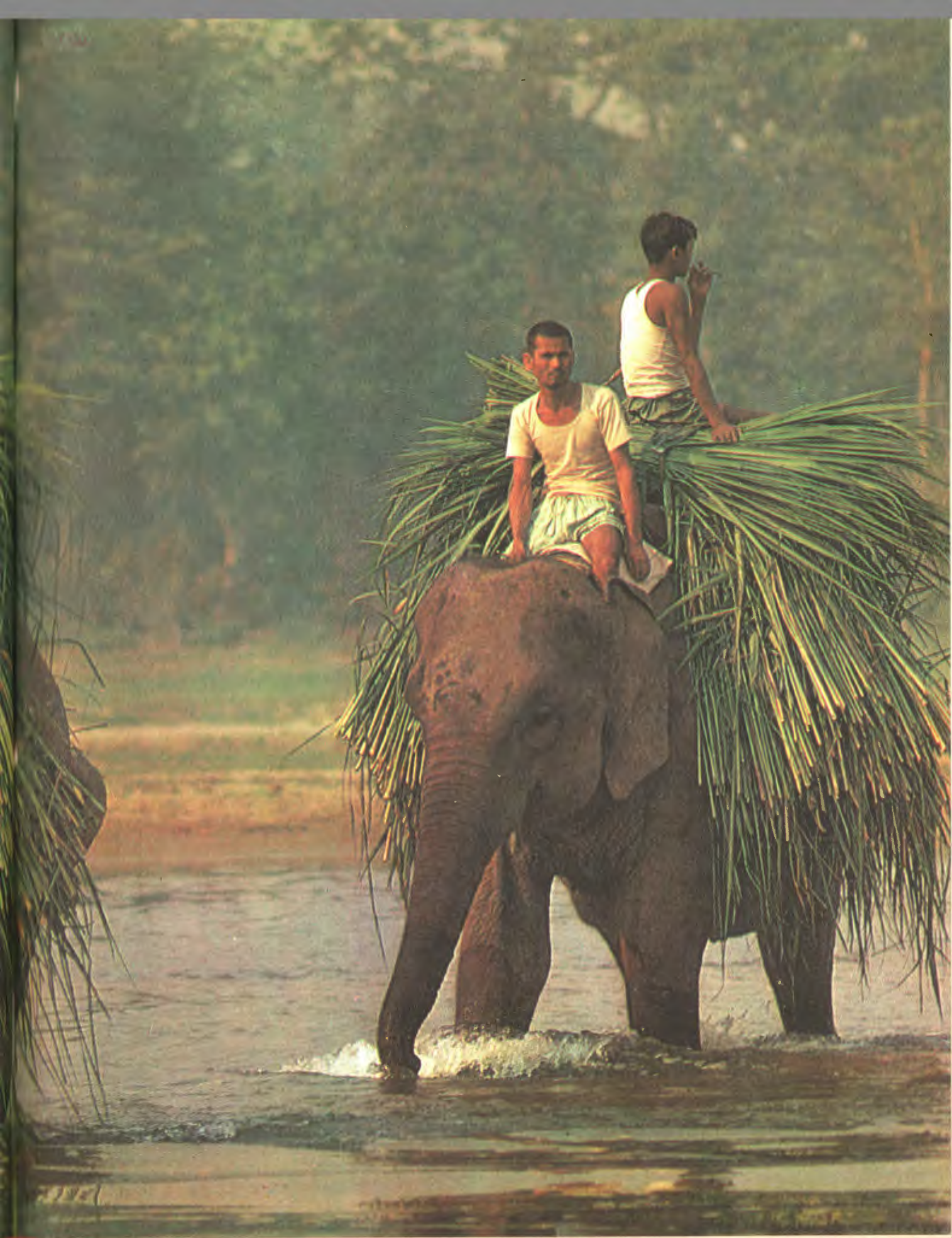

Живые статуи

Слоны на левой фотографии были изваяны в натуральную величину из целой скалы примерно в 600—750 гг. нашей эры. Они составляют часть гигантского фриза в индийском городе Махабалипураме, изображающего людей и животных, которые приносят благодарность богу Шиве за реку Ганг. Начиная с каменного века, когда первобытные художники выцарапывали их на стенах пещер, слоны были излюбленной темой изобразительного искусства. Изваяний слонов, как религиозных, так и чисто декора-

тивных, особенно много в Азии: в храмах, в общественных зданиях и на мозаиках, украшающих стены частных домов и крепостей. Даже живые слоны, когда они стоят неподвижно после грязевой ванны, мокрые и блестящие (верхняя фотография), похожи на статуи. И эти слоны (следующие две страницы), которые переходят реку в Непале, неся на себе своих погонщиков и собственный обед, кажутся произведением искусства — так великолепна их тяжело-весная и целеустремленная грация.

Слоновый Тумай

В этом рассказе Редьярда Киплинга, входящем в «Книгу джунглей», как и в других рассказах этого цикла, реальность переплетается со сказочными мотивами и жизнь слона в неволе одевается поэтической фантазией.

Кала-Наг, что значит Черный Змей, служил уже сорок семь лет и делал все, что только может делать слон, а так как ему было двадцать, когда его поймали, он, следовательно, почти достиг семидесяти лет — возраст для слона весьма почтенный. Он помнил, как на лоб ему надевали толстую кожаную повязку, и он толкал пушку, увязшую в глубокой грязи, а было это, когда он еще не вошел в полную силу. Его мать Радха-Пьяри, Радха Возлюбленная (ее поймали в ту же облаву, что и Кала-Нага), еще до того, как у него выпали молочные бивни, объяснила ему, что слонам, которые поддаются страху, всегда приходится плохо. И Кала-Наг знал, что она сказала правду: в первый раз увидев рвущуюся шрапнель, он с визгом попятился прямо на подставленные ружья, и штыки впились во все его нежные места. А потому он навсегда перестал бояться, когда ему еще не исполнилось и двадцати пяти лет, и среди всех слонов на правительственной службе никого так не любили и никого так не холили, как его. Он носил на спине связку палаток, весившую тысячу двести фунтов, и однажды паровой подъемный кран поднял его на палубу корабля, и он много дней плыл по воде, а потом его заставили носить на спине мортиру в незнакомой каменистой стране, далеко-далеко от Индии. Он видел, как другие слоны умирали от холода, и болезней, и голода, и солнечного удара. А потом, десять лет спустя, его отправили таскать и складывать огромные бревна на лесопильнях Моулмейна. И там он избил до полусмерти непослушного молодого слона, который не выполнял положенной ему работы.

А потом его отправили в горы Гаро, где вместе с другими специально обученными слонами он помогал ловить диких слонов.

Рост Кала-Нага превышал десять футов, а его бивни были обрезаны до пяти футов и стянуты

у концов медными кольцами, чтобы предохранить их от расщепления, но этими обрубками он умел делать куда больше, чем необученный слон — длинными острыми бивнями. Недельку за неделей бродящих по лесам диких слонов осторожно отесняли к загону, и вот, когда сорок-пятьдесят лесных великанов оказывались внутри него и большая решетка из толстых бревен, стянутых ремнями, падала позади них, перегораживая выход, Кала-Наг по команде врезался в этот ревущий, трубящий хаос (дело обычно происходило ночью, когда мечущийся свет факелов не позволяет правильно оценить расстояние) и, выбрав самого большого, самого разъяренного самца с могучими бивнями, толкал и бил его, пока не укрощал, а тем временем люди на спинах других обученных слонов набрасывали веревки на остальных и связывали их. Кала-Наг, старый мудрый Черный Змей, был искушен во всех тонкостях драки; недаром он в свое время не раз и не два встречал нападение раненого тигра и, задрав вверх мягкий хобот, чтобы уберечь его, быстрым секущим движением головы, которое придумал сам, сбивал в воздухе прыгнувшего зверя, а потом прижимал его к земле могучими коленями. Короткий хриплый вой извещал, что искра жизни угасла, и Кала-Нагу оставалось только ухватить за хвост неподвижное пушистое полосатое тело.

— Да, — сказал Большой Тумай, его погонщик, сын Черного Тумая, который ездил с ним за море, и внук Слонового Тумая, который видел, как его поймали. — Да, Черный Змей не боится ничего и никого на свете, кроме меня. Три поколения мужчин нашего рода кормили его и ухаживали за ним, и он доживет до четвертого.

— Меня он тоже боится! — объявил Маленький Тумай, выпрямляясь во весь свой мальчишеский рост, совсем голый, если не считать набедренной повязки. Ему было десять лет, этому старшему сыну Большого Тумая, и по обычаю он, став взрослым, должен был занять место отца на шее Кала-Нага и взять в руки тяжелый железный анк, слоновое бодило, рукоятка которого была отполирована ладонями его отца, его деда и его прадеда. И он не хвастал, потому что родился в тени

Кала-Нага, играл кончиком его хобота, когда еще не умел ходить, а едва научившись, начал водить его на водопой, и Кала-Нагу в голову не могло прийти послушаться его тоненького пронзительного голоса, как не пришло бы в голову наступить на него в тот день, когда Большой Тумай положил смуглого младенца под его бивни и приказал воздать честь своему будущему господину.

— Да, — сказал Маленький Тумай, — он боится меня! — И подбежав к слону, назвал его старым жирным боровом, а потом заставил поднять по очереди все четыре ноги. — Ты большой слон, Кала-Наг, и когда ты состаришься, какой-нибудь богатый раджа купит тебя ради твоего большого роста и хороших манер, — говорил Маленький Тумай, повторяя слова отца, — и у тебя не будет никакой работы — только шествовать во главе процессии с золотыми серьгами в ушах, в красной расшитой золотом попоне и с золотой беседкой на спине. И я буду сидеть у тебя на шее, о Кала-Наг, с серебряным анком в руках. А люди будут бежать перед нами с позолоченными палками и кричать: «Дорогу слону повелителя!» Это будет хорошо, Кала-Наг, но все-таки не так хорошо, как облавы на склонах гор...

Маленькому Тумаю нравилось подниматься по крутым тропам, карабкаться по которым способен только слон. А потом вниз, в долину, где появляются и исчезают пасущиеся дикие слоны, а из-под ног Кала-Нага прыскают испуганные кабаны и фазаны; ему нравились слепящие теплые ливни, после которых склоны и долины словно дымятся; и удивительные туманные рассветы, когда никто не знает, где будет разбит лагерь вечером; и осторожное многодневное отеснение диких слонов к загону, а главное — сумасшедшая суeta, пылание факелов и оглушительные вопли в ту последнюю ночь, когда слоны устремляются в бревенчатый коридор, словно сорвавшиеся с горы скалы, обнаруживают, что выхода нет, и бросаются на мощные столбы, а их отгоняют от ограды криками, горящими сучьями и холостыми залпами. Тут даже от мальчишек может быть польза, а Тумай один заменял троих мальчишек. Раздобыв факел, он махал им и вопил даже громче взрослых загонщиков. Но лучше всего были часы, когда пленников начинали выводить наружу — в кедде, то есть загоне, словно наступал конец света, и

люди переговаривались знаками, потому что в оглушительном шуме не слышали даже самих себя. А Маленький Тумай забирался на верхушку какого-нибудь содрогающегося столба, и стоило на секунду наступить затишью, как по всей кедде разносились пронзительные похвалы и советы, которыми он осыпал Кала-Нага под визг, трубные звуки, хлопки лопающихся веревок и стоны спутанных слонов.

— Давай-давай, Кала-Наг! Бивнями его! Поберегись! Наподдай ему! Осторожнее — столб! — кричал он, а Кала-Наг и его грозный противник, раскачиваясь, вели бой по всей кедде, и старые охотники на слонов вытирали пот и, улучив секунду, кивали Маленькому Тумаю, который прямо извивался от восторга на своем столбе.

Но он не только извивался. Однажды ночью он соскользнул со столба в кедду, юркнул между слонами, подобрал упавшую веревку и кинул ее погонщику, пытавшемуся захлестнуть ногу брыкающегося слоненка (слонята всегда доставляют больше хлопот, чем взрослые животные). Кала-Наг увидел его, подхватил хоботом и подал Большому Тумаю, который тут же задал ему трепку и водворил назад на столб. Утром он долго его бранил, а в заключение сказал:

— Наверняка эти безмозглые охотники, которым платят куда меньше, чем мне, уже обо всем рассказали Питерсену-сахибу.

Маленький Тумай перепугался. Он мало видел белых людей, но твердо верил, что Питерсен-сахиб среди них — самый главный. Ведь он заведовал всеми облавами на диких слонов и знал слоновьи повадки, как никто другой.

— И... и что же теперь будет? — спросил Маленький Тумай.

— Что будет! Да такое, чего хуже быть не может. Питерсен-сахиб — сумасшедший, не то стал бы он охотиться на этих лесных дьяволов! А вдруг он захочет сделать из тебя ловца слонов, и ты навсегда останешься в этих джунглях, полных лихорадки, а под конец тебя затопчут насмерть в какой-нибудь кедде? Ну да на той неделе все кончается, мы, люди равнин, вернемся домой и забудем про облавы. Но, сын, я сержусь на тебя за то, что ты вмешался в дело, которое должны делать эти неумные горцы. Кала-Наг не слушает никого, кроме меня, а потому я должен въезжать на нем в кедду,

но он — боевой слон и не помогает связывать других. И я сижу на нем с достоинством, спокойно, как подобает погонщику слонов. Неужто род Слононого Тумая прекратится, втоптаный в землю кедрды? Неслук! Озорник! Плохой сын! Иди вымой Кала-Нага, осмотри его уши и проверь, не застряли ли у него в подошвах колючки. Не то Питерсен-сахиб поймает тебя и сделает из тебя дикого ловца, слоновьего следопыта, лесного медведя. Фу! Постыдись! Ну, иди.

Маленький Тумай послушно ушел и не сказал ни слова, но осматривая ноги Кала-Нага, он поведал ему все свои обиды.

— Ну ничего, — закончил он, отгибая рванный край огромного правого уха. — Они называли мое имя Питерсену-сахибу, и может... может... может... Кто знает? Ух, погляди, какую колючку я вытащил!

В следующие дни пойманных слонов собирали в одно место и водили диких пленников взад и вперед между двумя обученными слонами, чтобы они привыкли и не доставляли больших хлопот, когда их погонят на равнины. На своей умной слонихе Падмини приехал Питерсен-сахиб: сезон кончился, и он расплачивался с погонщиками слонов. Под деревом за столиком сидел счетовод, и каждый, получив деньги, отводил своего слона к уже готовой в путь колонне. Когда к счетоводу подошел Большой Тумай вместе с Маленьким Тумаем, старший следопыт Макуа-Аппа сказал своему приятелю:

— Вот из этого вышел бы толк. Жаль, что пестушок выливается на равнинах. Он спрыгнул в кедрду во время последней облавы и бросил веревку Бармао, когда мы отгоняли слоненка с пятном на плече от его матери.

Макуа-Аппа показал на Маленького Тумая, и Питерсен-сахиб обернулся.

— Он бросил веревку? Такой мальш? Как тебя зовут, мальчик? — спросил Питерсен-сахиб.

Тумай онемел от испуга, но позади него был Кала-Наг. Тумай сделал ему знак, и слон, обвив его хоботом, поднял мальчика надо лбом Падмини, прямо к грозному Питерсену-сахибу.

— Ого! — сказал Питерсен-сахиб, улыбнувшись в усы. — Для чего же ты обучил своего слона этой штуке? Чтобы таскать с крыш кукурузные початки, когда их кладут там сушиться?

— Нет, не початки, сахиб, а дыни, — сказал

Маленький Тумай, и все вокруг захохотали. Кто из них в детстве не обучал своего слона тому же? Маленький Тумай, висая в восьми футах над землей, от души жалел, что не может провалиться на восемь футов под землю.

— Это мой сын Тумай, сахиб, — сказал Большой Тумай, нахмурившись. — Он очень плохой мальчишка и кончит свои дни в тюрьме.

— Ну, я в этом не так уж уверен, — сказал Питерсен-сахиб. — Мальчик, который в его возрасте не боится прыгнуть в полную слонов кедрду, в тюрьму не попадет. Вот, мальш, тебе четыре анна на сласти, потому что под этой копной волос у тебя хорошая голова. Но помни, — продолжал Питерсен-сахиб, — что кедрды — не место для детских игр.

— И мне больше никогда-никогда нельзя будет туда ходить, сахиб? — спросил Маленький Тумай с горьким вздохом.

— Нет, почему же, — Питерсен-сахиб снова улыбнулся. — Приходи ко мне, когда увидишь, как пляшут слоны, и я разрешу тебе входить во все кедрды.

Люди кругом снова захохотали, потому что это старое присловье охотников на слонов и означает оно попросту «никогда». В лесах среди густых зарослей попадаются вытопанные поляны, и их называют «бальными залами слонов», но даже на них натыкаются очень редко, и ни один человек еще не видел, как пляшут слоны. Если какой-нибудь погонщик начинает бахвалиться своей сноровкой и храбростью, остальные спрашивают его: «И когда же ты видел, как пляшут слоны?»

Кала-Наг опустил Маленького Тумая на землю, и он ушел с отцом и отдал четыре анна матери, которая кормила его маленького братишку, а потом Кала-Наг посадил их всех себе на спину, и слоны, похрюкивая и взвизгивая, длинной вереницей потянулись по тропе, ведущей с гор на равнины. Этот первый переход был полон событий, потому что новые слоны бунтовали у каждого брода, и каждую минуту их приходилось бить или улеживать.

Большой Тумай подгонял Кала-Нага со злостью, — он очень сердился, но Маленький Тумай был так счастлив, что ему даже не хотелось разговаривать.

— А про какие пляски слонов говорил Питер-

сен-сахиб? — наконец тихонько спросил он у матери.

Но Большой Тумай услышал его и буркнул:

— А про такие, что тебе никогда не быть следопытом, а они в горах все — дикие буйволы, и ничего больше. Вот о чем он говорил... Эй, вы, там, впереди, что случилось?

Погонщик-горец обернулся и сердито крикнул:

— Иди сюда с Кала-Нагом, пусть он образумит моего молокососа. И за что только Питерсен-сахиб выбрал меня провожать до равнин вас, ослов с рисовых полей? Пусть твой слон станет бок о бок с моим и ткнет его бивнями, Тумай. Клянусь всеми богами гор, эти новые слоны одержимы злыми духами или же они чуют своих друзей в джунглях.

Кала-Наг ударил нового слона бивнями в ребра так, что у того перехватило дыхание, а Большой Тумай сказал:

— В последней облаве мы очистили горы от диких слонов. Просто ты управляешь им кое-как. Что же мне, одному держать в послушании всех слонов?

— Нет, вы только его послушайте, — сказал горец. — «Мы» очистили горы! Хо-хо! Очень вы умны, жители равнин. Всякий, кроме дурака, никогда не видевшего джунглей, понял бы — ОНИ знают, что на этот год облавы кончились. А потому сегодня ночью все дикие слоны... Но к чему тратить слова мудрости на речную черепаху?

— А что они будут делать? — крикнул Маленький Тумай.

— Это ты, малыш? Ну, тебе я скажу, потому что у тебя умная голова. Они будут плясать, и твоему отцу, который очистил все горы от всех слонов, надо бы нынче вечером надеть на этих двойные цепи.

— О чем ты говоришь? — сказал Большой Тумай. — Сорок лет мы, отцы и сыновья, ходим за слонами и ничего не слышали ни о каких плясках.

— Да, но житель равнин знает только четыре стены своей хижины. Ладно, не приковывай сегодня на ночь своих слонов и погляди, чем это кончится. А что до плясок, так я сам видел место, где... Да сколько же излучин у реки Диханг!? Опять брод, и слонят придется переправлять вплавь. Эй, вы там, сзади, остановитесь!

И вот так, разговаривая, бранясь и расплескивая

речную воду, они добрались до лагеря, приспособленного для приема новых слонов.

Там слонов приковали за задние ноги к прочным столбам, а диких еще и спутали веревками и перед всеми ними положили груды корма. Маленький Тумай принес Кала-Нагу его ужин и пошел бродить по лагерю, а когда его сморил сон, улегся на охапке тростника рядом с Кала-Нагом. Мало-помалу начали ложиться и слоны, как это у них в обычае, и наконец только Кала-Наг остался стоять на правом конце линии, насторожив уши, покачиваясь и чутко прислушиваясь к ночному ветру гор.

Внезапно Маленький Тумай проснулся и увидел, что лагерь залит лунным светом, а Кала-Наг все еще стоит, растопырив уши. Маленький Тумай повернулся, зашуршав тростником, и уставился на изгиб огромной спины, закрывавшей половину звездного неба, и тут в такой дали, что звук был словно булавочный укол в тишине, протрубил дикий слон. Все слоны вскочили, как от пушечного выстрела, и их фыркание разбудило спящих погонщиков. Тяжелыми деревянными молотками они для верности вбили колья поглубже, проверили веревки, затянули узлы потуже. Один новый слон чуть было не вырвал свой столб, и Большой Тумай снял цепь с ноги Кала-Нага, сковал переднюю ногу нового слона с задней, а на заднюю ногу Кала-Нага накинул травяную веревку и велел ему помнить, что он крепко привязан. Большой Тумай, его отец и его дед сотни раз проделывали это, но теперь Кала-Наг не ответил на приказ обычным булькающим звуком. Он стоял неподвижно, чуть подняв голову и растопырив уши, как веера, и глядел в лунную даль, на склоны гор Гаро.

Маленький Тумай как раз собирался опять уснуть, но вдруг услышал звонкое «пинг» лопнувшей веревки, и Кала-Наг двинулся вперед, медленно и бесшумно, словно облако, выплывающее из ущелья. Маленький Тумай кинулся за ним в лунном свете, шлепая босыми ногами по пыльной дороге и тихонько окликая:

— Кала-Наг! Возьми меня с собой, о Кала-Наг!

Слон беззвучно повернул в лунном свете, сделал три шага назад, протянул хобот, посадил мальчика себе на шею и прежде, чем Маленький Тумай успел сесть поудобнее, углубился в лес. Позади в лагере

яростно затрубили слоны и разом смолкли. Все окутала тишина. Кала-Наг прибавил шаг. Иногда метелки высокой травы шуршали у его боков, как волны у бортов корабля, иногда плети дикого перца скребли его спину, иногда, задетый его плечом, поскрипывал стебель бамбука, но все остальное время он двигался по густому лесу Гаро совершенно бесшумно, как сквозь клубы дыма. Он поднимался по склону, но Маленький Тумай не мог определить, в каком направлении он шел, хотя в просветах между ветвями мелькали звезды. Потом, поднявшись на гребень, Кала-Наг остановился, и Маленький Тумай увидел простирающиеся во все стороны верхушки деревьев, мохнатые и крапчатые в лунном свете, и еще он увидел голубоватый туман над рекой на дне долины. Он наклонился вперед и всматривался в лунный сумрак, чувствуя, что лес внизу не спит, что он полон жизни. Чуть не задев его, пролетела питающаяся плодами большая летучая мышь, в чаще затрещал иглами дикобраз, а из темноты между стволами донеслось фыркание кабана, роющего влажную теплую землю. Но тут ветви вновь сомкнулись над его головой, и Кала-Наг начал спускаться в долину, не бесшумно, а стремительно, пролагая себе путь, словно пушка, сорвавшаяся под откос. Мощные ноги двигались ровно, как поршни, покрывая при каждом шаге восемь футов, морщинистая кожа на суставах шелестела. Кусты трещали, словно рвущаяся парусина, молоденькие деревья, которые он раздвигал плечами, выпрямлялись и хлестали его по бокам, спутанные плети лиан свисали с его бивней, а он, помахивая головой, двигался напролом прямо вперед. Маленький Тумай прильнул к огромной шее, чтобы какой-нибудь сук не сбросил его на землю, от души жалея, что не остался в лагере. Трава захрустела более сочно, ноги Кала-Нага теперь вязли и чмокали при каждом шаге, и холодный ночной туман на дне долины оледенил Маленького Тумая. Потом раздался всплеск, шум бегущей воды, и Кала-Наг пошел вброд через речку, осторожно нащупывая дно. Сквозь журчанье воды, закручивавшейся у ног Кала-Нага, Маленький Тумай слышал справа и слева от себя такие же всплески, трубные звуки, похрюкивание, сердитое фыркание, а туман вокруг, казалось, был полон покачивающихся смутных теней.

— Ай! — сказал он вслух, стуча зубами. — Слоновий народ сегодня не спит. Значит, они и правда будут плясать!

Кала-Наг с шумом вышел из речки и вновь начал взбираться по склону, но теперь он был уже не один, и больше ему не приходилось пролагать дорогу. Перед ним простиралась готовая тропа шести футов шириной, и примятые стебли высокой травы еще только-только распрямлялись. Маленький Тумай оглянулся и прямо позади себя увидел, как из речного тумана поднимается огромный дикий слон с могучими бивнями. Его крошечные глазки блестели, как красные угли. Потом деревья вновь сомкнулись, они продолжали подниматься по склону, а справа и слева слышались трубные звуки, фыркание, топот и треск ломающихся веток. На вершине Кала-Наг остановился между двумя деревьями. Перед ними лежала широкая поляна, и Маленький Тумай увидел, что земля на ней утрамбована, как глиняный пол в хижине. Посреди поляны росло несколько деревьев, но кора с них была содрана и белая древесина блестела в лунном свете, словно полированная. С верхних ветвей свисали лианы, все в больших белых восковых колокольчиках, но на самой поляне не нашлось бы даже стебелька травы, вся она была темно-серой, и только стоявшие на ней слоны отбрасывали чернильно-черные тени. Маленький Тумай смотрел, затаив дыхание, а из-за древесных стволов на поляну выходили все новые и новые слоны. В лесу ниже по склону слышался треск кустов, но, оказавшись в кольце деревьев, слоны начинали двигаться бесшумно, как призраки.

Тут были дикие самцы с тяжелыми белыми бивнями, толстые неторопливые слоники, под брюхом у которых вертелись маленькие черно-розовые слонята, молодые слоны, безмерно гордые своими недавно прорезавшимися бивнями, тощие костлявые старые девы с запавшими щеками и хоботами, как грубая кора, суровые старики, все в шрамах, оставшихся на память от былых боев, а у одного, со сломанным бивнем, от плеч вниз по боку тянулся след страшного удара тигриной лапы. Они стояли голова к голове, или расхаживали парами взад и вперед, или покачивались и переминались с ноги на ногу — десятки и десятки слонов. Маленький Тумай знал, что ему надо только тихо лежать на шее Кала-Нага, и с ним ничего не слу-

чится. Ведь даже в хаосе и сумятице облавы дикий слон никогда не стащит погонщика с шеи ручного слона, а эти слоны на всю ночь забыли о людях. Один раз они насторожились и растопырили уши, потому что из леса донесся лязг цепи, но это, шаркая и пофыркивая, по склону взбиралась Падмини, любимая слониха Питерсена-сахиба, оборвавшая свою цепь почти у самого столба. Маленький Тумай увидел еще одного — но незнакомого — слона, который, наверное, тоже убежал из какого-нибудь охотничьего лагеря в горах: его грудь и плечи были в глубоких рубцах от веревок.

Наконец в лесу все стихло, и Кала-Наг двинулся в толпу слонов, побулькивая и похрюкивая; тогда все слоны начали переговариваться на своем языке и прохаживаться по поляне. Маленький Тумай, распростершись на шее Кала-Нага, смотрел на десятки широких спин, шевелящихся ушей, раскачивающихся хоботов и косящихся глаз. Он слышал стук бивней, случайно зацепивших другие бивни, и сухой шелест свивающихся хоботов, и шуршание трущихся друг о друга в тесноте огромных боков, и нескончаемое шелканье и шорох сильных хвостов. Затем луну заволокла туча и вокруг сомкнулась черная тьма, но Маленький Тумай знал, что Кала-Нага окружает живая стена слонов и вывести его отсюда невозможно, а потому он стиснул зубы и попытался унять бившую его дрожь. В кедде все-таки пылали факелы и кричали люди, а тут он был совсем один в темноте, и вдруг чей-то поднятый хобот задел его по колену. Потом какой-то слон затрубил, и все они трубили десять ужасных секунд. С деревьев на невидимые спины ливнем посыпалась роса, и тут послышался глухой гудящий звук, сначала не очень громкий и непонятный. Но этот звук все нарастал, и вот Кала-Наг поднял сначала одну переднюю ногу, потом другую, попеременно ударяя ими по земле, точно паровыми молотами. Теперь все слоны топали в такт, и казалось, будто военный барабан бьет у входа в пещеру. Роса с деревьев сыпалась и сыпалась, пока ее больше не осталось, и гудение не стихало, а земля содрогалась и тряслась, и Маленький Тумай заткнул уши, чтобы не слышать. Но все равно удары сотен тяжелых ног по земле отдавались во всем его теле. Раза два он чувствовал, что Кала-Наг вместе с остальными делал несколько шагов вперед, и глухой гул сменялся хрустом

сминаемой сочной зелени, но через минуту-другую вновь раздавался гул от ударов ног по твердой земле. Где-то совсем рядом трещало и стонало дерево. Он протянул руку и нащупал кору, но Кала-Наг шагнул вперед, продолжая топать, и он уже не понимал, в каком месте поляны они находятся. Слоны молчали, только раз вдруг взвизгнули не то два, не то три слоненка. Раздался хлопок, шарканье и гудение возобновились. Длилось это часа два, и у Маленького Тумая ныло все тело, но запах ветра сказал ему, что близится заря.

Рассвет бледно-желтым всером вырвался из-за зеленых вершин, и с первым его лучом гудение оборвалось точно по команде. Прежде чем у Маленького Тумая перестало звенеть в голове, даже прежде, чем он успел переменить позу, на поляне не осталось никого, кроме Кала-Нага, Падмини и слона с рубцами от веревок, а из леса не донеслось ни единого фыркания, ни единого шороха или шелеста, которые могли бы подсказать, куда делись остальные. Маленький Тумай смотрел и смотрел по сторонам. Поляна за ночь как будто стала шире. В середине ее появилось больше деревьев, но кусты и трава словно отодвинулись. Маленький Тумай еще раз посмотрел по сторонам и понял. Слоны вытоптали себе больше места — растоптали жесткую траву и сочный тростник в месиво, месиво — в волокна, волокна — в крохотные жилки, а жилки втоптали в твердую землю.

— Ва! — сказал Маленький Тумай, а глаза его смыкались. — Кала-Наг, господин мой, давай пойдем с Падмини в лагерь Питерсена-сахиба, а то у меня уже нет сил держаться на твоей шее.

Третий слон посмотрел, как они уходят, фыркнул и пошел своей дорогой.

Два часа спустя, когда Питерсен-сахиб завтракал, его слоны, которые провели ночь в двойных цепях, вдруг затрубили, и в лагерь, пошатываясь, вошла Падмини, вымазанная в грязи по плечи, и Кала-Наг, у которого очень болели ноги. Лицо Маленького Тумая посерело и осунулось, а в его намокших от росы волосах запутались листья, но он попытался приветствовать Питерсена-сахиба и воскликнул слабым голосом:

— Пляска... Пляска слонов. Я ее видел и ... и я умираю!

Кала-Наг сел, и он соскользнул с его шеи в глубоким обмороке.

Маленький Тумай крепко спал почти весь день, Питерсен-сахиб и Макуа-Аппа прошли по следам двух слонов на пятнадцать миль в горы. Питерсен-сахиб восемнадцать лет занимался ловлей слонов, но до сих пор только раз видел такую вытопанную поляну.

— Мальчик не солгал, — сказал Макуа-Аппа. — Это было прошлой ночью, и я насчитал семьдесят следов, ведущих через реку. Погляди, сахиб, вот тут цепь Падмини сорвала кору с дерева! Да, она тоже была тут! Сорок пять лет я хожу по следам господина моего слона, но ни разу не слышал, чтобы взрослый человек или ребенок видел то, что видел этот мальчик! Клянусь всеми богами гор, что... но что мы можем сказать? — И он покачал головой.

Когда они вернулись в лагерь, было уже время ужина. Туда с равнины в поисках своего сына и своего слона прибежал Большой Тумай, но теперь, когда он нашел их, он поглядывал на обоих почти со страхом. Вскоре у пылающих костров перед рядами спутанных на ночь слонов начался праздничный пир, и его героем был Маленький Тумай.

А когда пламя костров уже почти угасло, встал Макуа-Аппа, глава всех загонщиков во всех кеддах, Макуа-Аппа, который за сорок лет не видел ни одной дороги, проложенной руками людей, Макуа-Аппа, такой почитаемый человек, что его называли просто «Макуа-Аппа», — он встал и, высоко подняв Маленького Тумая, закричал:

— Слушайте, братья мои! Слушайте и вы, стоящие там владыки мои, ибо говорю я — Макуа-Аппа! Мальчика этого больше не зовут Маленький Тумай, теперь его зовут Слоновый Тумай, как звали его прадеда. Ни один человек не видел того, что видел он целую долгую ночь, и с ним милость слоновьего народа и джунглей. Он станет великим следопытом, даже более великим, чем я, Макуа-Аппа! И ясными глазами будет он различать новый след, и старый след, и смешанный след! Айхай! Владыки мои в цепях! — Он стремительно повернулся к слонам. — Вот мальчик, который видел, как вы пляшете в своем потаенном месте, — видел то, чего не видел ни один человек! Воздайте ему честь, владыки мои! Приветствуйте Слонового Тумая, дети мои! Ганга-Першад, ахаа! Хира-Гадж, Бирхи-Гадж, Каттар-Гадж, ахаа! Падмини, ты видела его там, и ты тоже, Кала-Наг, мой алмаз среди слонов! Ахаа! Все дружно! Слоновому Тумаю — баррао!

И вслед за этим последним воплем все слоны вскинули хоботы, прижав кончик ко лбу, и издали приветственный рев — оглушительный трубный звук, приветствие Кедды, которым встречают только самых важных особ.

Но теперь оно раздалось ради Маленького Тумая, который видел то, чего прежде не видели глаза человека, — совсем один в ночи он видел пляску слонов в самом сердце гор Гаро.

Бегемоты

Среди гигантов суши бегемот по весу уступает только слону. Взрослый самец достигает в длину четырех с половиной метров и при всего полуметровой высоте весит три с половиной тонны. Обхват его чуть ли не равен длине, и это внушительное туловище с массивной головой поддерживается короткими ногами-тумбами.

В наиболее характерной своей позе, покаясь в реке или озере, когда над поверхностью воды видны лишь глаза, уши и ноздри, бегемот производит впечатление крайне вялого и неповоротливого животного. Но внешность обманчива — при случае бегемот ни в чем не уступит самым подвижным обитателям девственной природы: он прекрасно передвигается и в воде и на суше, относительно быстро бегает и свиреп в драках. Хотя для таких существенных функций, как сон и спаривание, бегемоты не покидают воды, кормятся они главным образом на суше. После захода солнца бегемот из водного животного превращается в сухопутное и, оставив безопасный приют в реке или озере, отправляется на берег подзаправиться. Бегемот — строгий вегетарианец, он пасется на суше, проходя по нескольким километрам, чтобы съесть те полсотни килограммов травы, которые составляют его ежесуточный рацион.

Когда деревня находится близ мест естественного обитания бегемота, от него могут серьезно пострадать поля — а подчас и люди, если помешать ему в его инстинктивном стремлении вернуться к воде на утренней заре или еще как-нибудь досадить. Утверждают, что бегемоты ежегодно убивают в Африке по несколько сотен человек, нападая как на суше, так и в воде, где опрокидывают лодки. Существуют сообщения о том, как бегемоты перекусывали людей пополам или, на манер акул, одним движением мощных челюстей отрывали ногу. Однако, хотя его и называют «бессмысленно злобным зверем», все данные указывают, что бегемот нападает на людей, только если его ранили или если он защищает территорию, на которую человек вторгся по неведению. Новорожденные детеныши бегемота порой становятся жертвой львов, леопардов и крокодилов, но у взрослого бегемота только один постоянный враг — человек, который охотится на него ради крепкой кожи и превосходного мяса. Некогда бегемоты кишели в Африке повсюду, но теперь сохранились главным образом в центральной, южной и восточной областях континента.

В общении бегемотов между собой большую роль играют драки. В брачный период самцу постоянно приходится вступать в бой с соперниками. И это не ритуализованные поединки, как у многих других млекопитающих, но схватки не на живот, а на смерть. Драка между равными противниками может длиться до двух часов и представляет собой ужасающее зрелище.

Зубы бегемота — весьма внушительное оружие. Обе челюсти у него усажены огромными резцами, а нижние клыки достигают в длину более полуметра. Именно на эти кинжально острые клыки бегемот и полагается в драке. Ими он наносит глубокие рваные раны.

У самца бегемота есть еще один способ устрашения соперников и покорения самки, возбудившей его пыл: он бурно испражняется и одновременно, действуя коротким плоским хвостом как пропеллером, разбрасывает свой помёт во все стороны. В подобных состязаниях победа остается за тем, кто в более короткий срок обильнее испражнится. Бесспорно, подобный метод установления главенства заметно менее кровопролитен, чем повреждение какой-нибудь важной артерии соперника, но такие поединки выглядят не слишком аппетитно. Этим же способом взрослые самцы метят территорию, причем хвосты их настолько сильны, что помёт разбрасывается на много квадратных метров или мутью расплывается по большим участкам воды.

После завершения драк происходит спаривание — как правило, в воде. Нередко самка оказывается под водой целиком, так что ей время от времени приходится высовывать нос на поверхность, чтобы не захлебнуться. Беременность длится около восьми месяцев, во время которых самка остается с другими самками и неполовозрелыми животными обоего пола в стаде, насчитывающем от 10 до 40 особей. Для родов она уединяется и производит на свет единственного детеныша, который весит 40—50 килограммов — сущую малость по сравнению с двумя-тремя тоннами, составляющими массу его матери.

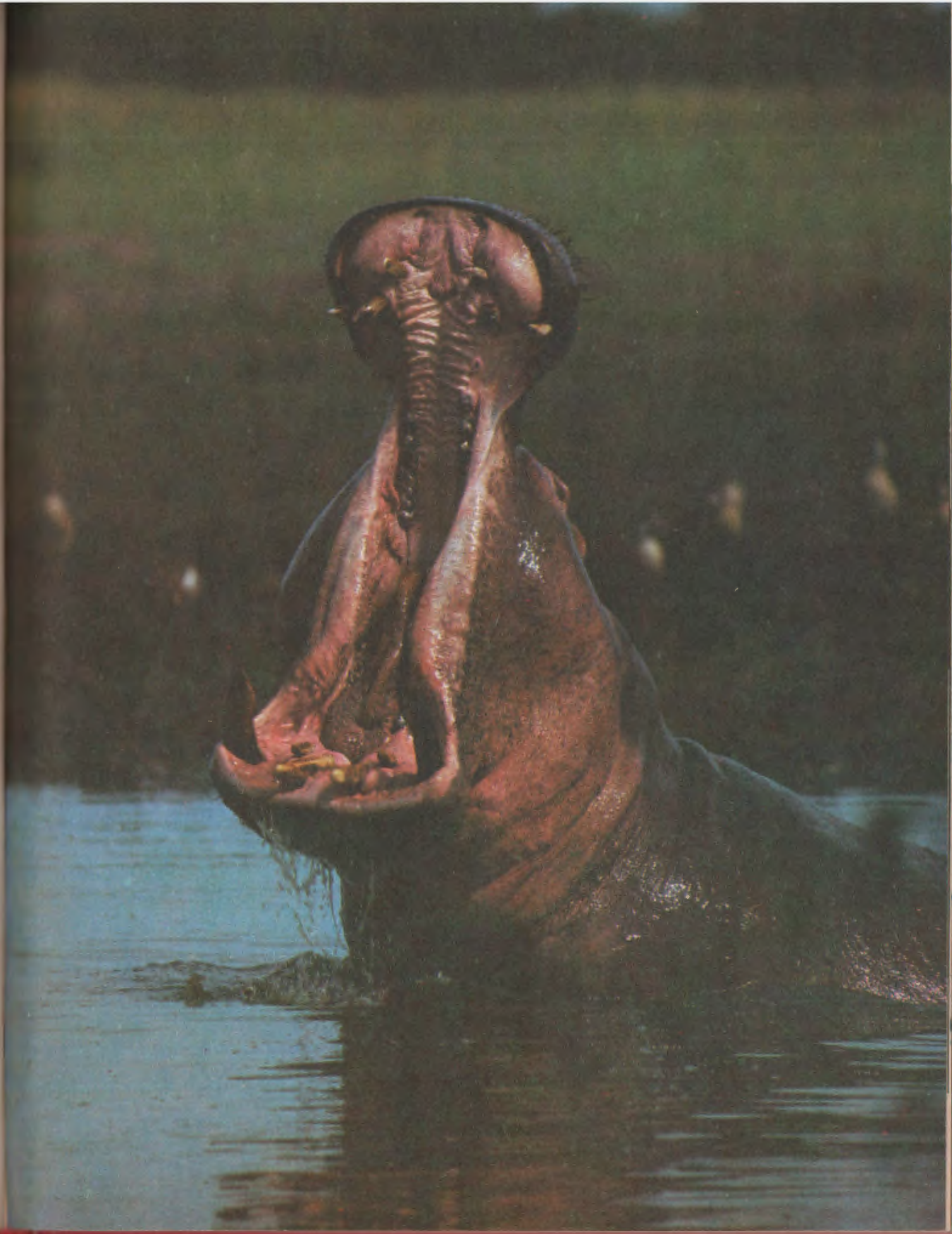
Бегемоты принадлежат к наиболее долгоживущим обитателям суши, уступая в этом отношении только человеку, человекообразным обезьянам и слонам — достоверно известен по крайней мере один случай, когда бегемот-самец дожил до пятидесяти лет. Половой зрелости бегемоты достигают между семью и девятью годами, так что период производства на свет потомства может длиться около четырех десятилетий.

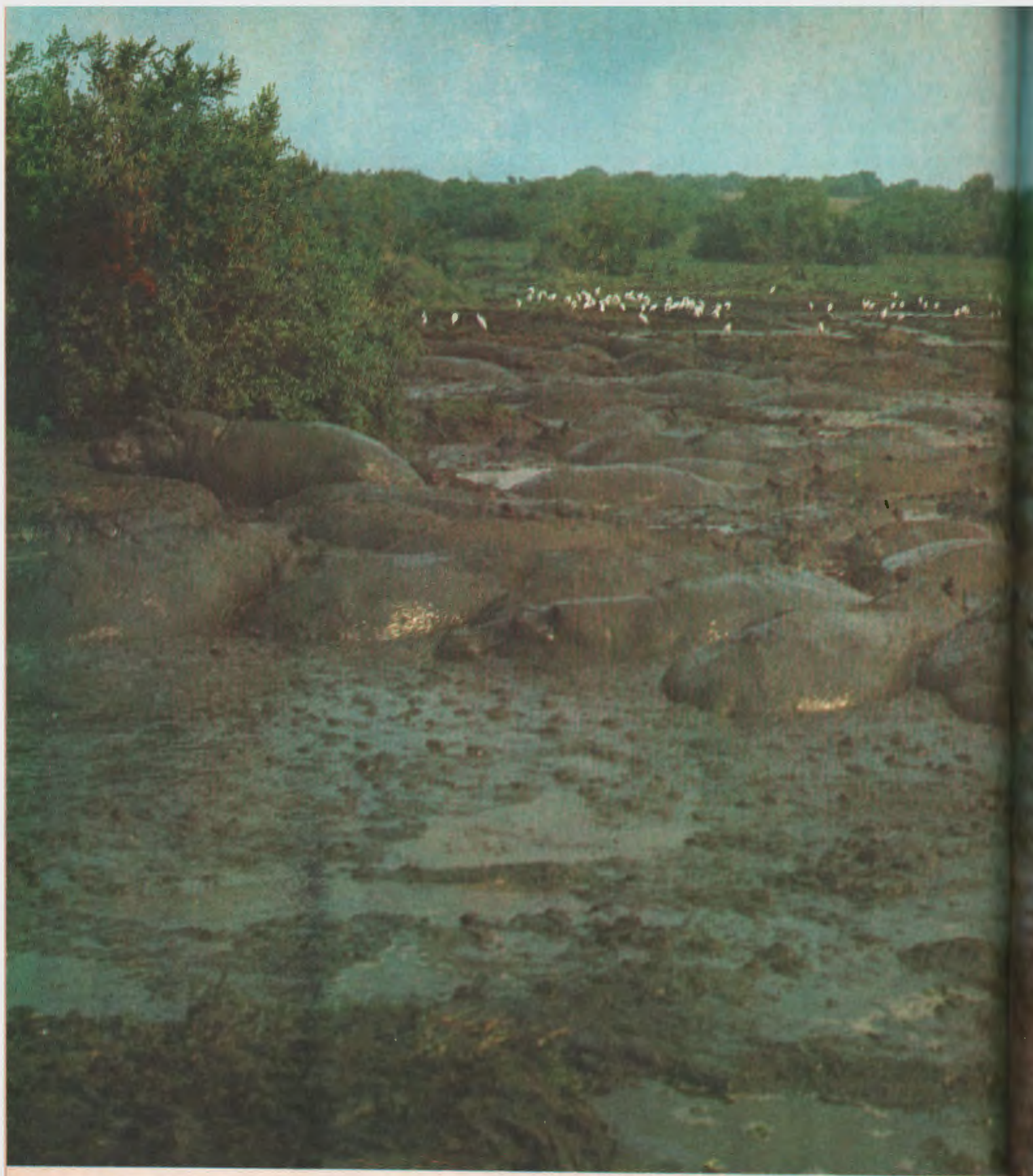
Карликовые бегемоты, открытые относительно недавно, принадлежат к тому же семейству, но к другому роду. Они

гораздо мельче обыкновенного — взрослые весят в среднем 250 килограммов при длине в полтора метра. Карликовые бегемоты обитают в непроходимых тропических лесах на западе Африки, и хотя в естественных условиях изучать их трудно, так как они очень пугливы и ведут скрытный образ жизни, в неволе они чувствуют себя хорошо и успешно размножались во многих зоопарках Европы и Северной Америки.

Некогда бегемоты были распространены по всей Африке, но охота и уничтожение мест их обитания привели к их исчезновению в западных прибрежных областях.

Бегемоты живут группами, которые насчитывают до тридцати животных и состоят преимущественно из молодняка обоего пола, взрослых самок и очень ограниченного числа взрослых самцов. Стадо держится вместе в каком-нибудь облюбованном заливчике (слева). Могучий самец (внизу) считает этот участок жидкой грязью, каким бы маленьким он ни был, своей собственностью и будет стойко защищать его от всех соперников.

Речная лошадь

Греческое название бегемота «гиппопотам» (что означает «речная лошадь») удивительно подходит этому относительно быстро двигающемуся млекопитающему, которое ведет полуводный, полусухопутный образ жизни. Стада бегемотов обычно проводят день, почти полностью погрузившись в мутные воды африканских озер или рек, и покидают их для кормежки только с наступлением вечера. В не очень жаркую погоду бегемоты греются на солнце, располагаясь на отмелях, причем кожа их покрывается красноватой слизью, которая получила название «кровавого пота». Слизь эта выделяется из многочисленных кожных желез и предохраняет кожу животного от постоянного воздействия воды и тропического солнца. Хотя бегемоты больше половины жизни проводят в воде, хорошими пловцами их считать нельзя. Они предпочитают реки с медленным течением или стоячие водоемы глубиной метра полтора, так чтобы вода прикрывала их тело, но они могли передвигаться по дну.

Водяные малыши

Перед родами самка бегемота уходит от стада и отыскивает укромное безопасное место, чаще всего на мелководье. Детеныши иногда рождаются под водой и в любом случае выучиваются плавать раньше, чем ходить. Если детеныш рождается в воде, он должен тут же всплыть, чтобы впервые вдохнуть воздух, и на протяжении первого года, пока он питается материнским молоком, ему постоянно приходится нырять, чтобы сосать это молоко. У ныряющего бегемота узкие ноздри закрываются с помощью особых клапанов, а ушные раковины плотно прижимаются к голове. Молодые животные могут оставаться под водой секунд 20, а взрослые — до шести минут.

Самка бегемота преданно ухаживает за своим детенышем, не отпускает его от себя (вверху) и всегда заслоняет от возможной опасности. Присутствие бегемотов в водоеме чрезвычайно благоприятствует круговороту жизни в воде. На основе помета, который они оставляют в ней, развивается богатый фито- и зоопланктон, которым питаются рыбы (слева), а рыба в свою очередь служит важным пищевым ресурсом для местных жителей.

Околоводные птицы вроде молотоглава (вверху) и египетской цапли (справа) — постоянные спутники бегемотов. Нередко они прилетают в начале драки между самцами, а после ее окончания помогают пострадавшим, выклеывая мух и других насекомых из их ран и тем самым уменьшая возможность инфекции.

Взаимопомощь

В отличие от молодых бегемотов, которые могут стать жертвой льва, леопарда, крокодила и даже раздражительных старых самцов, у взрослых животных практически нет врагов, кроме других бегемотов и человека. Потревоженные или почуявшие опасность бегемоты неизменно удаляются в какое-нибудь водное убежище. Идеальным убежищем служит река или озеро, сплошь заросшее водными растениями или прикрытое ветвями деревьев по берегам. Маленькие ушные раковины, ноздри и глаза бегемота несколько приподняты на широкой морде и расположены в одной плоскости, так что он остается почти невидимым, когда быстро переводит дыхание, осматривается и прислушивается, после чего вновь исчезает под водой. Его присутствие в водоеме подчас выдают только птицы, устроившиеся у него на голове. С этого удобного насеста птица хватается насекомых и рыбешку. Получает от этого выгоду и бегемот, поскольку птицы склеывают насекомых, раздражающих его кожу.

Стадо бегемотов переплывает африканскую реку.

Встречи с животными

Английский зоолог Джеральд Даррелл, автор более десятка книг о животных, рассказывает о драке между бегемотами — молодым и старым самцами, оспаривавшими внимание пригожей самки в западноафриканском тропическом лесу. Эта выразительно описанная сцена дает научно точное представление о поведении бегемотов в брачный период.

Когда я ловил животных в Западной Африке, мы как-то разбили лагерь на берегу реки, в которой обитало не очень большое стадо бегемотов. Они казались весьма мирной и счастливой компанией и каждый раз, когда мы отправлялись в лодке вверх или вниз по реке, сопровождали нас на короткое расстояние, подплывали все ближе и ближе, шевелили ушами, а иногда, с интересом за нами наблюдая, громко фыркали, отчего взлетали тучи брызг. Насколько мне удалось установить, стадо состояло из четырех самок, а также крупного стареющего и молодого самцов. У одной из самок был подросший детеныш, которого она порой возила на спине, хотя он вполне удался и ростом и породством. Как я уже сказал, они производили впечатление вполне счастливой семьи. Но вот однажды вечером, когда уже стемнело, бегемоты вдруг начали реветь и вопить, точно хор ополоумевших ослов. Время от времени наступала тишина, прерываемая лишь фырканьем или всплеском, но по мере того, как темнота сгущалась, шум становился все оглушительнее, и в конце концов, убедившись, что заснуть мне не удастся, я решил посмотреть, в чем дело. Сев в лодку, я погреб к излучине метрах в двухстах ниже по течению, где бурная вода выгрызла в откосе глубокую заводь и обвела ее широким полумесяцем сверкающего белого песка. Я знал, что бегемоты любили проводить там дни, а шум доносился именно оттуда. Было ясно, что случилось что-то необычное, поскольку в это время они каждый вечер извлекали свои жирные туши из воды и отправлялись опустошать поле какого-нибудь злополучного крестьянина неподалеку от реки. На сей же раз они все еще оста-

вались в заводях, хотя час, когда они выходили пастись, давно миновал. Я причалил к песчаной косе и прошел до места, откуда заводь была хорошо видна. Осторожность я мог не соблюдать — жуткий рев, мычание и плеск, разносившиеся над заводью, совершенно заглушали хруст песка у меня под ногами.

Сначала я не видел ничего, кроме белых пятен там, где бегемоты взбивали воду в пену, но вскоре взошла луна, и в ее ярком свете я различил в конце заводи сбившихся тесной кучей самок и детеныша: их головы поблескивали над водой, уши напряженно подергивались. Время от времени они разевали пасти и выпускали прерывистый рев, являя собой подобие хора в греческой трагедии. Самки и детеныш с интересом следили за старым и молодым самцами на отмели в середине заводи. Вода доходила противникам только до брюха, огромные бочкообразные туловища и тяжелые складки под нижней челюстью блестели, словно намазанные жиром. Они стояли друг против друга, низко опустив головы, и фыркали, точно паровые котлы. Внезапно молодой самец поднял огромную голову, разинул пасть, сверкнув зубами в лунном свете, и испустил долгий жуткий рев. Но он еще не кончил реветь, как старый самец, тоже разинув пасть, ринулся на него со стремительностью, невероятной для столь громоздкого животного. Молодой самец столь же быстро отступил в сторону, и его противник, не в силах остановиться, пронесся мимо, бешено взбивая пену. Когда он поравнялся с молодым самцом, тот страшным боковым ударом своих огромных челюстей порвал ему плечо. Старик повернулся и снова бросился в атаку, но тут луна скрылась за облаком. Когда она вновь засияла, они стояли в той же позе, в какой я увидел их в первый момент, — друг против друга, опустив морды и фыркая.

Я просидел на косе два часа, наблюдая, как эти две огромные колбасы взбивают пену и песок на отмели. Насколько я мог судить, старый самец проигрывал, и мне стало его жаль. Точно знаменитый в прошлом боксер, отяжелевший, утратив-

ший былую гибкость, он вел бой, понимая, что уже проиграл его. Молодой самец, более легкий и подвижный, увертывался от всех его атак и каждый раз успевал вонзить зубы в плечо или шею старика. Самки на заднем плане смотрели, подергивали ушами и время от времени испускали хором свой оглушительный рев, то ли сочувствуя старому самцу, то ли радуясь успеху молодого, но скорее всего просто от возбуждения. Решив, что бой может продлиться еще несколько часов, я сел в лодку, вернулся в лагерь и лег спать.

Проснулся я, когда горизонт только-только побелел. Бегемоты безмолствовали. По-видимому, драка кончилась. Я хотел надеяться, что победа осталась за стариком, но сильно сомневался в этом. Об исходе ночной драки я узнал в то же утро от одного из охотников. Он сказал, что видел труп старого самца километрах в трех ниже по течению на отмели, куда его выбросила река. Я отправился осмотреть его и ужаснулся при виде того, что сделали с ним зубы молодого самца. Массивное тело было буквально растерзано в клочья: плечи, шея, огромные складки под нижней челюстью, бока и брюхо превратились в кровавые лохмотья, и кровь еще окрашивала воду и песок вокруг. Со мной туда отправились и все жители деревни, потому что такое гигантское количество мяса, доставшееся им без всяких усилий, превращало будни в праздник. Они молча, с интересом смотрели, пока я обследовал мертвую тушу, а когда я кончил и отошел, хлынули на нее, как муравьи, возбужденно крича, толкаясь, размахивая ножами и топориками. Я смотрел, как ножи голодных людей кромсают огромную тушу, и думал о том, что такая цена за любовь непомерна.

Носороги

Носорог кажется каким-то пережитком доисторических времен. Вот уже 60 миллионов лет, как носороги разных видов бродят по земле, неторопливо размножаются и доживают до почтенной старости в мире со всеми другими дикими обитателями лесов и степей. Один из ранних носорогов, парацератерий, был крупнейшим из когда-либо живших на суше млекопитающих — он достигал длины семь с половиной метров и высоты пять с половиной.

В наши дни великолепный в своей уродливости носорог находится на грани вымирания. Сохранилось всего пять видов из тех десятков, которыми некогда изобиловали Европа, Азия, Африка и даже Северная Америка — три в Азии и два в Африке. Пожалуй, «сохранилось» звучит слишком оптимистично: вне зоопарков и заповедных территорий они практически разделили судьбу дронта и других видов, исчезнувших под натиском человека. Великолепных индийских носорогов осталось несколько сотен. Их родственник, яванский носорог, уже совсем близок к вымиранию — в Уджунг-Кулоне, единственном месте, где он еще обитает, насчитывается сейчас от 25 до 40 этих животных. Суматранский носорог, прославившийся, в частности, тем, что его описал Марко Поло, исчез почти совсем — исследователям, пытающимся изучать его поведение в естественных условиях, далеко не всегда удается найти объекты для наблюдения.

Судьба двух африканских видов немногим лучше. Численность черного носорога (на снимке справа) все еще составляет тысячи особей, но встречается он практически только в пределах национальных парков и резерватов. Белый, или широкогубый, носорог, очень кроткое животное, незаслуженно славящееся свирепым, уже несколько раз объявлялся вымершим, но затем был обнаружен северный подвид, который хорошо размножается на охраняемых территориях, и численность его, согласно сообщениям, постепенно увеличивается. (Названия «черный» и «белый» даны этим носорогам без реальных оснований, поскольку оба они графитно-серые. Название «белый» — по-английски «уайт», — по-видимому, происходит от неправильно понятого голландского слова «вейд», что значит «широкий».)

Главная отличительная черта носорога — его рог. У представителей индийского и яванского видов рог один, у суматранского и обоих африканских видов их два — один позади другого. Рог, представляющий собой слоистое образование из кератина (по структуре более всего сходное с роговой частью копыт), достигает в длину метра с четвертью и служит превосходным оборонительным оружием.

По иронии судьбы именно рог стал одной из причин, почему современным носорогам так трудно выжить. В средние века мифический единорог неразрывно ассоциировался в народном воображении с отнюдь не мифическим однорогим носорогом, и магические свойства, прежде приписывавшиеся единорогу, были перенесены на носорогов. Например, существовало поверье, будто кубок из рога этого животного

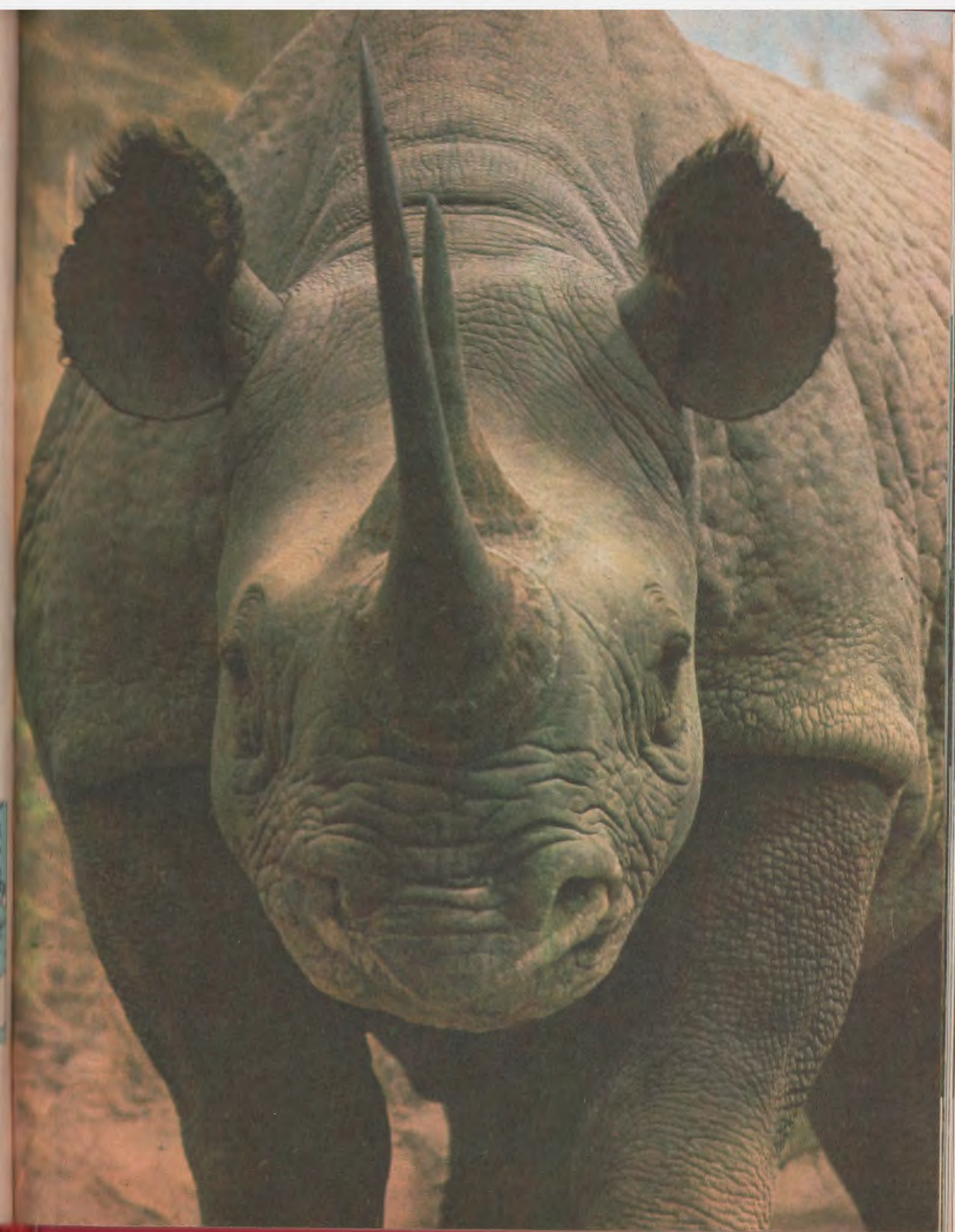
сразу же покажет, что в него налили яд, и таким образом спасет своего владельца от мучительной смерти; порошок из рога якобы излечивает самые разные болезни, в том числе эпилепсию и чуму, а кроме того, облегчает родовые муки. Самое же главное — считалось, что он укрепляет мужскую силу. Идея эта отнюдь не была новой: задолго до того, как европейцы спутали носорога с единорогом, древние китайцы веровали в омолаживающее действие принимаемого внутрь толченого рога, а вавилоняне, древние греки и римляне пользовались снадобьями из носорожьего рога в тех же целях.

Хотя современные научные изыскания доказали, что носорожий рог совершенно не обладает подобными свойствами, в него по-прежнему верят миллионы людей. В некоторых странах Азии за один рог можно выручить 2 тысячи долларов (сумма, превышающая годовую заработную плату тамошнего поденщика), так что заповедные участки требуют самой бдительной охраны.

В нормальных условиях носорог живет около сорока лет, большую часть которых пасется или спит. Пасутся носороги вечером, ночью и рано утром, а потом спят — в среднем около 9 часов в сутки. Они бродят по определенным участкам, протяженность которых определяется необходимостью ежедневно возвращаться на водопой. Они отличаются прекрасным слухом, острым обонянием. По-видимому, проложенных ими и другими носорогами троп они придерживаются главным образом с помощью чутья. Взрослый черный носорог чрезвычайно близорук, чем, возможно, и объясняется его агрессивная репутация: у него развилась привычка сначала стремглав бросаться вперед, а уж потом разбираться, что к чему. Носороги весят от двух до четырех тонн при длине от двух с половиной до четырех метров, и мчащийся галопом носорог — зрелище весьма внушительное.

Африканские носороги распространены по южным, центральным и восточным областям континента. Азиатские носороги живут отдельными мелкими популяциями в Индии, Малайзии, а также на Суматре и Яве.

Бойкое начало

Беременность длится у суматранского носорога (самого мелкого из пяти видов) от семи до восьми месяцев, у остальных — от семнадцати до восемнадцати месяцев. Новорожденные детеныши, вроде этого трехдневного младенца белого носорога на верхней фотографии, умеют неплохо ходить уже через несколько часов после появления на свет и повсюду следуют за матерью. Они сосут материнское молоко при каждом удобном случае, и хотя начинают пастись на второй неделе жизни, про-

должают питаться им по меньшей мере год, если не два. Молодые носороги остаются с матерями около трех лет, но едва она приносит нового детеныша (в среднем это происходит раз в три года), как немедленно прогоняет подросшего. Молодой носорог расстается с матерью очень неохотно и иногда прибегает к такому же изгою или взрослой самке, но чаще он не ищет ничьего общества и начинает обычную для носорогов одинокую жизнь.

Когда у самки носорога, вроде этой черной носорожихи справа, начинается брачный период, она для привлечения самцов издает свистящие звуки. Если являются два самца, то она обычно не ждет, чтобы они вступили из-за нее в драку, а делает выбор сама. Ее избранник поначалу подходит к ней осторожно, поскольку она нередко отвечает на ухаживание энергичными ударами рога. Самец в таких случаях отбегает, но не теряет надежды и снова приближается. Порой это длится часами, причем самец раз за разом пытается — как правило, неудачно (на снимке внизу) — покрыть самку. Чаще же самец и самка стоят друг против друга и нежно трутся рогами, после чего наконец происходит спаривание, которое может продолжаться около часа. Затем пара расходится, полностью утратив интерес друг к другу.

Обманчивая свирепость

При всей своей грозной внешности рога являются слабым местом этих в остальном столь внушительных животных. Рога представляют собой плотное слоистое образование из кератина. Эти могучие выросты там и тут растрепываются на отдельные волокнистые пучочки. Если нажать как следует, рог можно сорвать совсем. В таких случаях кровотечения почти не наблюдается, и со временем на том же месте начинает расти новый рог. Свирепость, приписывае-

мая носорогам, редко подвергается реальной проверке, поскольку все животные, включая обычно бесстрашных слонов, всячески их избегают. Носороги, как правило, ведут одиночный образ жизни — за исключением белых носорогов, которые держатся группами, — и стараются не встречаться с сородичами. Поэтому драки между носорогами — явление редкое.

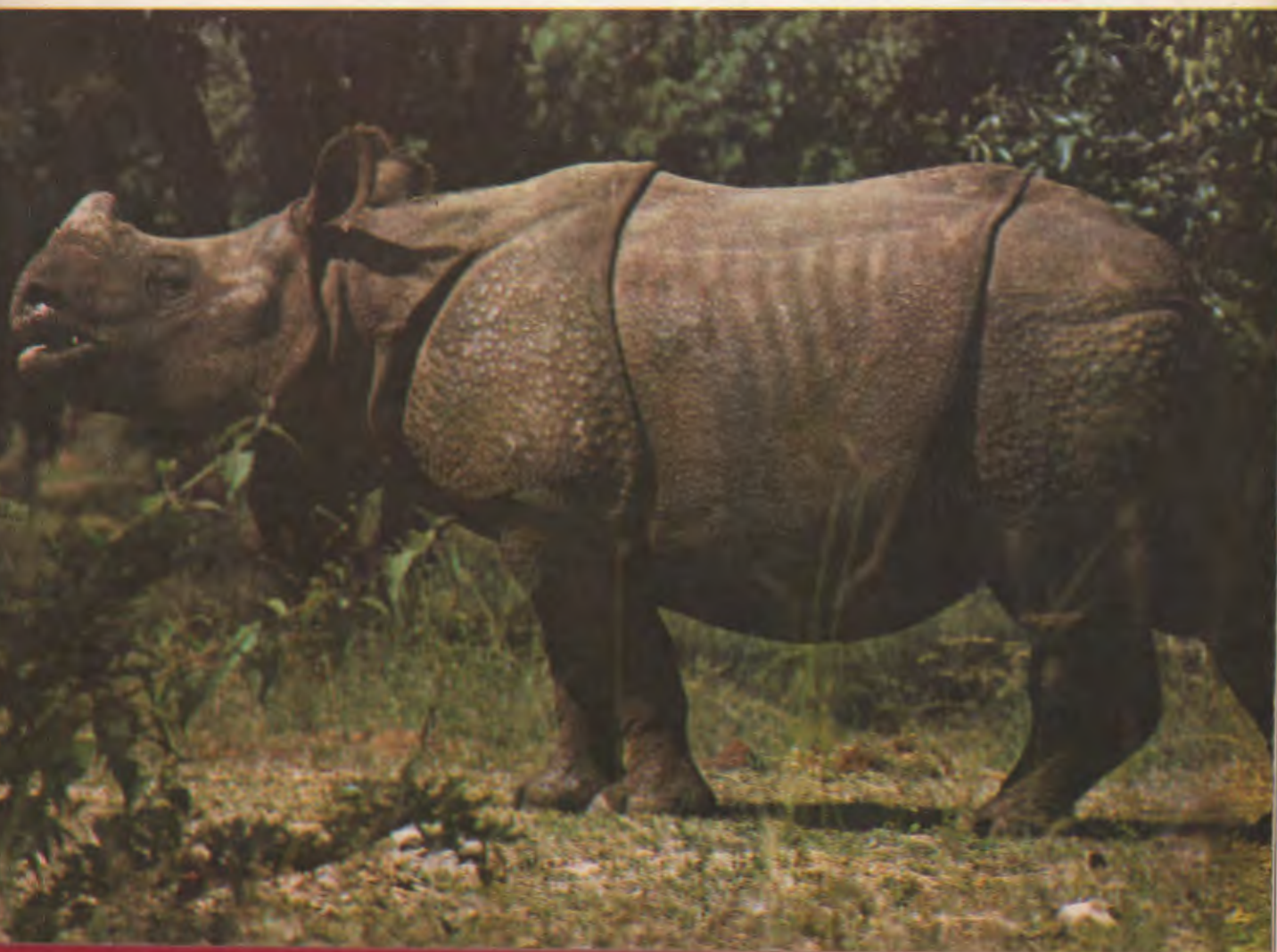
Среди пяти видов носорогов африканский черный носорог выделяется своей репутацией непредсказуемого в поступках, злобного животного. Стычка между двумя черными носорогами (внизу и слева) обычно начинается с того, что противники фыркают и роют землю передними ногами. В конце концов они опускают головы и с неожиданной легкостью мчатся навстречу друг другу. Но почти сойдясь, чаще всего останавливаются как вкопанные и отступают. Хотя бывают и серьезные драки, когда скрещаются рога, но стоит одному носорогу доказать свое превосходство, как более слабый покидает поле боя, так и не получив опасных ран.

Разнообразное семейство

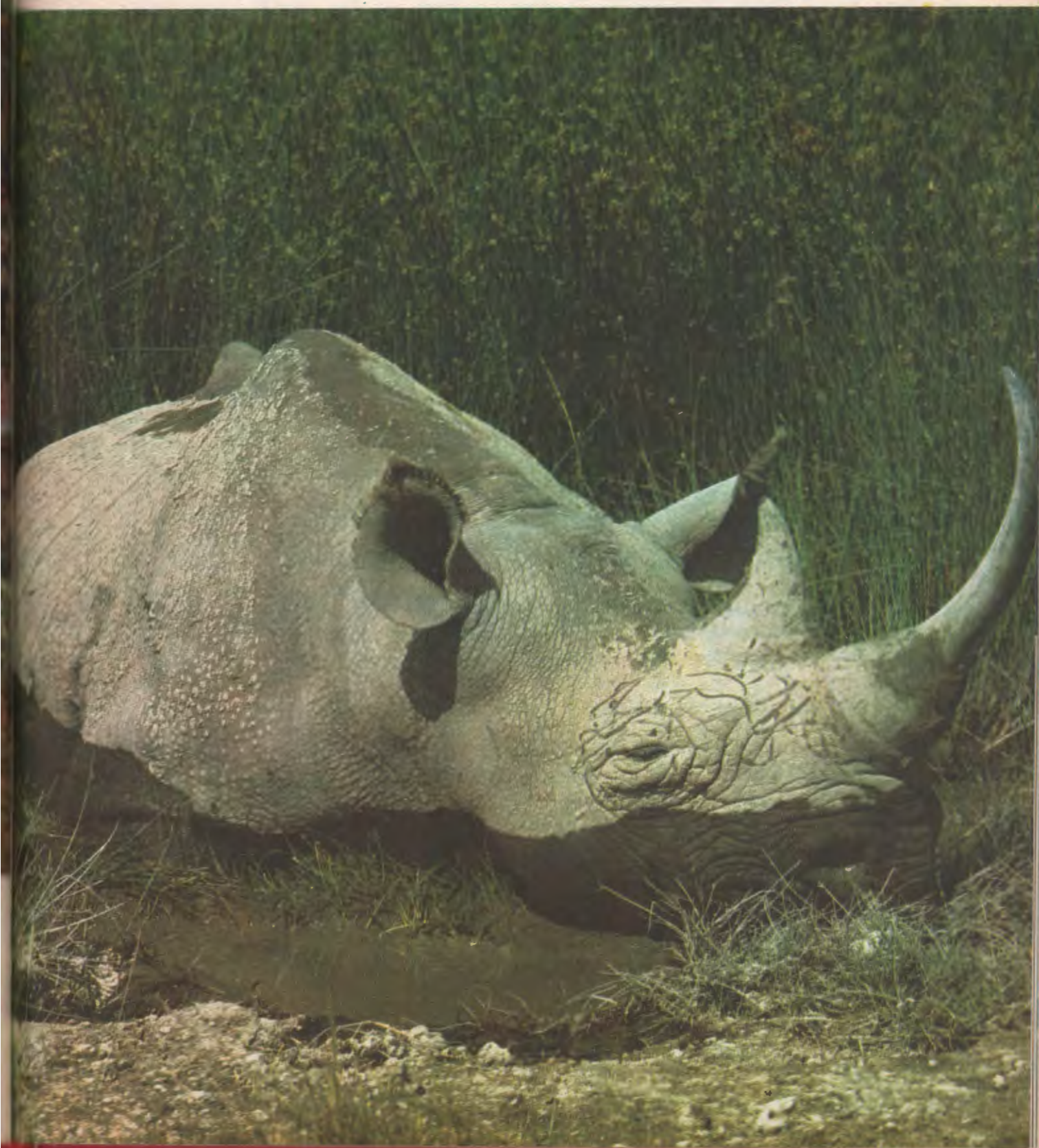
Носороги пяти видов только на первый взгляд могут показаться одинаковыми, на самом же деле они существенно различаются. Индийский носорог (слева и внизу) весь усеян шишковатыми вздутиями, а глубокие складки вдоль крупа и поперек спины, груди и шеи словно делят его на сегменты. Сравнительная величина и отличия остальных четырех видов показаны на таблице справа. У редко встречающегося яванского носорога, как и у индийского, только один рог и такие же складки. Однако шейные складки яванского носорога смыкаются над плечами, тогда как у индийского они кончаются у лопаток. У суматранского есть только грудная складка, и в отличие от остальных азиатских видов он украшен двумя рогами — впрочем, второй представляет собой всего лишь шишку. Для обоих африканских носорогов характерны складки по обе стороны шеи и два рога. Белый отличается от черного четко выраженным горбом над плечами.

Все носороги по многу часов как днем, так и ночью купаются в жидкой грязи, вроде этого африканского черного носорога, лежащего брюхом вверх. Грязевые ванны совершенно необходимы носорогам для регулирования температуры тела и ухода за кожей.

Такие удобные ямы принадлежат всем носорогам и не вызывают соперничества даже в сухие сезоны, когда грязь почти совсем высыхает. Носороги все-таки умудряются покрыться толстым защитным слоем грязи, погружая в нее поочередно то одну, то другую часть тела. Пока черный носорог на нижней фотографии купает ноги и живот, грязь у него на спине высыхает в белесую пыль.

Зверь Китабу

Жан-Пьер Алле, бельгийский журналист, живя в Уганде, взял под свою опеку черного носорога (на языке суахили носорог называется «кифару»). В этом отрывке из книги «Зверь Китабу» Алле описывает, как он сумел приручить носорога, используя его близорукость.

Черный носорог ненасытно любопытен, но в то же время робок и наделен весьма ограниченными умственными способностями. Слух и обоняние у него великолепны, однако зрение никуда не годится. Его крохотные глазки посажены по бокам массивной удлинненной морды и показывают ему (каждый по отдельности) две совершенно разные картины — обе ужасно заманчивы своей широкой перспективой, но раздражают вечной расплывчатой неясностью. В двадцати шагах близорукий кифару неспособен отличить человека от дерева, неспособен он и четко увидеть тот или иной предмет на расстоянии шести или даже четырех метров и вынужден поворачивать голову вбок, чтобы хотя бы одним глазом рассмотреть, что именно заслоняется широкой мордой и массивным передним рогом. Когда, опустив рог, он бежит вперед, то движется вслепую.

Не только ночью, но и днем кифару слышит и обоняет целый мир завлекательных предметов, которых не видит. Любопытство гонит его пошарить между ними, потыкаться в них носом — так сказать, поискать иголку в стоге сена, — но из-за врожденной робости он испытывает страх, глубокий страх перед теми самыми предметами, которые ему хочется обследовать. Он колеблется, мучится, пока в нем ведут бешеную борьбу два противоположных инстинкта. Обычно он убегает, но порой кидается вперед на разведку, проделывая это на редкость комично, с огромным шумом, псевдоугрозами, бессмысленной затратой энергии и полной неуклюжей беспомощностью. Такова знаменитая «атака» носорога.

Однажды в Катанге, вблизи национального парка Упемба, я наблюдал, как типично скудоумный носорог предпринял типично дурацкую атаку. Он деловито жевал веточки, когда шагах в сорока от не-

го заквакала лягушка. Он перестал жевать, наклонил голову и прислушался — из его рта тем временем сыпались листья, — а потом тревожно затрусил в направлении звука. Когда он был уже близко, лягушка квакнула особенно громко и случайно прыгнула ему навстречу. Полутонный балбес-носорог сделал поворот кругом и отступил на «безопасное расстояние». Несколько минут он дулся, а потом опять двинулся вперед. На этот раз лягушка прыгнула от него, чем его очень подбодрила: он опустил рог, ринулся в атаку и наступил на лягушку, даже не заметив этого. Затем он вернулся, долго нюхал, пока не отыскал лягушку, и с недоумением начал передней ногой рыть землю перед бесформенным комочком...

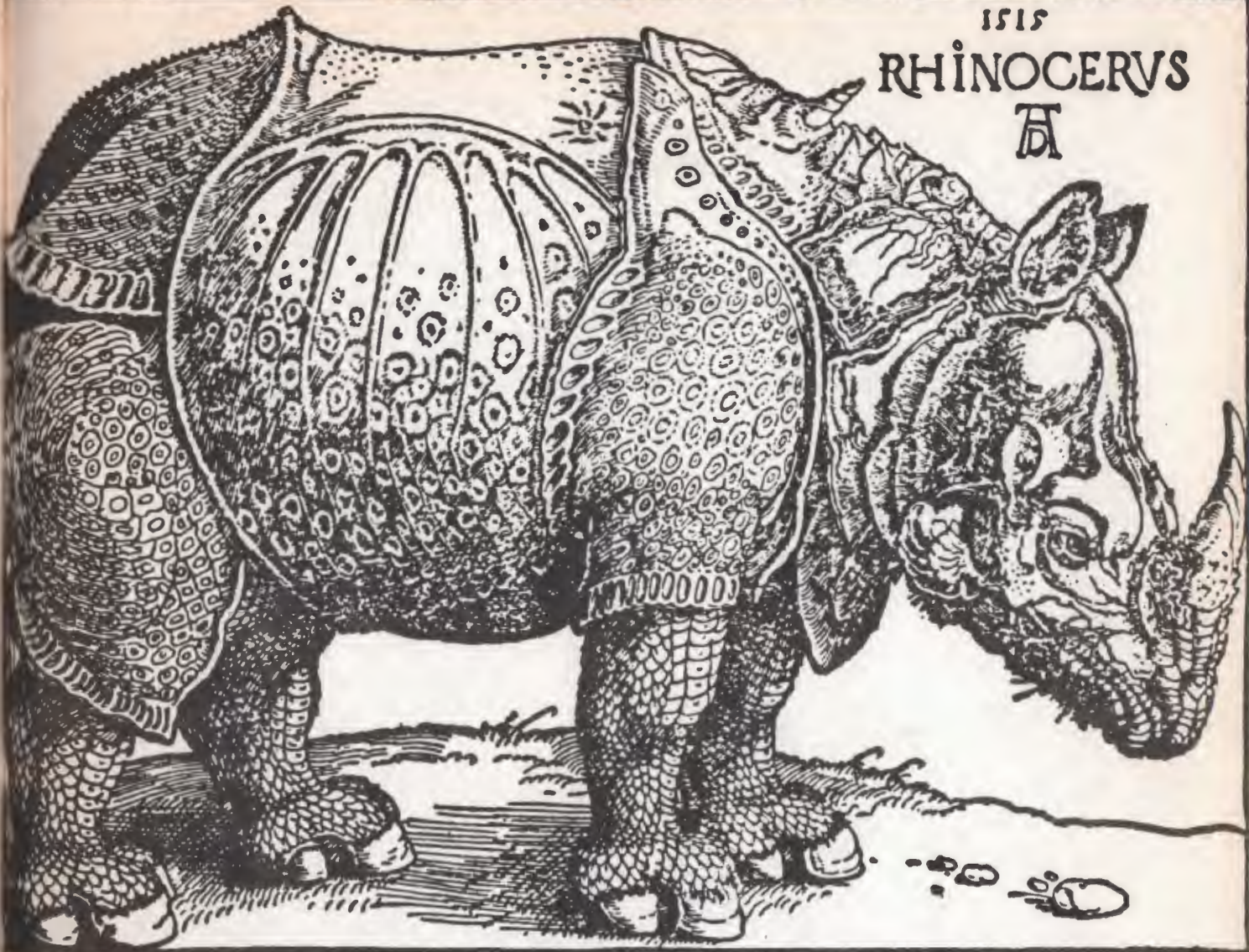
Слон, наделенный столь же скверным зрением, ведет себя с величавым спокойствием и невозмутимой решимостью. Более развитый интеллект позволяет ему разгадывать загадки, с которыми он сталкивается, и сдерживать свои эмоции. Кифару, которого обычно и ошибочно считают близким родственником слона (если бы слоны могли обращаться в суд, они, безусловно, подали бы иск за клевету), ведет себя очень похоже на свою действительно близкую родственницу — плохо соображающую, плохо видящую и истерически пугливую лошадь...

— Собственно говоря, носорогу больше всего требовались бы услуги хорошего специалиста по психоанализу, — давным-давно убеждал я моих друзей в Африке. — Под всеми этими нелепыми угрозами и атаками, обескураженностью и неврозами прячется добродушный зверь, который был бы очень рад подружиться с кем-нибудь.

Но мне никто не верил. Одураченные охотничьими рассказами, они считали кифару не пустоголовым озорником, а закоренелым преступником. В надежде опровергнуть подобный взгляд я на исходе 1959 года купил у Департамента общественных работ Уганды недавно пойманного взрослого черного носорога, нарек его Пьерро, выпустил в загон площадью 75 на 70 метров у себя в парке Мугвата и вошел к нему, полный решимости приручить его и выдрессировать.

Пьерро услышал, как за мной захлопнулась калитка, и нервно посмотрел в мою сторону с расстояния шагов в шестьдесят. Несколько минут он мучился над этой загадкой, а потом избрал при-

1515
RHINOCERVS
A

Гравюра на дереве Альбрехта Дюрера, созданная в 1515 году и изображающая индийского носорога, принадлежавшего португальскому королю Мануэлю I, послужила образцом для множества иллюстраций вплоть до конца XVIII века. {

выгнанный носорожий ответ — атаку. Он затрусил в моем направлении, постепенно прибавляя ходу и держа голову горизонтально. При таком положении его и без того подслеповатый взгляд упирался в передний рог, а потому, перейдя на бешеный галоп, он повернул голову вбок и попытался углядеть меня одним глазом. Когда нас разделяло не более пятнадцати шагов и ему уже удалось смутно различить мою фигуру, он изменил направление, опустил рог и ринулся на меня — слепой дреднот, курс которого зафиксирован раз и навсегда.

Я располагал примерно секундой, чтобы предпринять что-нибудь или же счесть его недостойным

моего внимания. Если бы оказалось, что он двинется с опасной точностью, я мог бы стремительно отпрыгнуть в сторону, как клоун на родео, если же нет, мне оставалось бы, не сходя с места, проводить взглядом поднятые им клубы пыли.

Во время этой первой своей попытки Пьерро нацелился слишком уж точно, и я отпрыгнул. Он с громким фырканием пронесся мимо, держа лишенный кисточки хвост торчком. Шагов через пятнадцать он, наконец, затормозил, повернулся и, обеспокоенно шурясь, начал расхаживать взад и вперед в поисках своей мишени...

На этот раз мне не пришлось прыгать. Пьерро не-

верно рассчитал направление и промчался довольно далеко от меня. Его третья попытка оказалась еще более неудачной, и после пяти-шести таких промахов он прекратил атаки. Сбитый с толку и явно расстроенный, он фыркал, хрюкал, мотал головой и рыл землю. Я дал ему позлиться минут десять, а затем привлек его внимание, запрыгав и завопив, как павиан.

Пьерро поднял голову, затрусил было в мою сторону, заметил небольшое деревце под углом девяносто градусов от своего курса, повернул, на всех парах ринулся к нему, снова повернул и в конце концов остановился шагах в шестидесяти от меня. Следующие десять минут он бегал взад и вперед, повернув голову набок и стараясь отыскать меня. Он весь сосредоточился на этой задаче, но тем не менее зря потратил энергию еще на два деревца и на колючий куст. Потом, наконец обнаружив меня, он ринулся в атаку, промахнулся, снова атаковал, но, разумеется, снова промахнулся, пробежав даже еще дальше в сторону.

Ошарашенный всеми этими фиаско полуторатонный рогатый дьявол грустно присел на задние ноги и зафыркал. В тот же момент я кинулся на него с боевым кличем воинов масаи. Он в ужасе вскочил и замер. А когда я приблизился к нему на десять шагов, пустился наутек в дальний угол загона. «Величайшему очковтирателю всей Африки», как некогда называл его Карл Экли, бессовестно втерли очки.

Следующие четыре дня мы вновь и вновь повторяли бессмысленные пробежки, хотя больше в атаку на носорога я не бросался, а просто увертывался или спокойно стоял на месте, пока Пьерро продолжал упорно атаковать меня... и промахиваться... и снова атаковать. Если он привыкнет к моей внешности, рассуждал я, то поспешит удовлетворить свое любопытство, едва придет к выводу, что я не собираюсь причинять ему вреда.

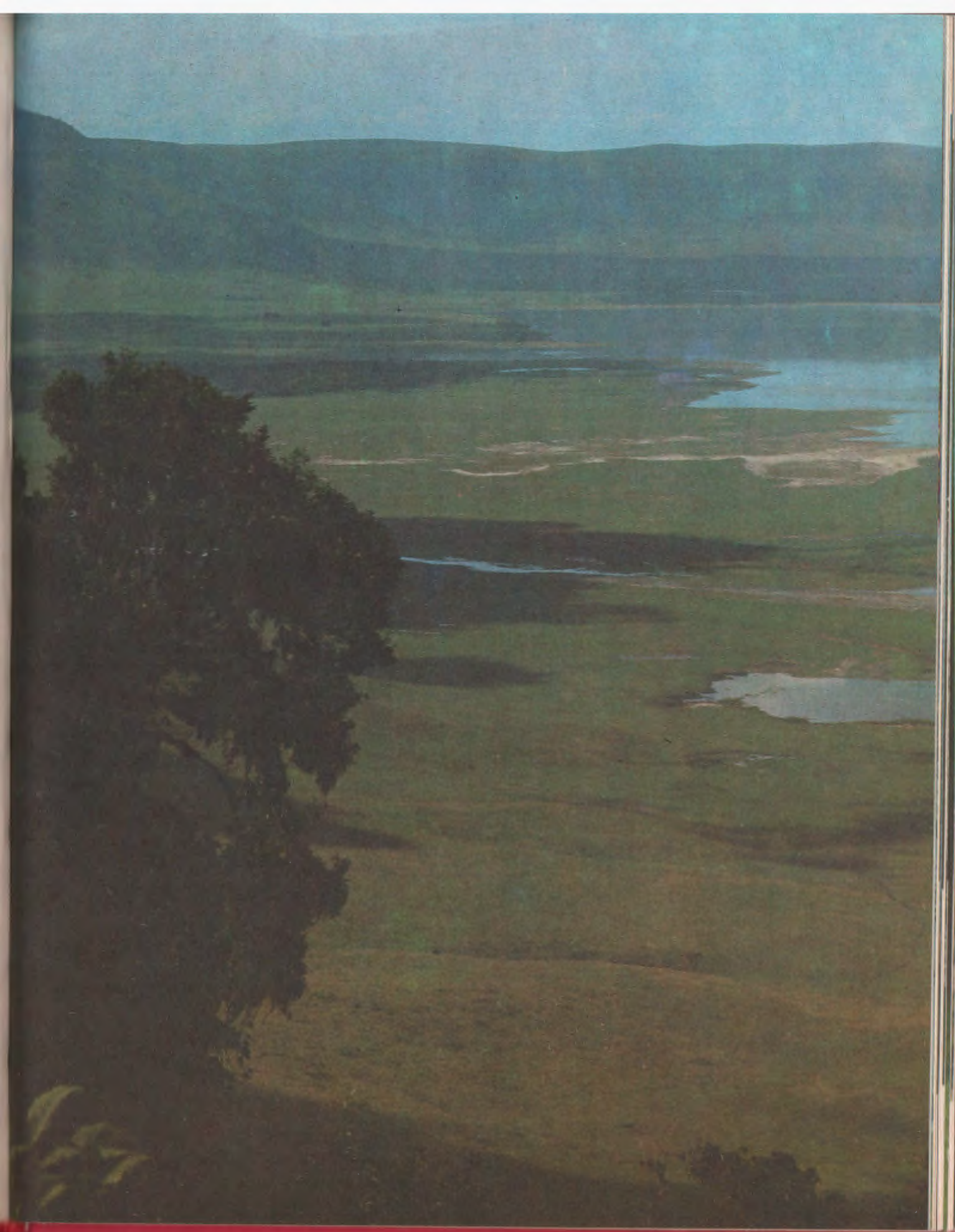
Первые обнадеживающие признаки появились к концу четвертого дня, когда я встал в четырех шагах перед носорогом, и он не бросился ни на меня, ни от меня, а просто тихо наблюдал за мной. Несколько секунд спустя он снова встревожился и отступил немного назад. Чтобы успокоить его, я с шумом попятился. Тогда он вернулся на прежнее место, но в атаку не ринулся — я находился в пределах четкой видимости и успел стать зна-

комым, хотя и непонятным предметом. Ободренный этим, я шагнул к нему, он попятился. Тогда попятился я, а он сделал шаг вперед.

Этот вальс мы с небольшими вариациями танцевали целый месяц. Занятие было скучным, особенно в сравнении с быстрыми, эффектными результатами, которых можно добиться от более сообразительных животных. Когда на арене, оборудованной на заднем дворе моего дома в Кисеньи, я работал с взрослым львом Симбой, я приручил его дня за три и менее чем за месяц выдрессировал по команде сидеть, стоять, ложиться, переворачиваться, влезать на тумбы и прыгать сквозь горящий обруч. Ну, а мы с Пьерро делали теперь шаг вперед, шаг назад, еще раз шаг вперед и еще раз шаг назад. Вот так. Совсем недавно друзья и близкие предсказывали мне страшную смерть под копытами носорога, но, судя по происходившему, мне больше грозила смерть от скуки — или от плоскостопия.

Великое событие произошло в ничем не примечательный день, когда я стоял почти вплотную к голове Пьерро. Внезапно он повернул ко мне свой полуметровый рог и потерял жесткой скулой о мою руку. Отвечая лаской на ласку, я изо всех сил хлопнул его по шее — мне казалось, что носорог, подобно слону, предпочтет дурацкой щекотке более весомое доказательство симпатии. Он уткнулся рогом мне в ребра и заерзал им по моему боку. Я отступил шагов на десять, проверяя, как он на это прореагирует. Он направился ко мне трусцой, набирая скорость. Я находился прямо на линии атаки, но не сдвинулся с места, глядя на надвигающегося носорога. Он резко остановился, когда его рог был менее чем в полуметре от моей груди, повернул голову и радостно на меня уставился...

Неделю спустя мы с рогатым дьяволом уже играли в мяч — метровый шар из бычьей кожи, набитый соломой. Я бросал его руками, а Пьерро отбивал рогом. Слоны Джона Гриндла, игравшие в крикет, облили бы нас презрением, однако носорог был в восторге и весьма усердно отбивал мяч, хотя и куда попало. Его физические недостатки мешали играть с ним в более сложные игры — он был слишком близорук, не мог бы перепрыгнуть и даже перелезть через барьер и не располагал хватательными приспособлениями, хотя бы отдаленно напоминающими универсальный слоновий хобот.

Тапиры — живые ископаемые

От некогда огромного семейства носорогов теперь сохранилось лишь пять видов носорогов, от семейства тапиров — четыре вида тапиров. Три вида — равнинный (вверху), горный и центральноамериканский — обитают в американских тропиках. Последний, четвертый, вид — чепрачный тапир — живет в лесах Индокитая и Малайзии. Тапиры практически не меняются уже миллионы лет. У них плохое зрение и отличное обоняние; жить они предпочитают возле

водоемов, в которых купаются, а также укрываются от хищников. Тапиры — вегетарианцы, питаются они молодыми побегами, листьями и веточками, захватывая их с помощью короткого мясистого хобота. Этих робких, ведущих одиночный образ жизни животных вытесняли из их привычных мест обитания и беспощадно истребляли ради мяса или просто ради забавы, так что теперь все четыре вида находятся на грани вымирания.

Чепрачные тигры (вверху) отличаются большим белым пятном, которое, точно попона, тянется поперек их спины, контрастируя с остальной чернотой окраски. Горный тигр (слева) — самый мелкий из тигров и единственный, покрытый мягкой волнистой шерстью. Все тигры прекрасно плавают и ныряют.

Жирафы

Человеку трудно охватить жирафа одним взглядом. Прямо перед собой он видит колени животного, потом, поднимая глаза, обозревает передние похожие на ходули ноги, плотную грудь, непомерно длинную шею и, наконец, завершающую ее нелепо маленькую голову. И тут ощущение непропорциональности достигает апогея. Правда, морда жирафа, его большие карие глаза, окаймленные густыми черными ресницами, выглядят очень кроткими и симпатичными, но уши его кажутся слишком большими, а голова увенчана двумя или несколькими тупыми рожками, которые придают животному вечно изумленный вид. Закончив обзор, невольно вспоминаешь слова Алисы, когда в Стране Чудес она, вдруг непомерно вытянувшись, посмотрела на себя и сказала: «Любопытственнее и любопытственнее!»

Словно эволюция что-то напутала или два совершенно непохожие вида скрестились и произвели нечто совсем несообразное. Древние египтяне, например, которые содержали жирафов в неволе еще за полторы тысячи лет до нашей эры, считали их отпрысками верблюда и леопарда, а римляне так и называли их *camelopardalis*, и это название сохранилось как научное наименование вида.

Жирафы вызывают и вызвали восхищение с доисторических времен. Бушмены очень похоже рисовали их на скалах. Арабские владыки посылали их в дар другим правителям вплоть до Китая как символ мира и дружбы. В наше время мягкое изящество жирафа, пожалуй, лучше всех описала Исаак Динесен в книге «Из Африки»: «Я много раз наблюдала, как жирафы движутся по равнине с неподражаемой, своеобразной, неторопливой грацией, словно к вам медленно приближается не стадо животных, а букет редчайших гигантских крапчатых цветов на длинных стеблях».

Жирафы — самые высокие из ныне существующих животных. Взрослый самец достигает роста пяти с половиной метров и весит около тонны, самка ниже на полметра и легче килограммов на полтора. Но каким бы необычным ни казалось его строение, это кроткое жующее свою жвачку травоядное представляет собой один из шедевров природы, чудо естественного приспособления к среде обитания. Ареал жирафа охватывает практически все полупустынные равнины Африки к югу от Сахары, и жираф великолепно экипирован для того, чтобы прекрасно жить там даже в сухие сезоны, когда и вода и трава практически исчезают. Длинные передние ноги жирафа и необыкновенная шея позволяют ему на протяжении всего этого скудного времени питаться его излюбленным кормом — листьями с верхушек акаций.

Жираф обладает чутким слухом и острым зрением. Он замечает врагов на большом расстоянии, а относительно короткие, но мощные задние ноги позволяют ему молниеносно рвануться с места. Убегающий жираф способен довольно долго выдерживать очень высокую скорость — иной раз более 60 километров в час. Это помогает ему без труда оставить далеко позади себя льва — единственного хищника, достаточно крупного и сильного, чтобы считать жирафа дичью. Но даже царь зверей дважды подумает, прежде чем броситься на взрослого самца-жирафа. Ведь если он не сумеет захватить его врасплох (а на это надежда плоха), ему грозит почти верная гибель под страшными ударами острых копыт, оборонительного оружия жирафа.

Ухаживание у жирафов продолжается недолго и выглядит не очень чинно. Беременность длится четырнадцать с половиной месяцев, и на свет появляется единственный детеныш ростом под два метра и весом от 45 до 70 килограммов. Новорожденный испытывает немалую встряску, падая на землю с двухметровой высоты, но вреда это ему как будто не приносит.

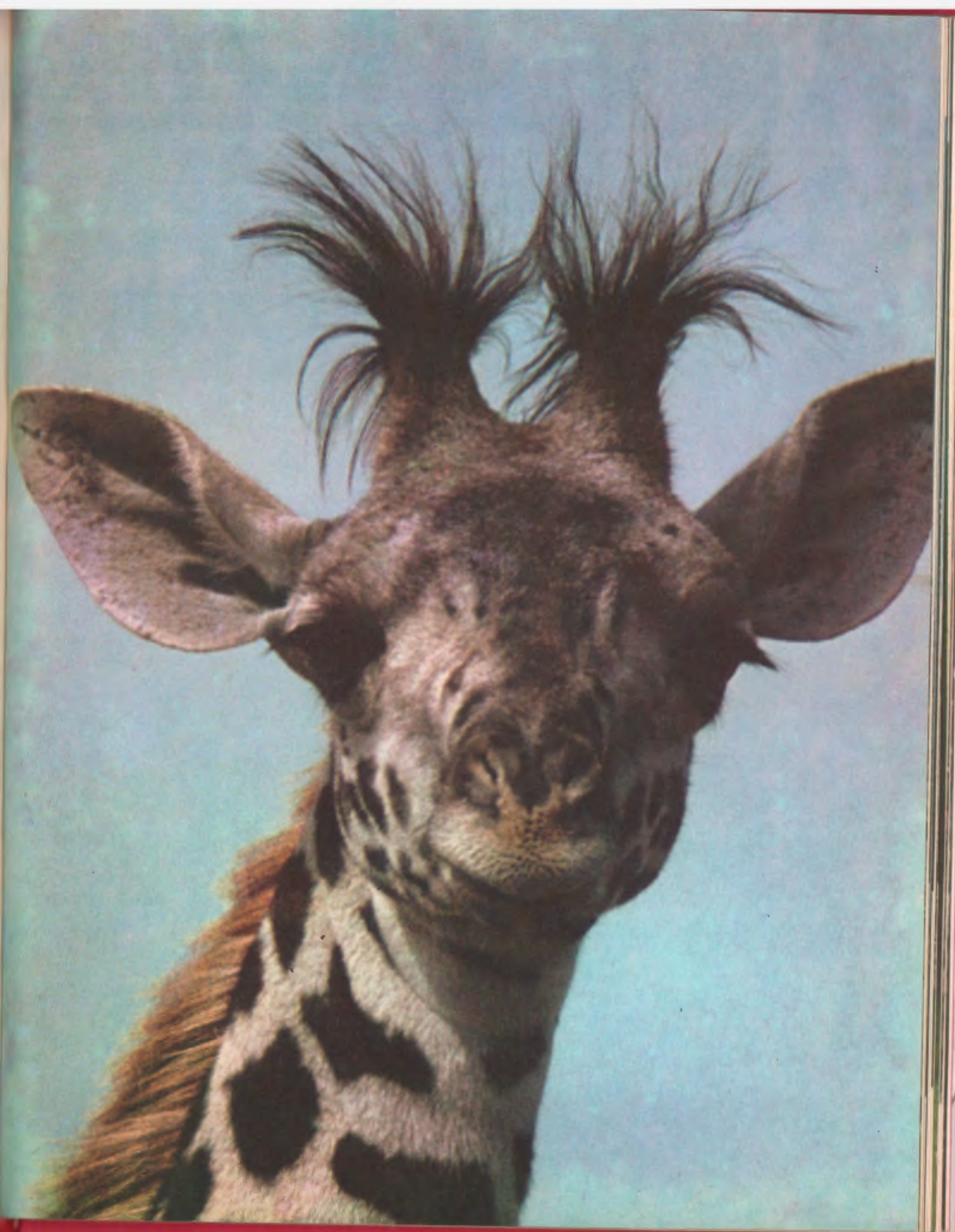
Жирафы издавна считались немymi, однако вскрытие обнаружило у них вполне развитые голосовые связки, и, судя по некоторым сообщениям, они издают гортанное блеяние и похрюкивание. Кое-кто из специалистов считает, что высокий рост и острое зрение позволяют им сигнализировать друг другу об опасности на больших расстояниях без помощи голоса. Бытует и другое не менее стойкое убеждение, будто жирафы не спят. В действительности же они время от времени подремывают стоя, однако спят и по-настоящему, ложась и кладя голову на круп, хотя и очень недолго, не более пяти минут подряд.

Кроме льва у жирафа есть еще только один враг. Это человек. Из года в год охотники убивали в Африке тысячи жирафов ради крепкой кожи, которая выделяется из их шкур, и мяса, весьма ценимого местными племенами. Поскольку жирафы не оспаривают пищу ни у человека, ни у домашнего скота, специальному истреблению они не подвергались.

Неясность их будущего связана с проблемой, общей для выживания многих видов животных, — проблемой исчезновения подходящих мест обитания. Пока человек будет оставлять жирафам достаточно жизненного пространства, можно не опасаться их полного исчезновения.

Жирафы обитают в саванне и лесистых местностях к югу от Сахары.

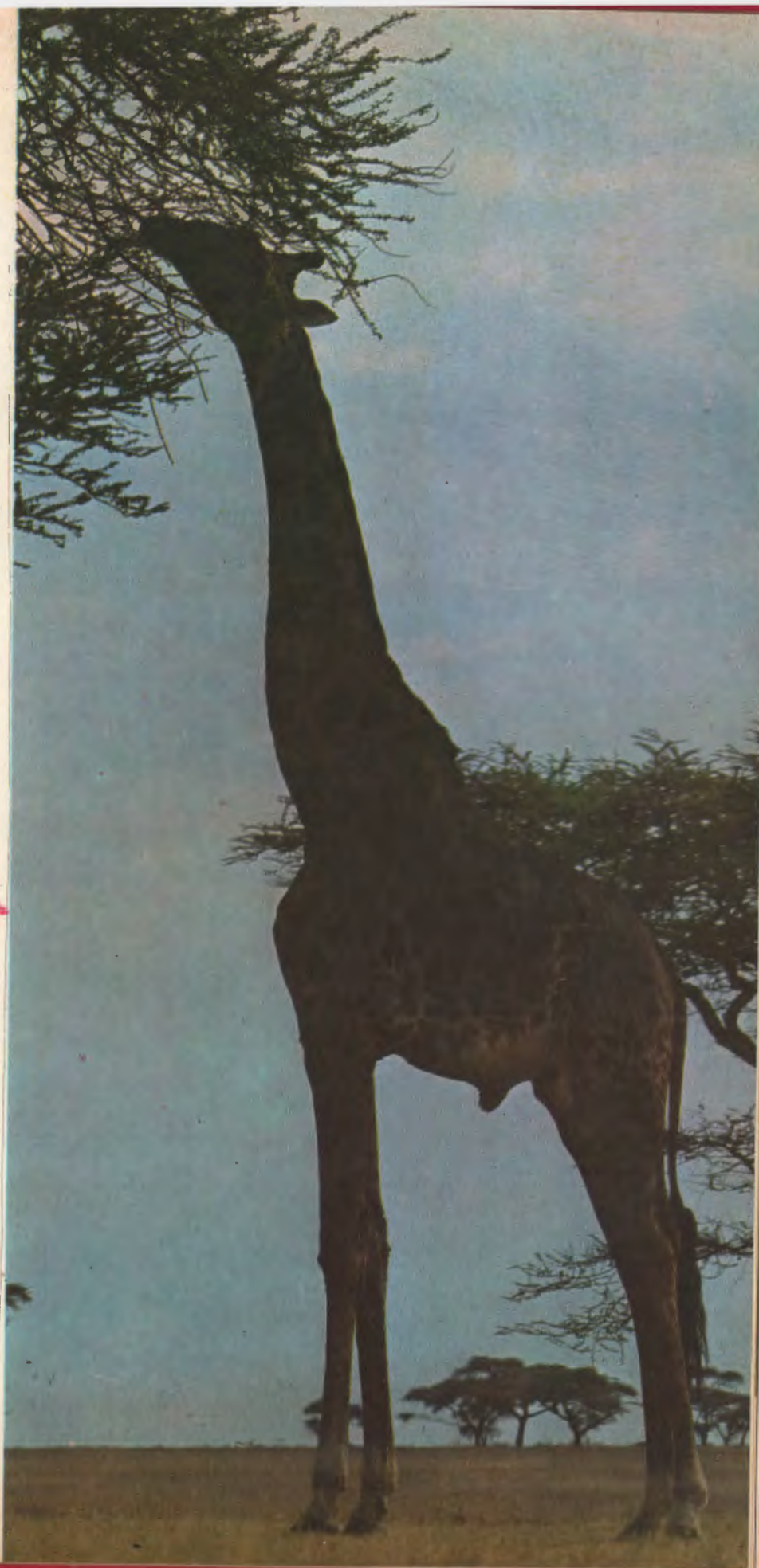
Не очень удобно, но что поделаешь!

Шейных позвонков у жирафа ровно столько, сколько и у человека, — семь, однако поддерживают они самую длинную шею, какая только сейчас существует в мире, и отличие это имеет свои теневые стороны. С одной стороны, оно позволяет жирафу неторопливо, не боясь конкуренции, ощипывать нежные побеги и листочки с самых высоких деревьев саванны (справа), но с другой — длина передних

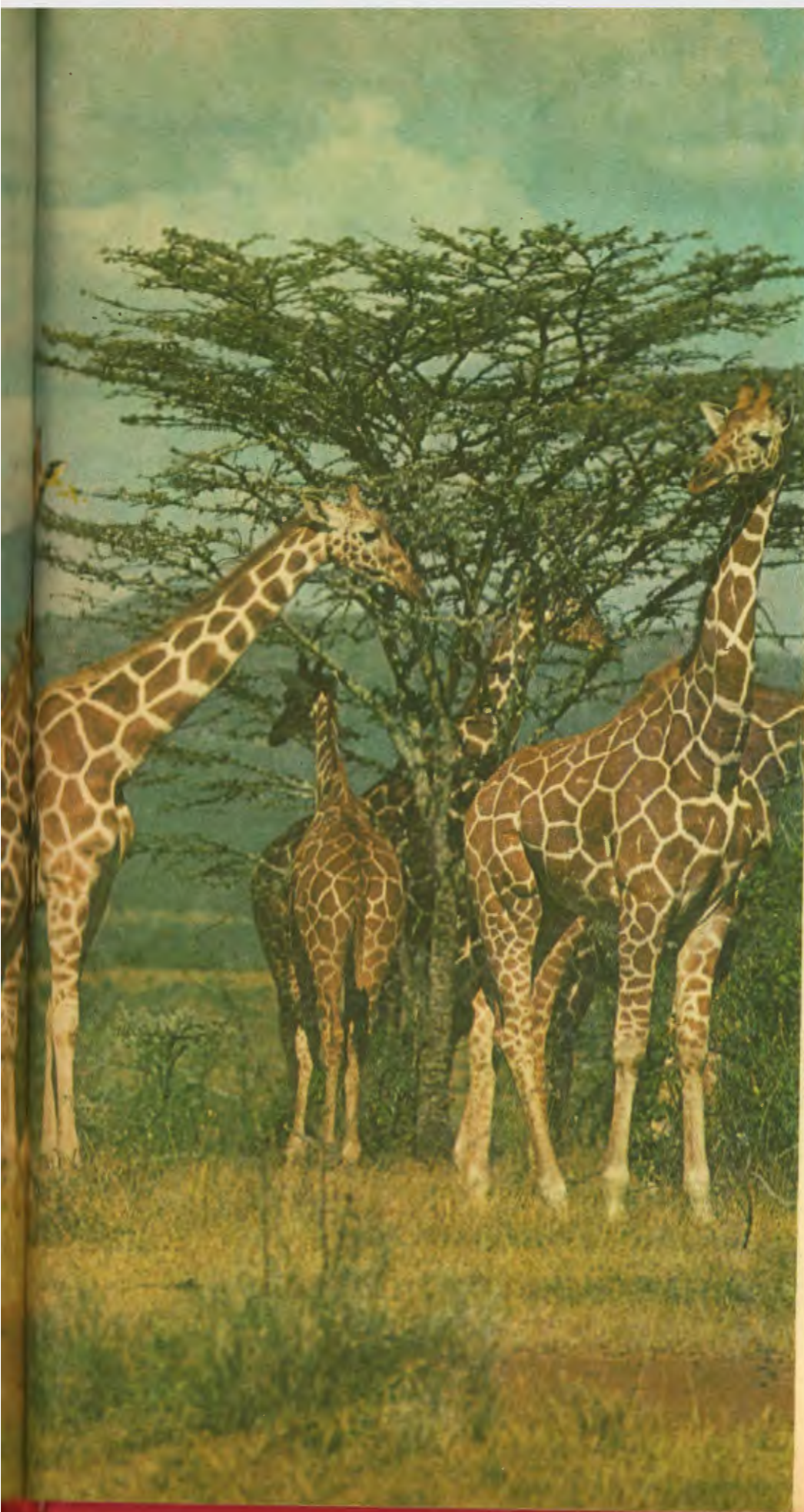
ног превращает утоление жажды в целую проблему. Осторожно подойдя к воде, жираф внимательно оглядывается вокруг, потом по-особому располагает все четыре ноги — сложная операция, во время которой особенно опасно внезапное нападение льва или другого хищника, — и наконец пьет про запас. В сухие сезоны значительную часть необходимой влаги жирафы получают из поедаемых ими растений.

Жесткие цепкие покры-
тые щетиной губы жи-
рафа и его длинный узкий
язык (способный вытя-
гиваться на 30—50 сан-
тиметров) — прекрас-
ный инструмент для
захвата пищи. С их
помощью жираф без ма-
лейших затруднений об-
рывает самые колючие
лакомства с высокой
акации.

Пасущееся среди акаций стадо жирафов, чья шерсть покрыта белым сетчатым узором, оторвалось от своего занятия. Состав стада настолько случаен, что оно редко включает одних и тех же животных два дня кряду. Связи между молодыми животными, по-видимому, более тесны, чем между взрослыми. В Серенгети видели жирафий «детский сад», состоявший из одного молодняка. Самки утром оставляют своих детенышей где-нибудь на вершине холма и возвращаются к ним только вечером.

Шея как критерий силы

Драки, с помощью которых самцы-жирфы устанавливают иерархию в стаде, происходят круглый год. Они очень своеобразны, и главным оружием в них служит шея. Сначала животные становятся рядом — обычно мордой в одну сторону (нижняя фотография). Затем, кружа на месте и пользуясь шеей и тупыми рожками, они бьют друг друга до тех

пор, пока один из них не признает превосходство своего противника, тихонько ретировавшись с поля боя, который был более шумен, нежели яростен. Хотя удары бывают тяжелыми и звуки их разносятся на большое расстояние, серьезные повреждения они причиняют редко.

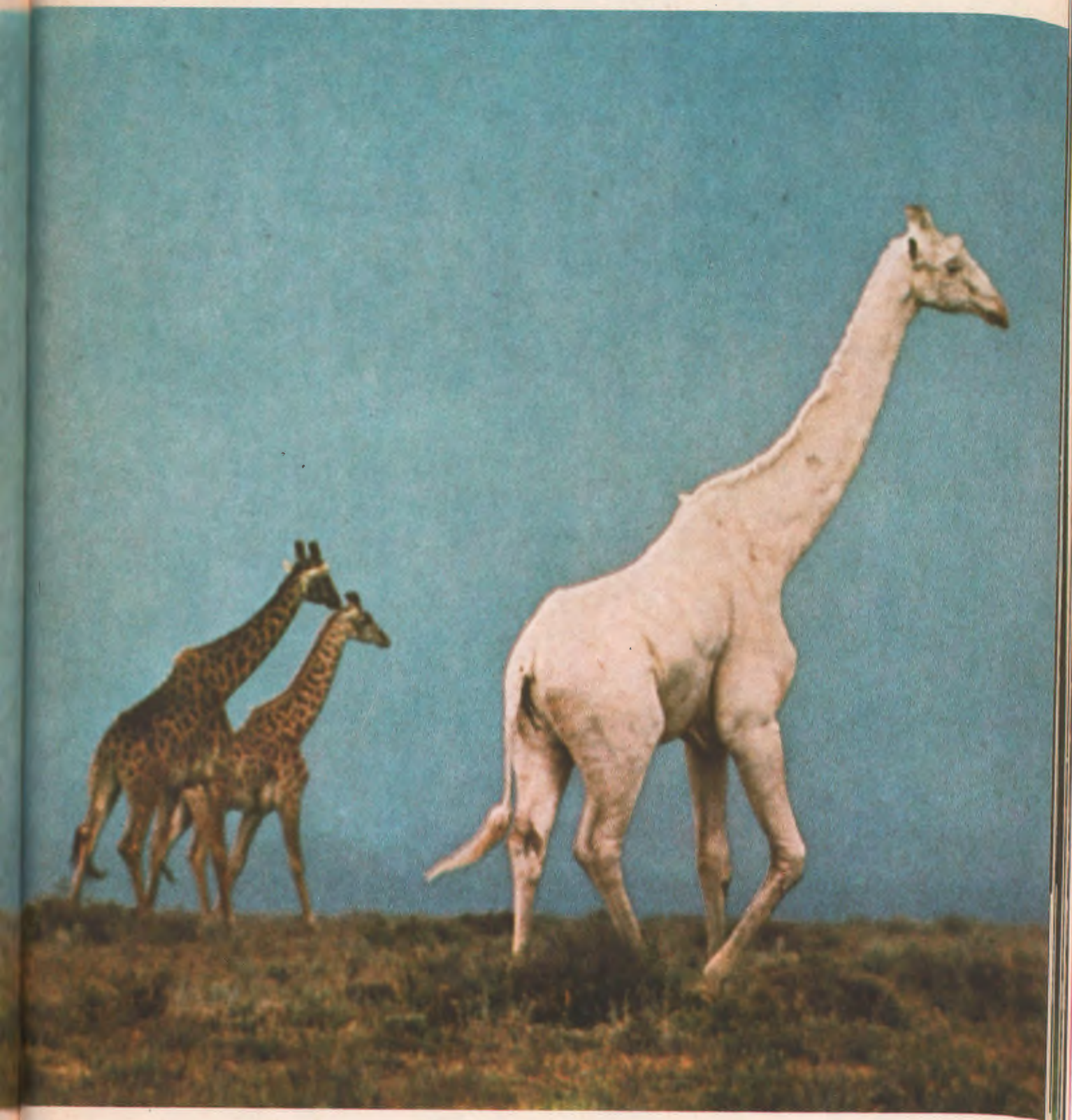

Бегущего жирафа в движении сравнивали с кораблем, переваливающим с волны на волну, или с качающейся лошадкой-качалкой. Хотя некий натуралист и утверждал, что жираф выглядит так, будто он «хромает на все четыре ноги, а плечи у него вывихнуты», большинство наблюдателей сходятся в том, что жираф удивительно грациозен. Раскачивающаяся походка жирафа объясняется своеобразным телосложением, а также тем, что животное движется иноходью: вперед выбрасываются одновременно то обе левые, то обе правые ноги. Когда жираф переходит на галоп, характер его движений изменяется — теперь обе задние ноги выбрасываются вперед за передние с внешней стороны. Неторопливый ритм этого галопы обманчив: жираф развивает скорость, сравнимую со скоростью скаковой лошади, а некоторые считают, что он бежит даже быстрее.

Удивительная пара

Редко встречающийся белый жираф (на правой фотографии) выделяется среди своих собратьев, точно белая ворона, но он все-таки выглядит как жираф. А вот окапи (внизу), второй представитель семейства жирафов, больше похож на осла. Собственно говоря, слово «окапи» на языке пигмеев означает «осел», и именно от пигмеев известный путешественник Генри Стэнли, исследовавший девственные леса бассейна Конго, в 1890 году впервые узнал о существовании этого животного. Хотя с тех пор немало окапи попало в зоопарки, об их образе жизни на воле известно немного — главным образом потому, что они обитают в непроходимых тропических лесах.

Большие птицы

Из девяти с лишним тысяч видов современных птиц почти все умеют летать. Однако некоторые — тяжеловесные гиганты, чьи крылья превратились в рудиментарные или декоративные придатки, — уже не способны оторваться от земли. Речь идет о страусе и его дальних родственниках: нанду, эму и казуаре.

Страус — самая крупная из ныне живущих птиц. Взрослый самец достигает в высоту двух с половиной метров и весит около ста килограммов. Несмотря на свою массивность, страус способен развить скорость 50 километров в час и поддерживать ее около получаса. Такая подвижность в сочетании с острым слухом и зрением (глаза у него величиной почти с теннисный мячик) обеспечивает страусу надежную защиту от всех врагов — за исключением человека.

Страусы ведут групповой образ жизни; в гнездовой период они собираются стаями от 10 до 50 особей. В брачный период самец выбирает двух, трех или четырех самок, выскребывает в песке плоскую неглубокую ямку-гнездо, и все самки откладывают туда яйца. Насиживание ведется совместно. Днем на кладке сидит доминирующая самка, чье тусклое оперение прекрасно сливается с окружающим фоном. Самец сменяет ее на ночь, когда его великолепный чернобелый наряд перестает быть заметным. Птенцы после выхода из яйца вырастают за месяц примерно на тридцать сантиметров и, если на первых порах им удастся избежать хищников, могут рассчитывать на долгую жизнь. В неволе страусы доживали до 50 лет.

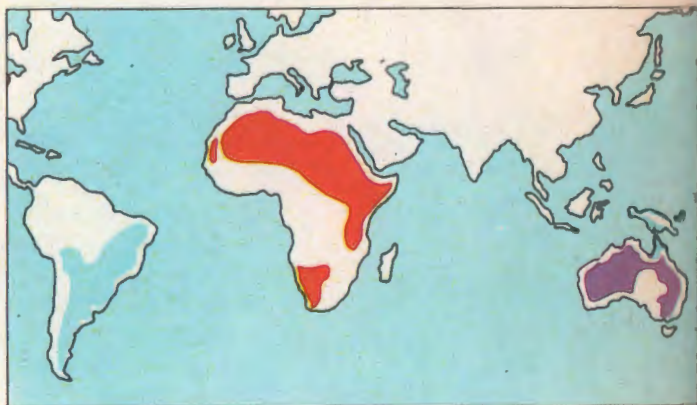
Когда страусу некуда отступать, он становится грозным противником и бьет врага своей уникальной двупалой лапой, вооруженной сильными когтями. Однако, когда у него есть выбор, он обычно предпочитает бегство. Иногда страус, особенно молодой, при приближении опасности припадает к земле и вытягивает шею горизонтально — в такой распластанной позе заметить его очень трудно. Этот защитный прием породил легенду, будто испуганный страус прячет голову в песок. Ничего подобного он не делает. Однако другое поверье, в частности упоминаемое у Шекспира, имеет под собой реальную основу: страусы действительно способны переваривать металл. И бесспорно, у них есть привычка проглатывать мелкие блестящие предметы. В Южной Африке один страус проглотил 53 алмаза. Желудок такой прожорливой птицы порой напоминает городскую свалку, но к дурным последствиям эта странная привычка не приводит, потому что камни, которые страусенок заглатывает вскоре после выхода из яйца, постепенно перетирают практически любой инородный предмет.

Нанду, которого часто называют южноамериканским страусом, африканского страуса напоминает лишь внешне. Тем не менее это крупная птица — самая крупная птица в Западном полушарии: ее рост достигает около полутора

метров, а весит она до 45 килограммов. Нанду способен бежать быстрее лошади (и — что гораздо важнее — быстрее всех своих врагов) и, подобно страусу, очень интересуется мелкими блестящими предметами.

Казуар (на фотографии справа) и эму находятся в более близком родстве между собой, чем со страусом. Это тоже крупные нелетающие птицы: почти двухметровый эму уступает по высоте только страусу, а вторым по весу оказывается плотный восьмидесятипятикилограммовый казуар. Голову казуара венчает роговой «шлем», а его оперение очень напоминает длинную шерсть. Казуар ведет одиночный образ жизни, отличается скверным характером и может быть опасным противником.

Эму, наоборот, дружелюбен и любопытен, если только их не испугать. Любопытство иногда оборачивалось для эму бедой. Например, в тридцатых годах фермеры на западе Австралии настолько страдали от сборищ эму, вытаптывавших поля пшеницы, что потребовали от правительства принятия действенных мер. Была снаряжена настоящая военная экспедиция, оснащенная даже пулеметами, и началась так называемая «Война с эму». Месяц погонявшись за эму в безлюдной глуши, солдаты вернулись в свои казармы. Общий список потерь: двенадцать убитых эму. Затем был применен более современный способ: огромные пшеничные поля обнесли проволочными изгородями, а большим птицам оставили лишь жалкие крохи их бывлой территории. До наших дней сохранился только один вид эму, но там, где его не тревожат, он, по-видимому, процветает.

Нанду обитают в Южной Америке к востоку от Анд (голубой цвет), страусы — на севере и юге Африки (красный цвет). Казуары живут в лесах на севере Австралии, на Новой Гвинее и близлежащих островах (зеленый цвет), тогда как эму бродят по сухим австралийским равнинам (лиловый цвет).

Смертоносное оружие

Ноги казуара, даже неподвижные, способны внушить страх. Два внешних пальца снабжены крепкими когтями, а третий, внутренний, завершается двадцатисантиметровым кинжалом — поистине смертоносным оружием. Во время драки казуар прыгает на врага обеими ногами вперед так, чтобы распороть ему живот. Известны случаи, когда, оказавшись в

безвыходном положении, эти птицы наносили охотникам смертельные рваные раны. Тем не менее папуасы охотятся на них ради их мяса и приручают птенцов. Когда такие птенцы вырастают и начинают вести себя слишком нахально, их либо забивают на мясо, либо продают торговцу зверями по цене, равной цене восьми свиней или выкупу за невесту.

Муки появления на свет

Яйцо страуса — самое крупное из существующих в природе — имеет в длину 15—20 сантиметров и весит более полутора килограммов. Выбраться из него живым не так-то просто. Насиживание длится сорок дней, и в любой момент кладка может стать добычей шакалов, гиен, стервятников или человека. За несколько дней до выхода из яйца птенцы начинают

попискивать, давая знать насиживающим родителям, что время их появления на свет приближается. Затем без всякой посторонней помощи птенцы проклеывают себе путь сквозь скорлупу толщиной со стенку фаянсовой чашки, на что требуются часы, а иногда и дни. Рост выбравшихся из яйца страусят равен уже тридцати сантиметрам.

Брачные игры

Ухаживание у страусов представляет собой изысканный и удивительно грациозный ритуал, отдельные моменты которого запечатлены на кинокадрах справа. Брачный танец начинает самка, высоко поднимая ноги и хлопая крыльями, чтобы привлечь внимание самца (на левой фотографии самка находится справа). Если самец готов ответить ей взаимностью, он тоже начинает танцевать. Мало-помалу движения пары становятся все более четкими и синхронными. Если синхронность не возникает, ухаживание на этом и кончается. Но если гармония обретена, самка опускается на землю и происходит спаривание (на нижней фотографии на переднем плане находится самец), причем оба партнера громко хлопают крыльями.

Если бы не страусиные фермы вроде южноафриканской, питомцы которой запечатлены на снимке справа, страусы, возможно, вымерли бы. Когда в конце XIX века страусовые перья стали обязательной принадлежностью дамских туалетов, началось поголовное истребление диких страусов. Перед первой мировой войной спрос на перья был столь велик, что страусиные фермы росли как грибы в Южной Африке, Соединенных Штатах Америки, в Австралии. В разгар перьевого бума только одна южноафриканская ферма содержала 75 тысяч страусов и продавала ежегодно 500 тонн перьев на пятнадцать миллионов долларов. Теперь число таких ферм резко сократилось, но страусовые перья сохраняют коммерческое значение. Перья из крыльев и хвоста выщипываются для шляп и метелочек, которыми смахивают пыль; старых птиц забивают, и их кожа идет на изготовление бумажников и дамских сумочек, а мясо коптится и высушивается. Поскольку мода больше не покушается на их перья, диким страусам теперь грозят только охотники за мясом и фермеры, которых прельщают полусушенные равнины, где обитают эти великолепные птицы.

Бдительный отец-нанду

Подобно страусу, самец обыкновенного нанду (слева) многоженец, и в своей семье даже еще больший тиран. Разговаривает только он, издавая глухие гудящие звуки, а самки и пикнуть не смеют. Он сам строит гнездо, насиживает кладку и заботится о птенцах. Обязанность самки — лишь отложить яйца. Сначала самец собирает гарем — в нем может быть от трех до двенадцати самок — и дерется с соперниками, пытающимися иногда увести тех самок, которые еще не отложили всех яиц. Если новый партнер не успел построить гнезда, такие самки бывают вынуждены откладывать яйца прямо на землю.

Шесть недель спустя для самца наступает хлопотливое время забот о потомстве, которое следует за ним повсюду. За день отец может пройти три-четыре километра, пощипывая растения и глотая насекомых. Птенцы старательно ему подражают. Бдительно глядя по сторонам, самец бросается на любое существо или предмет, в котором заподозрит хищника. Известны случаи, когда нанду кидался на небольшие самолеты, если они приземлялись поблизости от его выводка.

Естественно, некоторые птенцы теряются, и на исходе весны в аргентинской пампе там и сям раздается тоскливый жалобный зов заблудившихся маленьких нанду.

Дарвинов нанду, названный так в честь великого английского натуралиста, мельче обыкновенного. Численность этих двух еще сохранившихся видов нанду все время падает.

Кокетливая мама-эму

Большую часть года отличить самца эму от самки практически невозможно. Оперение у них совершенно сходное, головы и шеи одинаково голы. Но в начале брачного сезона самка облекается в кокетливый наряд — ее шея и голова густо зарастают черными перьями (верхняя фотография). Она раздувает шею

и испускает глухие трещащие звуки, а самец отвечает своим особым криком и ущемляет клювом кожу на затылке самки. После откладывания яиц насиживает и заботится о птенцах только самец — так же, как у найду и казуаров.

Гигантские пресмыкающиеся

Много миллионов лет назад землей владели гигантские пресмыкающиеся. В наши дни число их потомков сильно сократилось, и немногим еще уцелевшим гигантам приходится вести тяжелую борьбу за существование. Например, отряд крокодилов (включающий три семейства — настоящих крокодилов, аллигаторов и гавиаловых) включает только 21 ныне живущий вид, вымерло же их несравненно больше. Средняя длина крупнейшего из них — гребнистого крокодила — превышает четыре метра. Из сохранившихся многочисленных видов ящериц разве полдесятка можно признать гигантами, поскольку они достигают в длину двух метров, причем самый крупный вид — комодский варан (справа) — обитает лишь на четырех мелких индонезийских островах в нескольких сотнях километров к востоку от Явы. Из двухсот сохранившихся видов черепах по-настоящему крупные двухсотпятидесятикилограммовые черепахи встречаются теперь в Тихом океане только на Галапагосских островах и на нескольких островах Индийского океана.

Виды животных исчезают по разным причинам, но когда речь идет о слоновых черепахах и крокодилах, ответственность падает главным образом на человека. С начала XVII века и по тридцатые годы нынешнего столетия пираты, китобои и охотники истребили сотни тысяч черепах, чтобы воспользоваться их мясом и жиром. Эти апатичные малоподвижные животные обеспечивали моряков свежим мясом в длительных плаваниях, так как их можно было без всяких хлопот держать живыми на кораблях по году и больше. (Один пират писал в 1697 году: «Они отменно велики и жирны, а по вкусу и нежности с ними никакой каплун не сравнится».) Исчезновению черепах содействовало и появление на островах новых животных, постоянных спутников человека: свиньи пожирали черепаший яйца, кошки, собаки и крысы — черепаший молодь, а козы, ослы и крупный рогатый скот поедали черепаший корм.

В наши дни слоновые черепахи в относительно большом числе сохранились только на двух из десяти Галапагосских островов, где некогда они кишели; но им хотя бы улыбается будущее: в пределах своего естественного ареала они поставлены под защиту закона, а кроме того, за ними ведут наблюдение и разводят их в неволе сотрудники Дарвиновской научно-исследовательской станции, названной так в честь английского натуралиста, который изучал этих черепах в 1835 году.

Сохранение черепах на островах приносит теперь и экономическую выгоду: ежегодно тысячи туристов совершают организованные поездки по Галапагосским островам, просто чтобы полюбоваться уникальными великанами. Выживанию черепах способствует и долгий срок их жизни

(считают, что одна такая черепаха прожила в неволе около 177 лет) — они даже пережили кое-кого из своих врагов. Козы, например, с некоторых островов полностью изгнаны.

Крокодилы также очень пострадали от человека. Их беспощадно истребляли крестьяне, потому что крокодилы при удобном случае нападают на домашний скот. Хотя по-настоящему опасны для человека лишь несколько видов, регистрация отдельных нападений крокодилов на слишком беззаботных и неосторожных людей ведется издавна. По недавнему сообщению одного зоолога, на острове Шри-Ланка за 25 лет крокодилы убили и съели 53 человека.

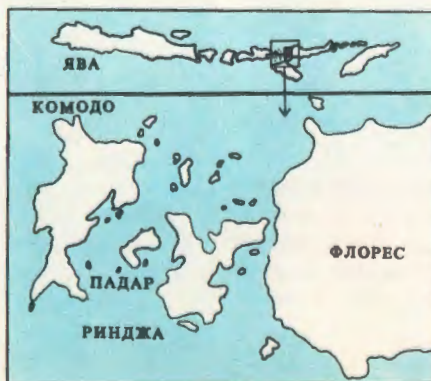
Однако самим крокодилам вред был нанесен значительно больший. В начале века на территории нынешней Танзании они были столь многочисленны, что власти назначили премию за каждую крокодилю шкуру. Тем не менее опасность полного их исчезновения возникла с ростом спроса на сумки, туфли и другие модные предметы из крокодиловой кожи. Некоторые государства поставили крокодилов под защиту закона, но охрана организована плохо и орудующие по ночам браконьеры часто остаются безнаказанными.

Впрочем, одному гигантскому пресмыкающемуся опасность от человека как будто не угрожает. Речь идет о комодском варане, достигающем трехметровой длины при весе около семидесяти килограммов. Собственно говоря, почти сразу же после того, как в 1912 году эти огромные ящерицы были обнаружены учеными на четырех из Малых Зондских островов в Индонезии, их поставили под защиту закона.

Если комодский варан, прозванный за свои внушительные размеры драконом, и имеет врагов, то это лишь он сам. Крупнейший хищник на своих островах, он не знает соперников. Питается варан главным образом падалью, но пожирает все, что движется — кузнечиков, крыс, птиц, коз, диких свиней, жеребят, оленей и даже буйволов. Согласно недавнему сообщению, пятидесятикилограммовая самка сожрала дикую свинью весом сорок килограммов ровно за 17 минут. Острые зазубренные зубы, когти-бритвы, мощные лапы — это весьма эффективные орудия. Могучего буйвола дракон одолевает следующим приемом: сре-

мительно бросаясь на него, перекусывает ему ахиллесово сухожилие, а затем быстро распарывает живот бездвиженной жертвы. Охотится он и на себе подобных. Возможно, это одна из причин, почему популяция комодского варана остается на уровне около пяти тысяч особей.

Комодский варан обитает на четырех из Малых Зондских островов, входящих в Малайский архипелаг.

Как вырастают в дракона

При выходе из яйца комодский варан бывает не длиннее сорока пяти сантиметров. Спасаясь от взрослых родичей, первый год жизни он проводит на деревьях, питаясь птичьими яйцами и мелкой живностью вроде гекконов, змей и насекомых. Подростки тоже иногда забираются на деревья, но взрослые особи слишком тяжелы для таких упражнений. Только в возрасте около года, достигнув примерно метровой длины, молодой комодский варан рискует спуститься на землю, где властвуют взрослые драконы. Растут молодые вараны быстро и за первые несколько лет вытягиваются на два метра. С этого времени они постепенно обретают взрослую форму — широкая тупая голова и толстый относительно короткий хвост. Язык у них длинный и сильно раздвоенный,

как у змей. Обоняние отличное, пададь они способны учуять на расстоянии десяти километров. Комодские вараны никогда не движутся быстрее, чем того требуют обстоятельства, но измеренная скорость некоторых из них была равна двадцати километрам в час. Они умеют плавать, и, как у крокодилов, хвост служит им своего рода винтом. Подманиваемые на привязанных коз, некоторые драконы переплывали проливы шириной более тридцати метров и с сильным течением.

Значительную часть своего дня комодский варан спит в прохладе. Возможно, этой сонливостью и объясняется большая продолжительность его жизни. Хотя точно она неизвестна, но, по некоторым оценкам, достигает ста лет.

Сфотографированные здесь комодские вараны входят в число тех немногих особей, которые живут в неволе. Молодь (внизу) была выведена в одном из индонезийских зоопарков. Когда вараны подрастут, яркие желтые пятна на их коже поблекнут и сольются в обычную бурю окраску взрослого животного (слева). Из яиц комодских варанов вылупляется (в апреле — мае) гораздо больше самцов, чем самок, — необычное соотношение, возможно препятствующее излишнему размножению в условиях ограниченности запасов корма.

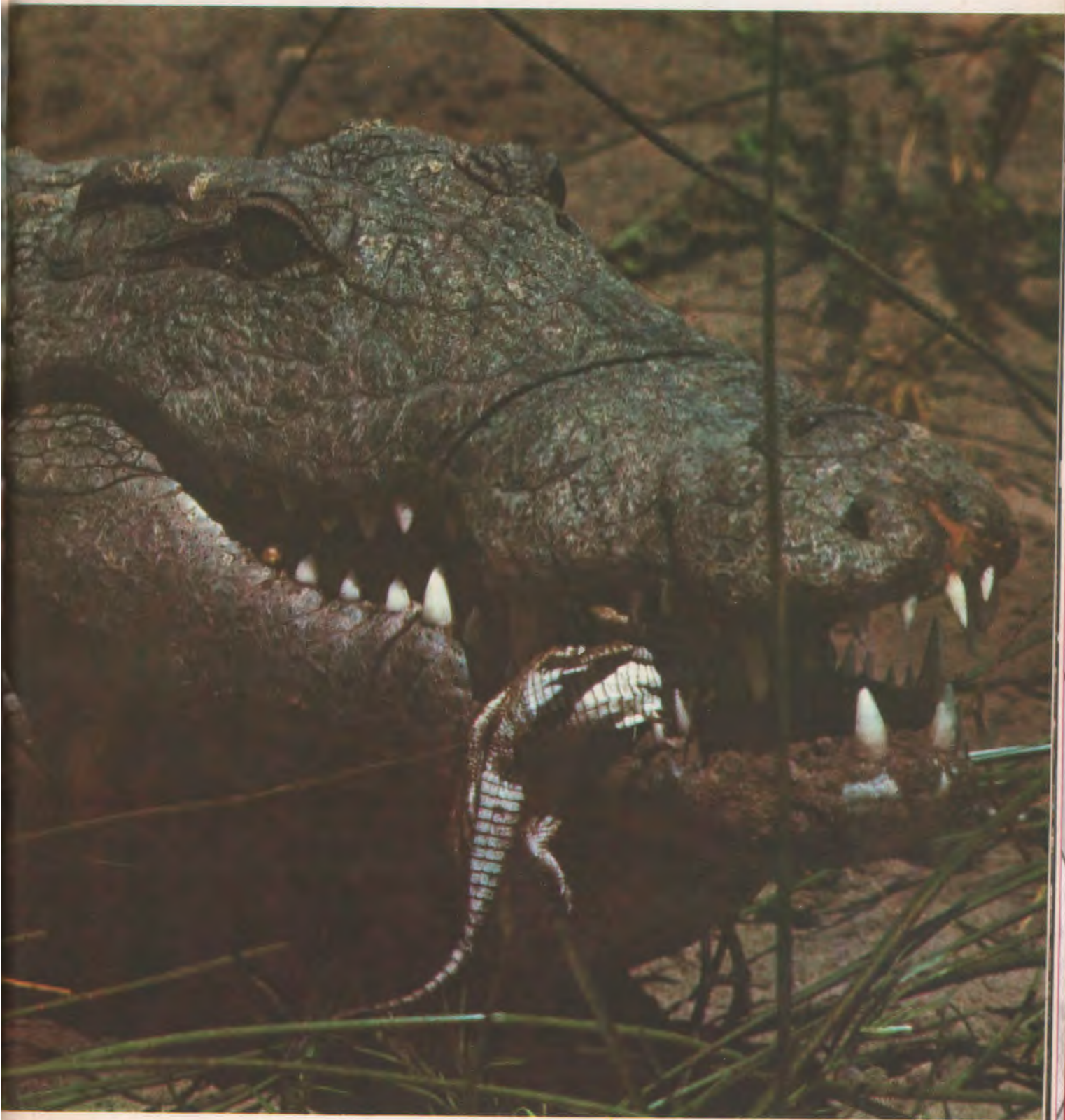
Огромные крокодилы

Отряд крокодилов — единственное уцелевшее потомство древнего животного, которое было также предком динозавров, — включает самых больших пресмыкающихся. Крупнейшие животные из трех входящих в него семейств и наиболее склонные к людоедству — крокодилы. Схватив добычу своими страшными зубами, крокодилы пожирают ее либо на суше, либо в воде, высовывая из нее голову при каждом глотке. Самки крокодилов, охраняющие свою кладку, особенно агрессивны и кидаются на всякого, кто подойдет слишком близко. После выхода из яйца молодые крокодилы первые два-три года старательно прячутся, пока не станут достаточно большими, чтобы успешно защищаться от таких хищников, как мангусты, гиены и даже взрослые крокодилы.

На американских крокодилов (вверху) охотились ради их шкур с таким усердием, что в настоящее время в заповедных участках Флориды их обитает менее пятисот, однако они сохранились еще кое-где по берегам Карибского моря. Нильский крокодил — еще один вид, которому угрожает уничтожение. Самка на правом снимке осторожно забрала в пасть своего только что вылупившегося крокодильчика, чтобы отнести его к воде, где он проведет шесть-восемь недель под охраной родителей, прежде чем начнет самостоятельную жизнь.

«Круг зубов его ужас», — предупреждает библейская Книга Иова, и действительно, гребнистый крокодил вроде этого скалящегося юнца — поистине внушительная тварь. Гребнистые крокодилы — самые крупные в семействе, их рекордная длина — более восьми метров. Они обитают в солоноватой и соленой водах и, согласно некоторым сообщениям, уплывали на полторы тысячи километров от берега в Тихом и Индийском океанах.

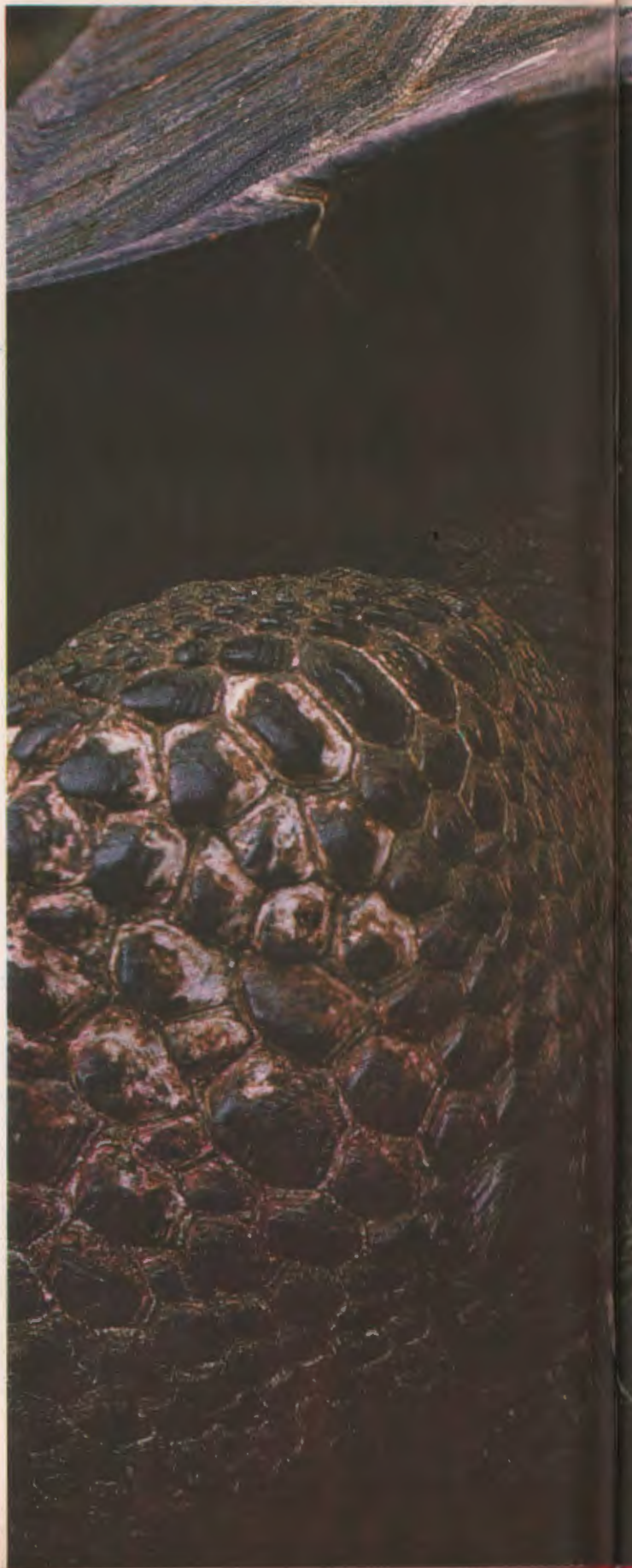

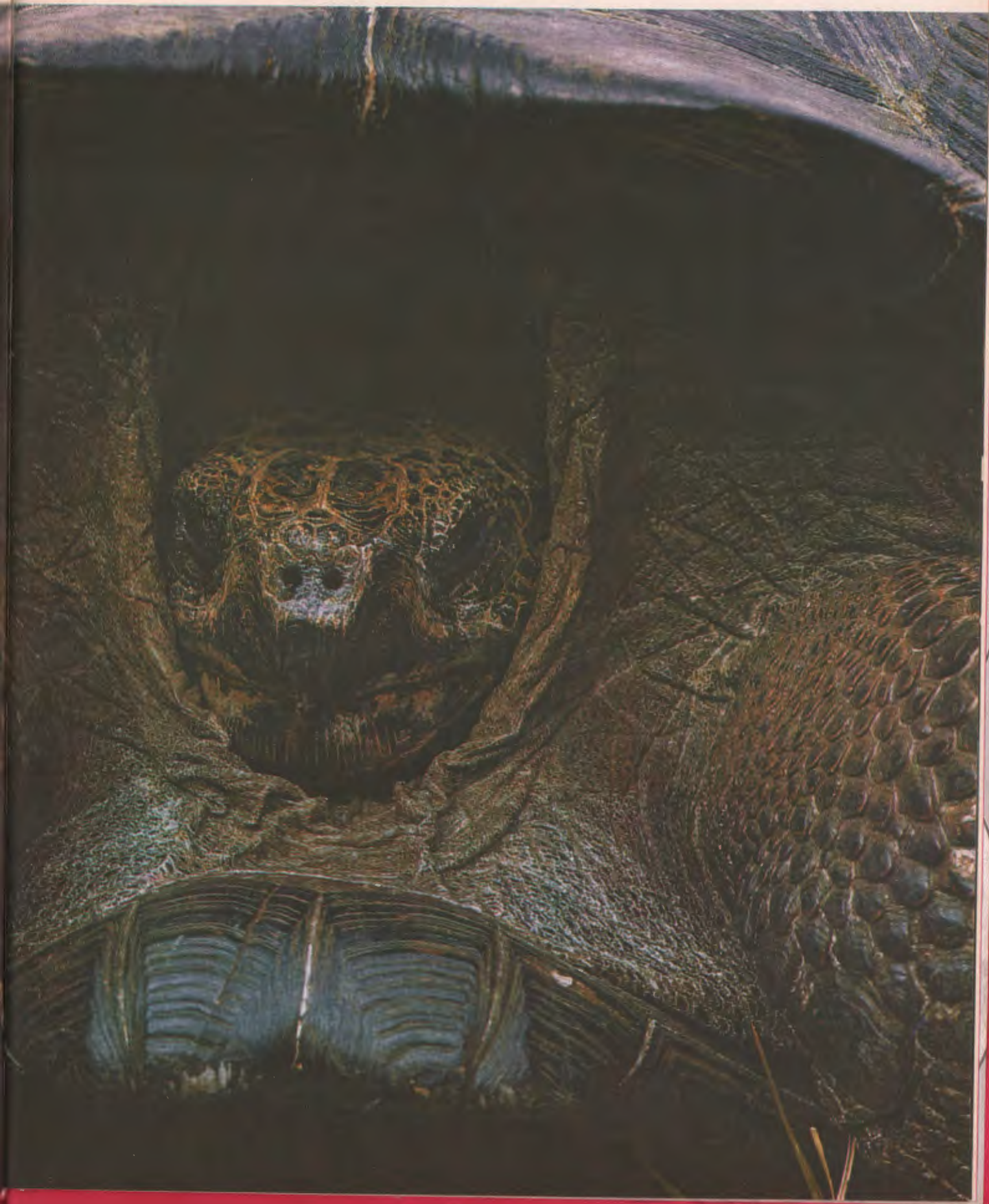
Галапагосские острова, расположенные примерно в тысяче километров от побережья Эквадора, были открыты испанцами и названы так из-за живущих там в изобилии черепах (по-испански черепаха — «галапаго»). На этих вулканических островах некогда водилось 15 видов черепах; уцелело из них только 11. Шесть видов разводятся в неволе на острове Санта-Крус, а затем расселяются по местам прежнего обитания.

Черепаха-колосс

Уединенность островов, на которых обитают слоновые черепахи, и отсутствие естественных врагов позволили им стать теми великанами, какими мы их видим сегодня. Взрослый самец может весить более двухсот килограммов, а его крутой панцирь достигает в длину метра с четвертью. Слоновая черепаха — мирное травоядное и ведет очень спокойную размеренную жизнь. Она неторопливо странствует днем и обычно устраивается на ночлег около пяти часов вечера, засыпая на шестнадцать часов в грязевой ванне, которая оберегает ее от ночной прохлады — после захода солнца температура на этих островах падает до 10 градусов. В период размножения самец становится крайне активным и гоняет самку, покусывая ее за ноги. Если самка отвергает его ухаживание, она втягивает ноги в панцирь и остается неподвижной. Самец в таких случаях испускает глухой рев. Это единственный звук, который он когда-либо издает.

Голова слоновой черепахи относительно невелика, а шея у нее длинная. Сомкнуть свой панцирь она не может, но ее передние ноги, массивные, чуть уплощенные и покрытые чешуей, надежно защищают втянутую голову. Панцирь легко повреждается, но чаще всего такие повреждения заживают сами собой.

Это редкая черепаха с острова Эспаньола (осталось всего 13 взрослых особей). У нее длинная шея и седловидный панцирь, что позволяет ей доставать более высоко расположенный корм, чем черепахам с куполообразными панцирями, живущим на островах, где растительность пышнее.

Две молоденькие черепашки пробираются между взрослыми (справа) в зоопарке Сан-Диего, где черепах успешно выводят в инкубаторе. Гигантские черепахи откладывают относительно небольшое число яиц — не больше двадцати, но за год самка может повторить яйцекладку, и не один раз. Внизу группа черепах устраивается на ночь — каждая на своем излюбленном месте в теплой воде мелкого вулканического озера на острове Исабела. Тут на вулкане Альседо живет, по мнению специалистов, от трех до четырех тысяч слоновых черепах — почти 40% всей популяции на Галапагосских островах.

Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль»

Этот рисунок изображает Чарлза Дарвина в тот момент, когда он измерял скорость передвижения слоновой черепахи на Галапагосских островах.

Во время своего пятилетнего плавания на корабле «Бигль», вышедшем в море в 1831 году, молодой английский натуралист Чарлз Дарвин начал те наблюдения, которые затем легли в основу его эволюционной теории. «Бигль» провел месяц у Галапагосских островов, и в нижеследующем отрывке из своей книги Дарвин описывает гигантских черепах, которых он там увидел.

Сначала я опишу привычки черепахи (*Testudo nigra*, прежде именовавшейся *Indica*), о которой неоднократно здесь упоминалось. Насколько я могу судить, эти животные встречаются на всех островах архипелага, и уж во всяком случае на подавляющем их большинстве. Они предпочитают влажные возвышенности, но обитают и внизу, на сухих равнинах. Я указывал ранее, какое их количество было поймано за один день: оно дает достаточное представление об их поразительной многочисленности. Некоторые экземпляры достигают гигантской величины. Мистер Лоусон, вице-губернатор колонии, англичанин, сообщил нам, что видывал истинных колоссов — чтобы поднять их, требовалось шесть, а то и восемь человек, и некоторые давали двести фунтов мяса. Наиболее крупны старые самцы, самки же редко достигают сравнимой величины; отличить самца от самки не составляет труда, так как хвост у него много длиннее. Черепахи, живущие на тех островах, где нет пресной воды, или в нижней безводной части остальных островов, питаются в основном соч-

ными кактусами. Те же, что обитают в нагорных и влажных районах, едят листья различных деревьев, ягоду, называемую гуаявитой, с сильным вяжущим вкусом, а также бледно-зеленый нитевидный лишайник (*Usnera plicata*), прядями свисающий с деревьев.

Черепахи очень любят воду, пьют обильно и нежатся в грязи. Источники пресной воды есть только на самых больших островах, причем находятся они неизменно в центральной части острова и на значительной высоте. Черепахи, обитающие внизу, вынуждены добираться до них, покрывая большие расстояния. Поэтому от родников к морю расходятся многочисленные утопанные тропы (в свое время испанцы обнаружили источники пресной воды, поднявшись по таким тропам). На острове Чатем я терялся в догадках, какие животные столь постоянно передвигаются по столь хорошо выбранному пути. Зрелище, открывшееся мне возле источника, было на редкость любопытным: множество этих внушительных созданий ползло с вытянутыми шеями к воде, другие же, напившись вволю, уже возвращались обратно. Добравшаяся до воды черепаха, не обращая ни малейшего внимания на зрителей, почти по шею погружает в нее голову и жадно пьет огромными глотками, примерно десять глотков в минуту. Местные жители говорят, что каждая черепаха остается у источника три-четыре дня, а потом спускается на равнину. Но они сильно расходятся относительно того, насколько часты такие посещения источника. Вероятно, это зависит

от того, каким кормом питается данное животное. В любом случае нет никаких сомнений, что черепахи способны существовать на островах, где нет никакой пресной воды, кроме той, которая остается после дождей, а они выпадают редко.

Если не ошибаюсь, уже точно установлено, что мочевой пузырь лягушки является хранилищем необходимой ей влаги; по-видимому, так же обстоит дело и с этой черепахой. Некоторое время после посещения источника ее мочевой пузырь остается раздутым от жидкости, объем которой, как говорят, постепенно уменьшается, и она становится менее чистой. Находясь на равнине и почувствовав жажду, местные жители нередко пользуются этим обстоятельством и, если мочевой пузырь полон, выпивают его содержимое. Жидкость в мочевом пузыре черепахи, убитой у меня на глазах, была совершенно прозрачна и лишь чуть-чуть горчила. Местные жители, однако, сначала выпивают жидкость из околосердечной сумки, слывущую наилучшей.

Черепахи, направляющиеся в какое-то определенное место, ползут и днем и ночью, добираясь до своей цели много быстрее, чем можно было бы ожидать. Местные жители, наблюдая за помеченными экземплярами, пришли к выводу, что они преодолевают примерно восемь миль за два-три дня. Одна большая черепаха, за которой следил я сам, проходила около шестидесяти ярдов за десять минут, что дает 360 ярдов в час или четыре мили в сутки — если накинуть какое-то время на кормежку в пути. В период размножения, когда самцы и самки держатся вместе, самец порой испускает хриплый рев, похожий на мычание, который, как говорят, разносится на расстояние более ста ярдов. Самка никогда не пользуется голосом, да и самцы — только в указанное время, и потому, заслышав такой рев, люди узнают, что черепахи спариваются. В это время (в октябре) самки откладывали яйца. На песчаной почве самка откладывает все яйца вместе и засыпает их песком, но на каменистом грунте она откладывает их в углубление — мистер Байноу нашел семь яиц в узкой расселине. Яйца белые, сферической формы. То, которое я измерил, имело в окружности семь и три восьмых дюйма и, следовательно, было больше куриного. Едва выйдя из яйца, молодые черепахи в большом числе

становятся жертвой хищных птиц, обычно питающихся падалью. Старые черепахи, по-видимому, погибают в основном от несчастных случаев — например, срываются с обрыва; так или иначе, несколько местных жителей говорили мне, что, сколько они ни находили мертвых черепах, причина смерти всегда была очевидной.

Местные жители убеждены, что черепахи совершенно глухи; во всяком случае, они не слышат шагов приближающегося к ним сзади человека. Меня очень забавляло, как такое чудовище, мирно плетущееся своей дорогой, мгновенно, едва я его нагонял, втягивало под панцирь голову и ноги и, испустив низкий свистящий звук, со стуком плюхалось на землю, словно пораженное молнией. Я частенько взбирался им на спину и постукивал по заднему краю панциря — тогда они вставали и шли дальше, однако удержаться на них было очень нелегко. Мясо черепах широко употребляется в пищу и свежее, и засоленное, а из жира вытапливается совершенно прозрачное масло. Поймав черепаху, охотник надрезает ей кожу у хвоста, чтобы посмотреть, достаточно ли толст слой жира под ее верхним щитом. Если нет, животное отпускается на волю и, как утверждают, быстро оправляется после этой своеобразной операции.

Нет никаких сомнений, что эта черепаха — исконный обитатель Галапагосских островов, ибо она водится на них на всех или почти на всех, даже мелких, где нет пресной воды. Если бы ее туда завезли, она не могла бы так расселиться по всему архипелагу, столь мало к тому же посещаемому. Да и пираты в старину находили тут этих черепах даже в еще больших количествах, чем мы видим их теперь. Далее, Вуд и Роджерс писали в 1708 году, что, по мнению испанцев, в этой части света такая черепаха больше нигде не встречается. Теперь она распространена очень широко, но неясно, является ли она исконным видом где-нибудь еще. Черепашьи кости на острове Маврикий, соседствующие с костями вымершего дронга, считались принадлежащими именно этой черепахе — в таком случае она бесспорно была бы местным видом. Однако г-н Биброн сообщил мне, что, по его мнению, те черепахи были столь же несхожи с галапагосскими, как и ныне обитающие на Маврикии виды.

Предметно-именной указатель

- Абердарский национальный парк 49
Австралия 104, 110
Алле Жан-Пьер 88
Аллигаторы 114, 118
Археоптерикс (*Archaeopteryx*) 13, 14
Африканский слон 18—51
«Африканский слон» (Бер) 50
- Бегемот 14, 15, 66—77
 брачное поведение 75—76
 драки 66, 75—76
 забота о потомстве 71
 истребление 66
 карликовый 66
 образ жизни 69, 71
 особенности 66
 период беременности 66
 пища и способы ее добывания 10, 66
 птицы и 72
 регулирование температуры тела 12
 социальное поведение 66
 спаривание 66, 75—76
 территориальность 66, 69
 человек и 66
- Белки 10
Белый носорог 15, 78, 82, 85
Бер Ренни 50
Бизоны 17
Барма 52
Ботриодон (*Bothriodon*) 14, 15
Брахизавр (*Brachiosaurus*) 14—15, 17
Буйволы 114
- «Встречи с животными» (Даррелл) 75
Вудли Билл 49
Вымирание 16, 17, 114
- Гавиаловые 114, 118
Галапагосские острова 16, 114, 122—127
Гекконы 116
Гиганты 10—17
Гневы 107
Гималаи 17
Гориллы 10
Гребнистый крокодил 114, 121
- Дарвин Чарлз 16, 46, 114, 126
Дарвинов нанду 112
Дарвиновская научно-исследовательская станция 14
Даррелл Джеральд 75
Динесен Исаак 94
Динозавры 10, 13, 17, 118
Диплодок (*Diplodocus*) 17
Дронг 16, 127
Дуглас-Гамильтон Иэн 18, 45
 — Ория 45
Дюрер Альбрехт 89
- Египет 14, 18
Египетская цапля 72
Единогор 78
Естественный отбор 10
- «Жизнь среди слонов» (Дуглас-Гамильтон) 44—51
Жираф 7, 10, 14, 94—103
 альбинизм 102
 голос 94
 движение 101
 истребление 94
 кровенное давление 12
 местообитание 94
 особенности 94, 96
 пища и способы ее добывания 10, 94, 96, 97
 скорость бега 94, 95
 ухаживание 94
 хищники 94, 96
 человек и 94
- «Зверь Китабу» (Алле) 88—91
- «Из Африки» (Динесен) 94
Индийский носорог 78, 85
 — слон 52—65
Индия 52, 53, 58, 78
Индокитай 92
Ископаемые 10, 16, 17
 живые 92
- Казуар 13, 104, 106
 истребление 104
 особенности 104, 106
- Калимантан 52
Кальмары 10
Карликовый бегемот 66
Кения 27, 36, 45, 49
Килиманджаро, гора (Танзания) 22
Киплинг Редьярд 30
Киты 10, 18
Козы 16, 114, 116
Колибри 13
- Комодский варан 16, 114, 116, 117
 истребление 114
 образ жизни 116
 пища и способы ее добывания 114, 116
 скорость передвижения 116
 яйца 117
- Конго 102
Кошки 114
Кровяное давление 12
Крокодил 14, 66, 72, 114, 118—121
 американские 118
 — гребнистый 114, 121
 каннибализм и 118
 людоеды 114, 118
 — нильский 14, 118
 особенности 118
Кроуз Харви 45, 47, 49
Крошечная бурузубка 12
Крупный рогатый скот 114
Кузнечики 114
Крысы 114
Camelopardalis 94
- Лаос 52
Лебедь-шипун 13
Леопард 66, 72
Лошади 10
Львы 66, 72, 94, 96
Лягушки 127
- Мааврикий, остров 16
Малагаскар 13
Малайзия 78
Маньяра, озеро (Танзания) 23, 35
Марсабит, национальный парк (Кения) 27
Махабалипурам, Индия 55
Меритерий (*Moeritherium*) 14
Млекопитающие 10, 12, 18
Моа 13, 16
Молотоглав 72
Мыши 10
Мюнхен Хорст 45
- Нанду 13, 104
 голос 112
 — Дарвинов 112
 истребление 104
 — обыкновенный 112
 особенности 104
 пища и способы ее добывания 112
 скорость бега 104
Нгоронгоро, кратер (Танзания) 90
Непал, Южная Азия 55
Нильский крокодил 14, 118
Новая Гвинея 104
 — Зеландия 13
Носорог 10, 13, 14, 78—93
 — белый 15, 78, 82, 85
 виды 78, 85
 драки 82, 83
 забота о потомстве 80
 индийский 78, 85
 истребление 78
 образ жизни 80, 82, 83
 особенности 78
 период беременности 80
 пища и способы ее добывания 10, 78
 регулирование температуры тела 86
 спаривание 81
 — суматранский 78, 80, 85
 — черный 78, 81, 83, 85, 86, 87, 88—91
 — яванский 78, 85
- Обыкновенный нанду 112
Овцы 16, 17
Окапи 14, 102
Олдувайское ущелье 16
Олени 114
Островная фауна 17
- Павианы 16, 30, 31, 50
Папуасы 106
Парацератерий (*Paraceratherium*) 14, 15, 78
Пауки 10
Пигмеи 102
Питон 10
Плотоядные 17, 114
Поло Марко 78
Пресмыкающиеся, гиганты 114—127
«Принцип картоффелии» 12
Птицы 13, 114
 бегемоты и 72
 большие 104—113
 нелетающие 104
«Путешествие натуралиста вокруг света на корабле „Бигль“» (Дарвин) 126—127
Paleotragus 14
Proganochelys 14, 15
Protozuchus 14, 15
- Сан-Диего, зоопарк 125
«Саскач» 17
Свиньи 16, 114
Серенгети, национальный парк (Кения) 45, 49, 99
Симбиоз 72
Слон 1, 8, 10, 14, 17, 18—65
 — африканский 18—51
 вода и 39
 забота о потомстве 24
 — индийский 52—65
 искусство и 53
 истребление 17, 52
 образ жизни 26, 43
 особенности 18, 52
 период беременности 24, 52
 притворные драки 22, 23
 работа 52
 смерть 45—51
 социальная структура 20—23
 спаривание 24
 способы добывания пищи 10, 35, 36
 стадо 20, 29
 температура тела 12
 уход за кожей 41
«Слононок» (Киплинг) 30—33
Слоновая черепаха 14, 15, 16, 114, 122—127
 голос 122, 127
 истребление 114, 122, 127
 местообитание 127
 особенности 122, 126
 пища и способы ее добывания 122, 124, 126
 поведение 126
 популяция 125
 скорость передвижения 127
 спаривание 127
 ухаживание 122
 хищники 114, 127
 яйца 125, 127
- Снежный человек 17
Стервятники 107
Страус 13, 14, 104
 истребление 104
 особенности 104
 перья 110
 пища и способы ее добывания 104
 скорость бега 104
 социальное поведение 104
 спаривание 109
 ухаживание 109
 фермы 110
 хищники 107
 яйца 107
- Стэнли, сэр Генри 102
Суматра 78
Суматранский носорог 78, 80, 85
- Таиланд, Юго-Восточная Азия 52
Танзания 16, 22, 23, 35, 36, 45, 90, 114
Тапиры 92—93
Температура тела 12
Тиранозавр (*Tyrannosaurus rex*) 17
Травоядные животные 10, 17, 66, 94, 122
- Уганда 88
Уджунг-Кулон, природный парк (Ява) 78
Улитки 10
- Флорида 118
- Hyrachys* 14, 15
Hyrachtherium 10
- Цао, национальный парк (Кения) 51
- Черепахи 114
Черный носорог 78, 81, 83, 85, 86, 87, 88—91
Чудо-Свинья 10
Чудовище Лох-Несса 17
- Шакалы 107
Шелдрик Дэвид 51
Шри-Ланка 52, 114
- Эволюция 10, 12, 13, 16, 94, 126
Эму 13, 104
 голос 113
 истребление 104
 оперение 113
 особенности 104
 спаривание 113
- Эпиорнис 13, 16
Этоша, национальный парк (Юго-Западная Африка) 41
- Юго-Западная Африка 39, 41
Южная Америка 104
 — Африка 110
- Ява 78
Яванский носорог 78, 85
Яшерцы 16, 114, 117

Литература

- Bere R. M., The African Elephant. Golden Press, 1966.
 Burden W. D., Dragon Lizards of Komodo. G. P. Putnam, 1927.
 Burton M., ed. The World Encyclopedia of Animals. World Publishing, 1971.
 Caras R. A., Dangerous to Man. Holt, Rinehart and Winston, 1975.
 Carrington R., Elephants. Basic Books, 1959.
 Cott H. B., Looking at Animals. Charles Scribner's Sons, 1975.
 De Camp L. S., Elephant Pyramid Publications, 1964.
 Denis A., On Safari. E. P. Dutton, 1963.
 Дуглас-Гамильтон И. и О., Жизнь среди слонов. — М.: Наука, 1981.
 Durrell G., A Bevy of Beasts. Simon and Schuster, 1973.
 Grzimek B., Among the Animals of Africa. Stein and Day, 1970.
 Grzimek B., Rhinos Belong to Everybody. Hill and Wang, 1965.
 Grzimek B., Grzimek's Animal Life Encyclopedia, 6 Reptiles; 7 Birds I; 12 Mammals III. Van Nostrand Reinhold Company, 1975.
 Grzimek B., Grzimek M., Serengeti Shall Not Die. Hamish Hamilton, 1960.
 Guggisberg C. A. W., Crocodiles. Stackpole Books, 1972.
 Guggisberg C. A. W., Giraffes. Golden Press, 1969.
 Hoogerwert A., Ujung Kulon — The Land of the Last Javan Rhino. E. J. Brill, 1970.
 MacClintock D., Mochi U., The Natural History of Giraffes. Charles Scribner's Sons, 1973.
 Milne L., Milne M., Russell F., The Secret Life of Animals. E. P. Dutton, 1975.
 Moss C., Portraits in the Wild. Houghton Mifflin, 1975.
 Mountfort G., So Small a World. Charles Scribner's Sons, 1974.
 Neill W. T., The Last of the Ruling Reptiles. Columbia University Press, 1971.
 Perry R., Life in Forest and Jungle. Taplinger Publishing Company, 1976.
 Peterson J., Animals of Africa. Editions Minerva, 1972.
 Sanderson I. T., The Dynasty of Abu. Alfred A. Knopf, 1962.
 Sanderson I. T., Ivan Sanderson's Book of Great Jungles. Pocket Books, Inc., 1965.
 Schumacher E., The Last Paradises. Doubleday, 1967.
 Sikes S., The Natural History of Elephants. American Elsevier Publishing Company, 1971.
 Spinage C. A., Book of the Giraffe. William Collins Sons and Co., Ltd., 1968.
 The Editors of Time-Life Books, Vanishing Species. Time-Life Books, 1967.
 Willock C., The Editors of Time-Life Books., Africa's Rift Valley. Time-Life Books, 1975.
 Zim H. S., Ostriches. William Morrow and Co., Inc., 1958.

Пру Нейпье, Джон Нейпье, Тони Чиу,
 Томас Дозье и Айван Кей

СЛОНЫ И ДРУГИЕ ГИГАНТЫ СУШИ

Научный редактор Р. Дубровская

Мл. научный редактор М. Харузина

Художник А. Шипов

Художественный редактор Л. Безрученков

Технический редактор Г. Алюлина

Корректор Н. Яковлева

ИБ № 3271

Сдано в набор 24.09.82. Подписано к печати 20.06.83. Формат 84 × 108¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Гарнитуры таймс, плентин. Печать офсетная. Объем 4 бум.л. Усл.печ. л. 13,44. Усл.кр.отт. 55,84. Уч.-изд.л. 17,51. Изд. № 12/2104. Тираж 75 000 экз. Зак. 1480. Цена 3р. 20к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»

129820 Москва, И-110, ГСП, 1-й Рижский пер., 2.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

3 р. 20 коп.